

[Polaris]

РОГ

УЖАСА

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ
О СНЕЖНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXXVII

Salamandra P.V.V.

РОГ УЖАСА

**Рассказы и повести
о снежном человеке**

Том I

Составление и комментарии
М. Фоменко

Издание 3-е, дополненное

Salamandra P.V.V.

Рог ужаса: Рассказы и повести о снежном человеке. Том I. Сост. и комм. М. Фоменко. Изд. 3-е, доп. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 365 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXXXVII).

Йети, голуб-яван, алмасты — нерешенная загадка снежного человека продолжает будоражить умы...

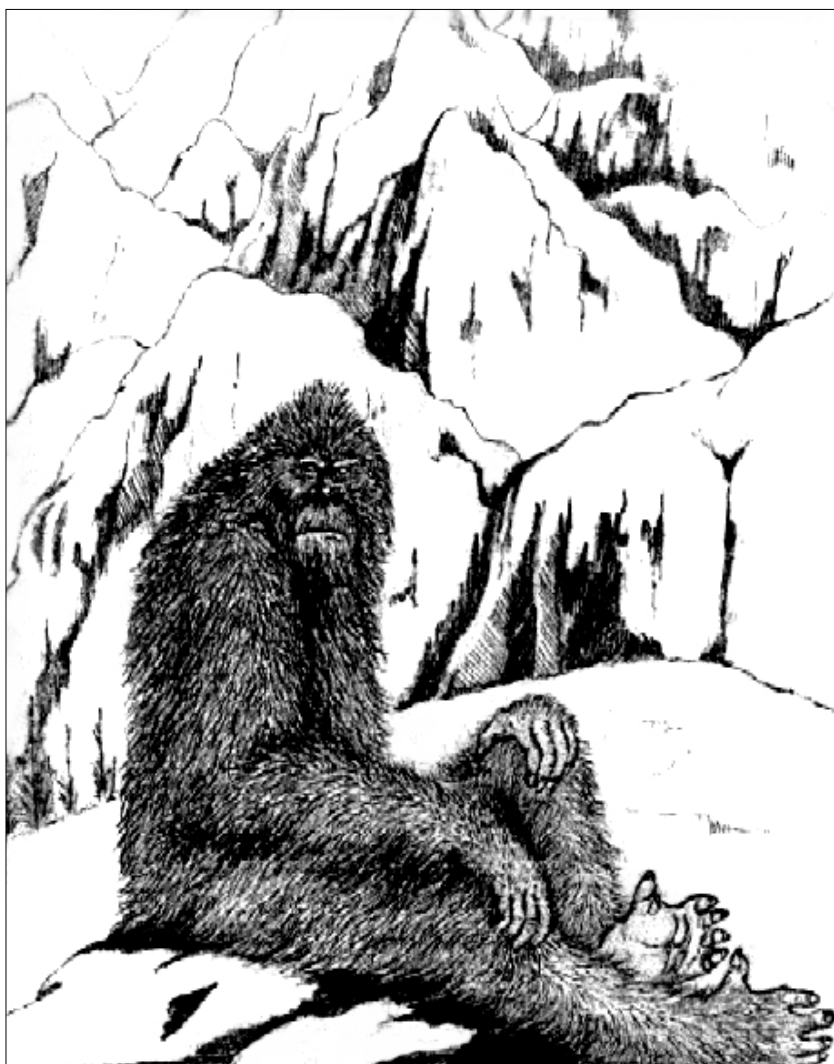
В антологии собраны фантастические произведения о встречах со снежным человеком на пиках Гималаев, в горах Средней Азии и в ледовых просторах Антарктики. Читатель найдет здесь и один из первых рассказов об «отвратительном снежном человеке», и классические рассказы и повести советских фантастов, и сравнительно недавние новеллы и рассказы.

В третьем издании антология пополнилась двумя рассказами, один из которых впервые переведен на русский язык.

© Авторы, переводчики, 2016

© М. Fomenko, переводы, комментарии, 2016

© Salamandra P.V.V., состав, оформление, 2016

РОГ УЖАСА

Эдвард Ф. Бенсон

РОГ УЖАСА

Все минувшие десять дней Альхубель купался в зимнем сиянии, достойном царственной высоты в шесть с лишним тысяч футов над уровнем моря. От восхода до заката солнце (столь удивительное для людей, привыкших к виду бледного, холодного диска, что едва проглядывает сквозь туманы Англии) прокладывало огненный путь в сверкающей синеве, и каждую ночь звезды искрились блестящей алмазной пылью в недвижимом и безветренном морозном воздухе. К Рождеству легло достаточно снега, и лыжники были счастливы, а большой каток, который ежевечерне поливали, по утрам приветствовал конькобежцев свежей ледовой гладью, готовой к их скользким и изысканным коленцам. Вечерние часы пролетали за бриджем и танцами, и мне, впервые испытывшему радости зимы в Энгадине, казалось, что новые небеса и новая земля были усердно подсвечены, подогреты и охлаждены в награду тем терпеливым людям, что подобно мне целый год мудро откладывали дни отдыха на зиму.

Но внезапно идеальная погода переменялась: как-то во второй половине дня солнце заволокла дымка, и ветер из долины на северо-западе, нестерпимо холодный после многомильного полета над покрытыми льдом скалами, ворвался в безмятежные чертоги небес. Вскоре закружилась снежная пелена — сперва небольшие снежинки, гонимые почти горизонтально студеным дыханием ветра, затем крупные хлопья, похожие на лебяжий пух. И хотя почти две недели я не в пример меньше размышлял о судьбах народов и таинствах жизни и смерти, чем о задаче начертить на льду лезвиями коньков узоры должной величины и формы, в тот день я мечтал лишь поскорее найти убежище в отеле: лучше было на время оставить повороты и петли в покое, нежели замерзнуть, добиваясь совершенства.

Приехал я вместе с кузеном, профессором Инграмом, знаменитым физиологом и покорителем многих альпийских вершин. Он успел воспользоваться спокойным промежутком и совершил несколько примечательных зимних восхождений, но тем утром чутье к капризам погоды заставило его с подозрением отнестись к небесным знакам, и вме-

сто восхождения на Пиц-Пассуг он решил выждать и посмотреть, оправдаются ли его опасения. Теперь он сидел в зале восхитительного отеля, устроив ноги на батарее с горячей водой, и просматривал последнюю почту из Англии. Среди прочего была доставлена брошюра с отчетом о результатах экспедиции на Эверест; кузен как раз закончил ее читать, когда я вошел.

— Весьма любопытное сообщение, — сказал он, протягивая мне брошюру, — буду рад, если они достигнут успеха в будущем году, они это заслужили. Но кто знает, что ждет их на финальных шести тысячах футов? Шесть тысяч футов после пройденных двадцати трех тысяч могут показаться сущим пустяком, однако пока еще никто не может сказать, способен ли человеческий организм выдерживать физические нагрузки на такой высоте. Нельзя исключать, что разреженный воздух повлияет не только на легкие и сердце, но и на мозг. Могут начаться бредовые галлюцинации. К слову, если бы я не знал, как обстоит дело, то сказал бы, что с одной такой галлюцинацией восходители уже столкнулись.

— С какой же? — спросил я.

— Здесь говорится, что на большой высоте они заметили на снегу следы босых человеческих ног. На первый взгляд, это кажется обманом чувств. Разве не естественно для сознания альпиниста, взволнованного и воодушевленного пребыванием на предельной высоте, воспринять определенные отметины в снегу как отпечатки человеческих ступней? На такой высоте каждый орган тела напрягается до крайности, выполняя свою работу, и мозг, замечая углубления в снегу, говорит себе: «Да, я в полном порядке, я работаю как должно, и вижу углубления в снегу, которые воспринимаю как человеческие следы». Ведь тебе известно, каким беспокойным и обостренным даже на той высоте, где находимся сейчас мы, становится сознание — ты сам мне рассказывал, насколько яркие сны снятся тебе по ночам. Преумножь втрое эти возбуждающие влияния и, соответственно, беспокойное и обостренное состояние сознания, и ты поймешь, что мозг самым естественным образом пре-

дается иллюзиям! В конце концов, что есть делирий, часто сопровождающий высокую температуру, как не попытка мозга выполнить свою работу в условиях лихорадки? Мозг так стремится воспринимать, что воспринимает вещи, которых и вовсе не существует!

— И все-таки тебе не кажется, что эти следы босых ног были галлюцинацией, — заметил я. — Ты сказал, что счел бы их обманом чувств, если бы не знал, как обстоит дело.

Он пошевелился в кресле и бросил взгляд за окно. В воздухе висела теперь плотная завеса больших снежных хлопьев, крутившихся в вое налетевшей с северо-запада бури.

— Вот именно, — сказал он. — Вероятней всего, человеческие следы были настоящими следами человека. Во всяком случае, отпечатками ног существа, наиболее близко напоминающего человека. Я говорю это по той причине, что знаю — подобные создания существуют. Добавлю, что однажды я даже видел совсем рядом (уверяю тебя, что ближе я ни за что не захотел бы оказаться, пусть и сгорал от любопытства), скажем так, существо, что могло оставить такие следы. Если бы снегопад утих, я показал бы тебе место, где я с ним повстречался.

Он указал на окно: там, за долиной, высилась громадная башня Унгехойергорна с остроконечной кривой вершиной, напоминающей рог гигантского носорога.

Я знал, что на гору можно взойти лишь с одной стороны, и покорить ее были способны лишь самые опытные альпинисты; с трех других сторон отвесные уступы, перемежающиеся пропастями, делают подъем невозможным. Башня представляет собой две тысячи футов крепчайшей скальной породы; ниже идут пятьсот футов упавших сверху валунов, а у подножия раскинулся густой хвойно-лиственный лес.

— На Унгехойергорне? — спросил я.

— Да. Еще двадцать лет назад вершина считалась неприступной, и я, как и некоторые другие, потратил немало времени на поиски подходящего маршрута. Бывало, мы с проводником проводили по три ночи в хижине у глетчера Блюмен, а днем рыскали вокруг, разведывая подходы. Только чистейшим везением можно объяснить, что мы наконец

сумели найти путь, так как с противоположной стороны гора кажется еще более неприступной, чем отсюда. И все же в один прекрасный день мы обнаружили на склоне длинную поперечную трещину; она вела к удобному карнизу, дальше следовала наклонная ледяная расщелина — заметить ее можно лишь в непосредственной близости от устья. Впрочем, мне не к чему вдаваться в подробности.

Большой зал, где мы сидели, постепенно заполнялся жизнерадостными компаниями, которых загнал внутрь внезапный ветер и снегопад, и гомон веселых голосов становился все громче. Музыканты оркестра, этого неизбежного спутника вечернего чая на швейцарских курортах, начали настраивать свои инструменты, готовясь заиграть обычное по-пурри из Пуччини. Мгновение спустя полились нежные, сентиментальные мелодии.

— Невероятный контраст! — проговорил Инграм. — Мы сидим здесь в тепле и комфорте, наш слух приятно щекочут младенческие ноты, а снаружи бушует буря, что крепнет с каждой минутой, и порывы ветра разбиваются о суровые утесы Унгехойергорна — Рога Ужаса, каким стал он для меня.

— Расскажи мне все, — попросил я. — Ничего не упускай: и если рассказ твой краток, пусть станет длинным. Почему ты назвал гору Рогом Ужаса?

— Ну что ж.... Мы с Шантоном (он был моим проводником) целыми днями исследовали утесы, чуть продвигались с одной стороны, останавливались, поднимались футов на пятьсот с другой, пока не натыкались на непроходимое препятствие; так продолжалось, пока нам не улыбнулась удача. Мы нашли путь — но Шантон, по непонятной для меня причине, все беспокоился.

Дело было отнюдь не в трудностях или опасностях восхождения, поскольку в противоборстве со скалами и льдами он был самым храбрым в мире человеком; однако он всегда требовал, чтобы мы до заката спустились с горы и вернулись в хижину у глетчера Блюмен. Да и после, когда мы оказывались в хижине и запирали дверь на засов, беспокойство не оставляло его.

Помню, однажды за ужином мы услышали в ночи вой какого-то зверя, вероятно, волка. Шантона охватил буквально панический страх; полагаю, он до утра не смыкал глаз. Я подумал, что с горой может быть связано некое пугающее поверье либо легенда, чем и истолковывается ее название, и на следующий день спросил его, почему пик именуют Рогом Ужаса. Сперва он отмахнулся и сказал, что, как и в случае Шрекгорна, гора изобилует пропастями и отличается частыми камнепадами; но когда я начал настаивать на ответе, он признался, что вокруг горы давно ходят легенды. Их рассказывал ему отец. Считалось, что на горе, в пещерах, обитали существа, похожие на людей; все их тело, за исключением лица и рук, было покрыто длинными черными волосами. Эти карлики ростом около четырех футов якобы обладали поразительной силой и проворством и являлись выжившими представителями некоей дикой первобытной расы. Горные создания все еще находились в процессе эволюционного развития; по крайней мере, так я предположил. Согласно рассказу Шантона, они иногда уносили девушек, однако не в качестве охотничьей добычи или пиршественного угощения, как произошло бы у каннибалов, но ради получения потомства. Похищали они и молодых мужчин, которых скрещивали с женщинами своего племени. Выглядело все так, словно эти существа, как сказано, были соприродны человеку. Понятно, что в приложении к сегодняшнему дню я не поверил ни единому слову. Вполне допустимо, что много веков назад такие создания и вправду существовали, и рассказы о них, учитывая поразительную цепкость традиции, передавались из поколения в поколение и все еще жили в сердцах крестьян. Что касается их численности, то Шантон поведал мне, что один человек как-то видел вместе трех существ; будучи очень быстрым лыжником, он смог спастись и рассказать о случившемся.

Шантон клялся, что этим человеком был не кто иной, как его собственный дед, и что существа подстерегли его зимним вечером в густых лесах у подножия Унгехойергорна. Шантон предполагал, что существа спустились туда в пои-

сках пропитания, так как зима выдалась очень холодная: раньше их видели только среди скал горного пика. Преследуя его деда, они мчались чрезвычайно быстрым легким галопом, причем бежали то выпрямившись во весь рост, как люди, то на четвереньках, наподобие животных, а вой их был в точности таким, какой мы слышали ночью в хижине у глетчера. Во всяком случае, так утверждал Шантон, и я, подобно тебе, счел его историю самым воплощением давних суеверий.

Но уже на следующий день у меня появились веские причины изменить свое мнение.

В тот день, после недельных исследований местности, мы нашли единственный известный ныне путь к нашей вершине. Мы вышли, когда забрезжил рассвет – как ты можешь догадаться, по трудным для прохождения утесам невозможно карабкаться с фонарем или при свете луны. Мы наткнулись на длинную трещину, о которой я упоминал, проследовали по карнизу – снизу казалось, будто он обрывается в ничто – и за час, вырубая во льду ступени, преодолели ведущую вверх расщелину.

Дальше начался подъем по скалам; спору нет, он оказался сложным, но впереди нас больше не ждали никакие неприятные неожиданности и около девяти утра мы вышли к вершине. Там мы решили не задерживаться: бывает, на той стороне горы рушатся вниз камни, которые высвобождаются из разогретого солнцем льда; поэтому мы поспешили миновать расщелину, где камнепады случаются наиболее часто. Оставалось только спуститься по длинной трещине, что не составило для нас особого труда. К полудню мы справились со своей задачей и оба, как ты можешь вообразить, испытывали полнейший восторг.

Нам предстоял долгий и утомительный спуск: путь вниз пролегал между огромными валунами у подножия пика. Склон в этом месте очень порист, гора изрыта глубокими пещерами. Преодолев трещину, мы сбросили связку и теперь каждый из нас самостоятельно выбирал дорогу между упавшими скалами; некоторые валуны превышали по размеру обычный дом. И вдруг, обойдя один из валунов, я увидел

нечто, сразу заставившее меня поверить, что истории Шантона были вовсе не выдумками суеверных крестьян.

Менее чем в двадцати ярдах от меня растянулось на земле одно из существ, о которых он мне рассказывал. Голое создание развалилось на спине, обратив голову к солнцу, и глядело прямо на яркое светило узкими немигающими глазками. Тело его было совершенно человеческим, за исключением длинных волос на туловище и конечностях, почти полностью скрывавших загорелую кожу. Лицо, не считая пушка на щеках и подбородке, было безволосым, и передо мной предстала звериная физиономия, чье чувственное и злобное выражение наполнило меня ужасом. Будь это создание зверем, никто и не содрогнулся бы при виде его животных черт; весь ужас состоял в том, что это было человеческое существо. Рядом валялись две-три обглоданные кости; существо, как видно, только что оторвалось от еды и теперь облизывало свои выпяченные губы, издавая довольное урчание. Одной рукой оно почесывало волосы на животе, в другой сжимало кость, похрустывавшую в сильных пальцах. Ужас мой, должен признаться, был вызван не рассказами Шантона о печальной судьбе, что ждала пленников этих существ, но самой близостью к созданию, так похожему на человека и одновременно столь дьявольскому. Пик, о восхождении на который я еще минутому назад вспоминал с таким восторгом и упоением, стал для меня истинным Унгехойергорном, ибо здесь обитали твари, какие не привидятся и в самом жутком кошмаре.

Шантон шел за мной шагах в пятнадцати; я сделал предостерегающий жест, и он остановился. Затем я со всей осторожностью, стараясь не привлечь внимание загоравшего на солнце существа, отступил за скалу и шепотом рассказал ему о том, что видел. Побелев от страха, мы двинулись в обход; мы шли согнувшись и выглядывали из-за каждого валуна, зная, что на каждом шагу можем встретить еще одно из этих существ, что из одной из пещер на склоне может вот-вот выглянуть другое безволосое и чудовищное лицо, но на сей раз с телом, снабженным женской грудью и

прочими признаками женственности. Это было бы самым ужасным.

Счастье улыбнулось нам: мы миновали валуны и каменные осыпи, чей шорох мог в любое мгновение выдать нас, избежав повторения моего опыта. Очутившись среди деревьев, мы бросились бежать, точно нас преследовали фурии. Теперь я понимал – хотя, осмелюсь сказать, не в силах передать – всю боязнь и отвращение Шантона при упоминании этих существ. Столь ужасными их делала сама принадлежность к человеческому роду: тот факт, что они относились к одной с нами расе, но к такой упадочной ее ветви, что самый жестокий и бесчеловечный из людей показался бы в сравнении с ними ангельским созданием.

Небольшой оркестр закончил музыкальный номер, прежде чем он завершил свой рассказ, и болтавшие у чайного стола постояльцы начали расходиться по своим комнатам. Он с минуту помолчал.

– Я ощутил тогда, – снова заговорил он, – ужас духа, от которого, истинно свидетельствую, я так полностью и не оправился. Я увидел, каким жутким может быть живое существо и как ужасна, следовательно, сама жизнь. В каждом из нас, думаю, затаилась наследственная бактерия этой невыразимой бестиальности; да, с течением веков она утратила силу, но кто знает, не пробудится ли она снова? Увидев это создание, загоравшее на солнце, я заглянул в бездну, откуда выползли мы все. Теперь оттуда пытаются выползти эти существа, если они все еще живы. На протяжении последних двадцати лет их никто ни разу не видел, но сейчас мы читаем сообщение о следах, замеченных альпинистами на Эвересте. Если оно подтвердится, если участники экспедиции не ошиблись, приняв за человеческий след отпечатки лап медведя или что-либо еще, мы сможем, вероятно, заключить, что эта обособленная ветвь человечества продолжает существовать.

Скажу прямо, что Инграм был убедителен и красноречив, но здесь, в теплом оазисе цивилизации, тот страх, что он несомненно испытал, оставался далек и чужд для меня.

Умом я соглашался с ним, я мог понять его ужас, но душа не отзывалась на его рассказ внутренним содроганием.

— Удивительно все же, — заметил я, — что пристальный интерес к физиологии не рассеял твои страхи. Ты наблюдал, насколько я понимаю, какой-то вид человека, что может оказаться древнее любых известных нам останков. Неужели голос разума не шепнул тебе: «Это открытие имеет колоссальное научное значение»?

— Нет. У меня было лишь одно желание — бежать, — ответил он. — Как я уже говорил, дело было совсем не в том, что, по рассказу Шантона, могло ожидать нас в плену; сам вид существа вселил в меня ужас. Я весь дрожал.

Снежная буря с растущей яростью бушевала всю ночь. Я плохо спал; снова и снова меня пробуждали от дремоты бешеные порывы ветра, который сотрясал окна, словно бы властно настаивая на своем праве ворваться в комнату. Ветер налетал волнами, и к шуму его примешивались странные звуки, слышимые яснее в мгновения тишины; посвистывания и стоны переходили в вопли, когда новый порыв ветра начинал неистово колотиться в окна. Звуки эти, должно быть, проникли в мое затуманенное и сонное сознание. Припоминаю, как я очнулся от кошмара: мне привиделось, что существа с Рога Ужаса забрались ко мне на балкон и со скрежетом пытались открыть оконные задвижки. Но к утру буря утихла; я проснулся и увидел, что в безветренном воздухе густо и быстро падает снег. Он шел три дня без перерыва, а с окончанием снегопада наступили неслыханные морозы. В одну из ночей температура упала до пятидесяти градусов, в следующую ночь стало еще холоднее. Невозможно было представить себе холод, царивший, должно быть, среди утесов Унгехойергорна. Не иначе, размышлял я, тайные обитатели горы встретили свой конец: да, в тот день, двадцать

лет назад, кузен мой упустил уникальную возможность для научных исследований, какая больше, вероятно, не представится ни ему, ни кому-либо еще.

Как-то утром я получил письмо от друга; он сообщал, что прибыл на соседний зимний курорт Сен-Луиджи, и предлагал мне присоединиться к нему, обещая утреннее катание на коньках и ланч. Курорт находился всего в нескольких милях от нас, и кратчайшая дорога вела через низкие, поросшие соснами холмы; над ними круто уходили вверх глухие леса у подножия первых скалистых ребер Унгейергорна. Я уложил в рюкзак коньки и встал на лыжи; мне предстояло пересечь лесистые склоны и затем свернуть на удобный спуск к Сен-Луиджи. День выдался пасмурный, тучи постоянно застилали наиболее высокие пики, хотя сквозь туман проглядывало бледное и тусклое солнце. Но утро уже вступало в свои права, солнце победило, и в Сен-Луиджи я спустился под сияющим куполом небес. Мы с другом покатались на коньках, но после ланча мне показалось, что погода вновь собирается испортиться, и около трех часов дня я заторопился в обратный путь.

Стоило мне оказаться в лесу, как небо затянули густые и темные облака; полосы и ленты тумана обвили сосны, сквозь которые я пробирался. Через десять минут лес стал так сумрачен, что я ничего не мог разглядеть и в десяти ярдах от себя. Вскоре я осознал, что сбился, вероятно, с проторенной дороги, так как прямо передо мной раскинулись покрытые снегом кусты; я вернулся было назад в поисках лыжни и в итоге совсем заблудился.

И все-таки, несмотря на все трудности, я понимал, что следует двигаться вверх — вскоре я должен был выйти на гребень низкого холма, откуда нетрудно будет спуститься в открытую долину, где лежит Альхубель. Я продолжал свой путь, спотыкаясь и преодолевая препятствия. Глубокий снег не позволял мне снять лыжи: в этом случае при каждом шаге ноги погружались бы по колено. Подъем все не заканчивался. Я взглянул на часы и понял, что покинул Сен-Луиджи более часа назад, а этого более чем хватило бы на все путешествие. Конечно же, я сбился с дороги, однако все еще

продолжал считать, что через несколько минут обязательно выберусь на гребень и найду спуск в соседнюю долину. Примерно в это же время я начал замечать, что клубы тумана постепенно розовеют; видно, близился закат, но мне приносила некоторое утешение мысль, что туман мог вот-вот разойтись, подсказав мне верное направление. В то же время я знал, что скоро наступит темнота, и гнал из сознания отчаяние бесконечного одиночества, так разъедающее душу человека, заблудившегося в лесу или на горном склоне: в нем еще осталось немало энергии, но его нервные силы истощены, и он может лишь лечь на снег в ожидании приговора судьбы... И затем послышался звук, тотчас превративший мысль об одиночестве в небесное блаженство – ибо бывает судьба много горше одиночества. Он напоминал волчий вой и раздавался где-то неподалеку, впереди, где высоко вздымался гребень холма – был ли то гребень? – в облачении сосен.

Сзади налетел внезапный порыв ветра, с сосновых ветвей посыпался мерзлый снег, туман рассеялся, как сметенная метлой пыль.

Надо мной раскинулось сверкающее чистое небо, уже окрашенное красноватыми тонами заката. Я стоял на самом краю леса, в котором так долго блуждал.

Но впереди была не долина – прямо передо мной высился крутой склон, усеянный скалами и валунами; он уходил вверх, к подножию Унгехойергорна. Чей же вой, подобный волчьему, сковал мое сердце? Теперь я увидел.

Не далее как в двадцати ярдах от меня лежало упавшее дерево; к стволу его прислонилось одно из существ Рога Ужаса, и это была женщина. Ее окутывал плотный покров седых клочковатых волос; они ниспадали с головы на плечи и прикрывали увядшие, отвислые груди. Глядя на это лицо, я не одним только разумом, но с содроганием всей души проникся чувствами Инграма. Никогда еще кошмар не вылеплял такой чудовищный лик; вся красота солнца и звезд и зверей полевых и добросердечного человечества не могла искупить столь адское воплощение духа жизни. Неизмеримо-животное начало изваяло этот жующий рот и щелки

глаз; я заглянул в самую бездну, сознавая, что из этой бездны, на чьем краю я сейчас застыл, выбрались целые поколения людей. Но что если каменный край обрушится и увлечет меня за собой в ее бездонные глубины?..

Одной рукой старуха держала за рога серну, которая отчаянно билась и сопротивлялась. Копытце задней ноги ударило женщину в иссохшее бедро; с гневным ворчанием она поймала другой рукой ногу серны и, как человек вырывает с корнем луговую травку, оторвала ее от тела, оставив в прорванной шкуре зияющую рану. Затем она поднесла ко рту красную, истекающую кровью конечность и принялась ее обсасывать — так ребенок сосет леденец. Пеньки ее коричневых коротких зубов впились в мясо и сухожилия, и она с урчанием облизала губы. После, отбросив оторванную ногу, она взглянула на тело своей добычи, содрогавшейся теперь в предсмертной агонии, и указательным и большим пальцами выдавила один из глаз серны. Она вцепилась в него зубами, и глазное яблоко лопнуло, словно тонкая скорлупа ореха.

Думаю, я наблюдал ее не более нескольких секунд в необъяснимом оцепенении ужаса, в то время как в сознании звучали панические приказания мозга, обращенные к недвижным ногам: «Беги, спасайся, пока еще не поздно». И затем, с трудом овладев своими мышцами и сочленениями, я попытался скользнуть за дерево и спрятаться от этого видения. Но женщина — называть ли ее женщиной? — как видно, краем глаза заметила мое движение. Она подняла взгляд от живой трапезы и увидела меня. Старуха вытянула шею вперед, отшвырнула добычу и, согнувшись, двинулась ко мне. Одновременно она разинула рот и издала вой, схожий с тем, что я слышал мгновение назад. Ей ответило издали другое, еле слышное завывание.

Оскальзываясь и едва не падая, задевая кончиками лыж за скрытые под снегом ветки и камни, я бросился вниз по склону, петляя между соснами. Низкое солнце, уже спускавшееся за какой-то горный кряж на западе, окрашивало снег и сосны последними красноватыми лучами дня. Рюкзак с коньками болтался у меня на спине, одну палку я успел по-

терять, наткнувшись на лежавшую в снегу сосновую ветку, но не решился помедлить даже секунду, чтобы ее подобрать. Я не оглядывался и не знал, с какой скоростью бежит моя преследовательница, да и преследует ли она меня вообще: все мои силы и энергия, в неравной борьбе с паническим страхом, были устремлены сейчас на спуск с холма, и я мечтал как можно скорее выбраться из леса. Некоторое время я не сознавал ничего в своем безрассудном бегстве, только скрипел под лыжами снег и потрескивал заснеженный ковер иголок, а затем позади, совсем близко, вновь раздался волчий вой и я расслышал звук бегущих ног.

Лямка рюкзака сползла и, благодаря болтавшимся в нем конькам, терла и сдавливала мое горло, препятствуя доступу воздуха, в котором, Господь свидетель, так нуждались мои натруженные легкие; не останавливаясь, я сбросил рюкзак и сжал его лямки свободной от палки рукой. Бежать стало легче, и теперь я уже мог разглядеть внизу, чуть поодаль, тропу, с которой невольно свернул в лесу.

Если только я достигну ее, накатанный наст позволит мне оторваться от преследовательницы: на склоне, где спуститься было труднее, существо мало-помалу догоняло меня; при виде этой змейки, привольно тянувшейся к подножию холма, в черном провале отчаяния, что охватило мою душу, блеснул луч надежды. С ним пришло и неоодолимое, настойчивое желание увидеть, что или кто бежит по моим следам, и я позволил себе оглянуться. То была она, ведьма, которую застал за отвратительным пиршеством; длинные седые волосы развевались за ее плечами, она лязгала зубами и издавала невнятные звуки, пальцы ее сжимались, захватывая воздух, точно уже смыкались на моем горле.

Но тропа была близко, и потому, думаю, я утратил осторожность. Заметив впереди невысокую кочку, я решил, что сумею перепрыгнуть через этот покрытый снегом куст, зацепился лыжами и упал, погрузившись в сугроб. Позади, прямо за спиной, раздался безумный возглас, не то вопль, не то смех, и не успел я встать, как в мою шею вцепились жадные пальцы и я словно очутился в стальном капкане. Пра-

вая рука, сжимавшая рюкзак, оставалась свободна; я вслепую махнул ею назад, рюкзак, крутясь, вылетел на всю длинную лямки и я понял, что мой слепой удар попал в цель. Я все еще не мог повернуть голову, но почувствовал, как хватка на горле расслабилась, а затем что-то рухнуло на куст, ставший ловушкой для моих лыж. Я поднялся на ноги и обернулся.

Она лежала, корчась и дрожа. Лезвие одного из коньков разрезало тонкую альпагу рюкзака и угодило ей точно в висок, откуда потоком струилась кровь; но в сотне ярдов позади я увидел такое же существо — оно прыжками несло вниз по моим следам. В новом приступе паники я помчался на лыжах по гладкой белой тропе к уютным огонькам деревни, уже заблестевшим вдали. Я бежал, ни на секунду не останавливаясь, и только там, среди человеческих жилищ, почувствовал себя в безопасности. Я навалился на дверь отеля и принялся громко кричать, моля, чтобы меня впустили, хотя достаточно было просто повернуть дверную ручку и войти; и снова, как тогда, когда Инграм рассказывал свою историю, меня приветствовала музыка оркестра, и шум голосов; а вот и сам он — поднимает голову и быстро вскакивает, когда я неверными шагами вваливаюсь в зал.

— Я тоже видел одно из тех существ, — вскричал я. — Погляди на мой рюкзак. Ведь на нем кровь? Это кровь одной из них, женщины, старой ведьмы... она оторвала ногу серны у меня на глазах и гналась за мной по всему проклятому лесу... и я...

Не знаю, завертелся ли я, или комната вокруг меня, но я услышал звук собственного падения, ударился о пол и пришел в сознание, лежа в постели. Рядом был Инграм, уверявший, что мне больше ничего не угрожает, и еще один человек, незнакомец, который проткнул мне кожу на руке иглой шприца и стал произносить успокоительные слова...

День или два спустя я пришел в себя и смог связно изложить подробности лесного приключения. Трое-четверо мужчин, запасшись ружьями, отправились по моим следам. Они нашли место, где я споткнулся о заснеженный куст, увидели рядом лужу крови, пропитавшей снег и, продолжая ид-

ти по следам моих лыж, наткнулись на труп серны с оторванной задней ногой и пустой глазницей.

Таковы немногочисленные доказательства, какие я привожу в подтверждение своего рассказа. Я полагаю, что существо, преследовавшее меня, было лишь ранено моим ударом; но возможно также, что ведьма умерла и тело ее унесли соплеменники... Безусловно, недоверчивые читатели вправе самостоятельно исследовать пещеры Унгехойергорна: там они смогут проверить, не случится ли с ними что-либо, что окончательно их убедит.

Александр Беяев

БЕЛЫЙ ДИКАРЬ

Рис. В. Силкина

В прошлом году во многих газетах была помещена телеграмма (Лондон, 7 мая 1925 г.), сообщавшая о том, что один ученый встретил в Гималайских горах, на высоте 15.000 футов, дикаря, «принадлежащего к неизвестной до сих пор расе первобытных людей». В своем рассказе А. Беляев живо рисует столкновение подобного «белого дикаря», вырванного из привычной ему обстановки, с «цивилизованным» миром. Резкий контраст встретившихся двух эпох, двух мировоззрений, как и всегда, ведет к конфликту между ними, и «слабейший» неизбежно терпит поражение... Здесь слишком очевидно неравенство сил — одного против всех, — и трагическая развязка предрешена, но все же ход борьбы захватывает читателя, а герой рассказа — близок и понятен нам, несмотря на то, что он — человек далекого, давно ушедшего мира.

I. Птица на шляпе

Странное впечатление производили эти руины времен римского владычества древней «Лютецией», затерявшейся среди домов Латинского квартала. Ряды каменных полуразрушенных скамей, на которых когда-то рукоплескали зрители, наслаждаясь кровавыми забавами, черные провалы подземных галерей, где рычали голодные звери перед выходом на арену... А кругом такие обычные скучные парижские дома, с лесом труб на крышах и сотнями окон,

безучастно смотревших на жалкие развалины бывшего величия...

Путники остановились.

Их было трое: Анатоль, мальчик лет десяти, худенький, черноволосый, с застывшим вопросом в грустных глазах, его дядя, Бернард де Труа, «шелковый король», и его жена — Клотильда. Только настойчивость Клотильды заставила ее мужа бросить срочные дела и предпринять эту «научную экспедицию» — новый каприз молодой женщины, увлекшейся археологией.

Мадам де Труа, казалось, была очарована зрелищем. Ее тонкие ноздри вздрагивали. Несколько раз, нервным движением руки, она приводила в порядок непослушную прядь каштановых волос, выбивавшуюся из-под серой шелковой шляпы, украшенной маленькой белой птицей.

— Нужно заставить говорить эти камни, — воскликнула она наконец, — мы сделали ошибку. Нам надо приехать ночью, когда светит луна... Луна вызовет к жизни тени прошлого, и перед нами развернутся волшебные картины. Мы услышим звуки букцин — римских военных труб. Один их громоподобный рев приводил в бегство врагов... Зазвучат трубы, и в ответ им раздастся рев голодных зверей, почуявших человеческое мясо, и мы увидим, как Цезарь... ах... ой...

Клотильда де Труа отчаянно вскрикнула. Неожиданное событие прервало поэтический полет ее фантазии.

Какой-то человек, лет двадцати пяти, высокий, сложенный как Геркулес, с русой бородкой и усами на бронзовом лице, незаметно подкрался к ней и быстрым движением сорвал с ее шляпы белую птицу, разорвал ее на мелкие куски и с недоумением начал перебирать пальцами клочья ваты, которыми была набита птица.

Его глаза... Несмотря на весь испуг, Клотильда не могла не заметить этих глаз, их необычайной голубизны, яркости. В них горел какой-то странный огонь. Это не был огонь безумия, но, вместе с тем, в глазах было что-то странное, чего ей никогда не приходилось встречать. В них была зоркость зверя и наивность ребенка. Лицо незнакомца можно

было бы назвать красивым, если бы не выдающиеся надбровные дуги, глубоко посаженные глаза и широкие ноздри. Он был без шляпы. Длинные и густые русые волосы покрывали его голову.

Все оцепенели от этой непонятной выходки незнакомца. Но в следующую же минуту Бернард де Труа бросился к нему, размахивая палкой. Незнакомец, скаля рот в широкой улыбке, открывавшей его прекрасные, крепкие зубы, принял это, как игру. Он будто дразнил де Труа, подбегая к нему и увертываясь от ударов с ловкостью и природной грацией молодой пантеры.

А с угла улицы уже бежал какой-то человек, размахивая руками.

— Адам, назад! — кричал он, как будто на собаку.

Русоволосый великан неохотно, но послушно прекратил игру, отойдя в сторону с каким-то приглушенным рычаньем. В этот же момент с другого угла подходил полицейский, привлеченный криками.

— Приношу мои извинения, — кричал еще издали человек, отозвавший Адама, размахивая шляпой. — Позвольте уверить вас, что здесь не было злого умысла. Разрешите представиться... Профессор Сорбонны по кафедре археологии и палеонтологии Август Ликорн. А вот это Адам... просто Адам... Я сейчас объясню вам...

Но рассердившийся «шелковый король» ничего не хотел слышать.

— Это безобразие. Оскорблять женщину...

— Но позвольте объяснить...

— Никаких объяснений. — И, протягивая трясущейся от гнева и волнения рукой визитную карточку полицейскому, де Труа сказал:

— Вот моя карточка и адрес. Прошу записать этих господ и передать дело в суд. Идем!

Он взял под руку жену, кивнул головой Анатолю, приказывая ему следовать за собой, и быстро зашагал к поджидавшему их черному лакированному автомобилю.

Когда прекрасный лимузин бесшумно тронулся в путь, Анатолий обернулся и с детским любопытством, страхом и

восхищением посмотрел на странного человека, сорвавшего птицу со шляпы тети Кло.

II. Неприятный визит

Профессор Ликорн, свернув с Итальянского бульвара в небольшую улицу Пиллэ-Вилль, замедлил шаг. После шума бульвара тишина этой улочки поражала слух. Это была тишина храма, вернее, капища Золотого Тельца. Здесь живут миллионеры. Хмурые многоэтажные дома, с решетками на окнах нижнего этажа, недружелюбно смотрят на редких прохожих.

— Кажется, здесь... — Профессор Ликорн, волнуясь, нажал кнопку электрического звонка, оправленную в оскал бронзовой львиной головы. Молчаливый швейцар не спеша открыл дверь, выпустил профессора в вестибюль, уставленный растениями, с большим стоящим у входа медведем, и позвонил наверх.

По широкой лестнице, устланной темно-красным ковром, спустился слуга. Ликорн протянул ему визитную карточку.

— Господин де Труа дома? Я хотел бы видеть его по личному делу.

— Господин де Труа принимает по личным делам в четверг и субботу, от девяти часов двадцати минут до десяти часов утра. Сегодня вы можете видеть только его секретаря.

В этот момент на лестнице показалась Клотильда де Труа, в сером пальто и серой шелковой шляпе с белой птицей у борта. Ликорн поклонился и отошел в сторону, пропуская ее к выходу.

Клотильда де Труа любезно ответила на поклон. Она узнала Ликорна.

— Профессор Ликорн! Вы к мужу? Его нет. Что привело вас сюда? Не история ли с птицей на моей шляпе? Вы

видите, птица опять сидит на своем месте, значит, все в порядке.

— Я, действительно, пришел поговорить с господином де Труа по поводу того неприятного происшествия, которое имело место...

— Ну что же, поговорите со мной. Ведь, в конце концов, не муж, а я оказалась в роли «потерпевшей». Значит, вся эта история — мое личное дело. Пойдемте со мной, профессор.

Слуга поспешно подошел к Ликорну и почтительно снял пальто.

Ликорн едва поспевал за Клотильдой, которая быстро поднималась по лестнице.

— Наше знакомство завязалось довольно оригинально, не правда ли? — с тою же любезной улыбкой обратилась Клотильда к Ликорну, когда они уселись в гостиной на мягкие кресла.

— Да, — смущенно ответил он, — оригинально, хотя и не совсем приятно и для вас и для меня. Полиция составила протокол, и дело будет передано в суд.

— Какие глупости. Я скажу мужу, и все будет улажено. И не будем больше говорить о судах, протоколах и полиции. Одни эти слова режут мне слух.

У Ликорна отлегло от сердца.

— Я даже очень довольна, — продолжала Клотильда, — что этот случай доставил мне интересное знакомство. Я читала ваши книги о первобытном человеке, и они мне очень нравятся...

Ликорн поклонился. Он никак не ожидал встретить здесь почитательницу своих научных трудов.

— Скажите, профессор, этот молодой человек, поймавший птицу на моей шляпе, не тот ли дикий человек, которого вы нашли в Гималайских горах, в вашу последнюю экспедицию? Все газеты писали о нем, и мне страшно хотелось посмотреть эту знаменитость.

— Да, это он. Дикий человек или, вернее, белый дикарь, которого я нашел в Гималайских горах, на высоте нескольких тысяч футов.

Клотильда сделала быстрое движение.

— Как это интересно...

— Действительно, этот белый дикарь представляет необычайный научный интерес. Он не просто дикарь. Это случайно сохранившийся экземпляр совершенно исчезнувшей человеческой породы, последний представитель людей, которые жили много десятков тысяч лет тому назад и которые, как я предполагаю, были прародителями европейских народов.

— Вы его называли Адамом?

— Это имя дано было ему в шутку, а затем закрепилось за ним. Исключительно интересный экземпляр. Но... — профессор Ликорн вздохнул, — если бы вы знали, сколько принес он мне забот и неприятностей. В первое время я, разумеется, не мог выпускать его на свободу. Его приходилось дрессировать, как животное. Но он скучал взаперти. И когда он несколько «цивилизовался», я стал брать его с собой на прогулку. Он привязан ко мне и послушен, как собака.

Когда я в первый раз пошел с ним в Люксембургский сад, он буквально пришел в дикий восторг. И, прежде чем я опомнился, он уже взобрался на дерево и закричал от радости так, что гулявшие дети с плачем в ужасе шарахнулись в сторону. Сторож окаменел от такого святотатства. В другой раз Адам бросился в бассейн фонтана Карно, — он захотел купаться. На площади Согласия он взобрался на статую коня, собрав вокруг себя толпу зевак...

Клотильда засмеялась. Она слушала его с большим интересом.

— Однажды, когда мы возвращались с Адамом на извозчике, ему надоело ехать слишком медленно. Адам схватил извозчика за шиворот, ссадил с козел, одним прыжком сел верхом на лошадь и помчался во всю прыть.

Клотильда вторично звонко рассмеялась.

— Всего не перескажешь. И на мою голову сыплются протоколы, штрафы, судебные процессы. Улица Шамполлиона, где мы живем с ним, была просто терроризирована. В первое время администрация Сорбонны выпутывала меня

из беды, иногда на помощь приходило и министерство просвещения. Но, в конце концов, им надоело это. К счастью, Адам значительно остепенился. Он уже порядочно говорит по-французски. Я уже радовался, что с его дикими выходками покончено, и вот третьего дня этот неприятный случай с вами...

— Не будем говорить об этом случае, дорогой профессор. Расскажите лучше, как вам удалось оторвать от родных гор этого двуногого звереныша и перевезти в Париж.

— Я готовлю к печати мой путевой дневник. Если вы интересуетесь, я могу дать вам корректурные оттиски.

— Милый профессор, как я вам благодарна! Завтра же пришлите. — Клотильда порывисто встала и пожала обе руки Ликорна.

III. Дневник профессора Ликорна

На следующий день горничная подала на подносе утреннюю почту.

— Это дневник! — воскликнула Клотильда. — Мари, сегодня я никого не принимаю.

Когда горничная ушла, Клотильда, с нервной торопливостью, разорвала большой конверт, уселась в глубокое кресло и начала читать.

11-го июня. Когда я отправился в экспедицию на Гималайские горы, один мой коллега шутливо пожелал мне встретить среди вечных снегов горных вершин «живого однофамильда»*. Это пожелание не исполнилось. «Снежное жилище»** приняло меня довольно негостеприимно. И, во-

* По-французски *Licorne* (Ликорн) — единорог, мифическое существо.

** По-санскритски *Himalaja* (откуда и название Гималаи) означает зимнее или снежное жилище.

обще, путешествие мое, в научном отношении, шло довольно неудачно.

Я начал свое путешествие с подошвы южного склона, прилегающего к провинции Ассам. Горы внизу, покрытые роскошной тропической растительностью, дают приют тиграм, слонам, обезьянам. Яркая зелень всех оттенков, от светло-желтого до темно-синего, расцвечена еще более яркими красками цветов и оперения птиц: попугаев, фазанов, кур самой необычайной окраски. Если бы не тучи насекомых и неприятная сырость по ночам и даже днем, поднимающаяся от заболоченной низменности у подошвы гор, это место было бы достойно названия земного рая.

Прекрасен и второй пояс, на высоте 1.000 метров, с его знакомой европейскому глазу растительностью – дубами и дикими каштанами.

Выше 2.500 метров – уже царство хвойных деревьев, а на высоте 5.600 метров начинается в собственном смысле «снежное жилище». Сюда только изредка поднимается медведь или горный козел. Как странно стоять на вершине шести-семи тысяч метров, в ледяном воздухе, от которого захватывает дыхание, и смотреть вниз, на зеленый пояс тропической растительности. Изумительное зрелище.

Но я пришел сюда не для красот природы. Я искал «своих однофамильцев», следы тех, кто обитал в этом снежном жилище сотни, тысячи, миллионы лет тому назад. Поиски мои, однако, были неудачны. *Himalaja* ревниво скрывала свои тайны под глыбами льда.

Путешествие здесь сопряжено с необычайными трудностями. Горы изломаны, пересечены ущельями. Ночью нестерпимый холод. Совершенно нет топлива: ни пучка сухой травы, ни кустарника. Снег, и лед, и вечное безмолвие.

Проводники роптали, и многие из них покинули меня после того, как один проводник упал в пропасть и разбился. Со мной остались только трое. Рубить с ними лед, в поисках ископаемых, было бы безумием. Осталось надеяться на помощь природы: иногда при обвале скал или ледяных глыб обнажаются кости первобытных животных. Но

судьба не посылала мне такой счастливой случайности. И я уже подумывал о бесславном возвращении.

Но сегодняшнее утро вознаградило меня за все. Представляю, сколько шума наделает моя находка во всем ученом мире.

Вот как это было.

Рано утром бродил я между оледенелыми скалами в одиночестве, с винтовкой за плечами.

Завернув за утес, я увидел нечто, заставившее меня вздрогнуть. Мне казалось, что я галлюцинирую. Передо мной, шагах в двадцати, у утеса стоял спиной ко мне двуногий зверь. Иначе я не могу назвать это существо. На его голом бронзовом теле был накинут только плащ из звериной шкуры, скотый на левом плече. Густые волосы превращали его голову в копну. Уши его двигались. На руках и под кожей обнаженных плеч и правой лопатки играли мускулы, как огромные шары. Он голыми ногами упирался в лед, как будто это был паркет, а в руках держал глыбу льда. Но эта глыба несколько не стесняла его движений. Держа на весу эту тяжесть, он всем корпусом подался вперед

и высматривал что-то внизу. Наконец, улучив какой-то момент, он с диким рычаньем, которое разнеслось по горам, как удар грома, бросил вниз глыбу льда.

И тотчас, в ответ, раздалось разъяренное рычание медведя. Двухногий зверь отломил еще большую глыбу и кинул ее вниз, а вслед затем с тем же рычанием сам бросился вниз.

В несколько скачков я был на его месте.

Передо мною открылась новая картина, будто выхваченная из ледникового периода. Никогда не забыть мне этой картины.

На дне небольшой ледяной лощины лежал окровавленный дикий козел с перебитым позвоноком. Над ним стоял на задних лапах, с окровавленной головой, медведь. Он свирепо рычал, подняв вверх передние лапы, и из его пасти лилась на синеватый лед струя крови. А навстречу ему, только с ледяной глыбой в руках, бесстрашно шел другой зверь — двухногий.

Почему двухногий зверь так спешил? Почему он не добил медведя со своего безопасного утеса? Не умел он справиться с чувством голода при виде лакомого козла или считал медведя нестрашным противником?.. Кто прочтет мысли под этим толстым черепом?

Противники быстро шли навстречу друг другу. Когда расстояние между ними было не более полутора метров, двуногий зверь бросил в медведя свой ледяной снаряд. Удар пришелся в левый глаз. Медведь присел, завыл от боли и стал лапами тереть морду.

Но в этот же момент, увидав сохранившимся глазом, что противник сделал прыжок, медведь, преодолевая боль и прерывисто рыча, опять поднялся во весь свой рост в оборонительной позе. Остановился и двуногий зверь. Несколько минут они стояли неподвижно. Потом двуногий зверь медленно стал заходить со стороны ослепшего глаза медведя. Медведь начал подвигаться в том же направлении, по кругу. Так они прошли два круга, как борцы перед решительной схваткой.

Я ожидал, что они бросятся в объятия друг друга, но вышло иначе.

В начале третьего круга двуногий зверь оказался рядом с лежавшим на льду козлом. С необычайной быстротой он вдруг схватил козла, зажал в крепких зубах козлиное ухо и, с ловкостью кошки, стал взбираться по ледяным уступам со своей добычей.

Медведь, забыв о тяжелых ранах, с удвоенным ревом бросился вслед за врагом, уносящим вкусный завтрак. Но похититель взобрался уже почти на четыре метра, и медведь, в бессильной злобе, царапал крутой ледяной откос.

Я был восхищен отвагой, ловкостью и находчивостью двуногого зверя, — не эти ли качества сделали его царем природы, — и уже подумал о том, как мне избежать встречи с великаном. Вдруг крик звериного отчаяния разбудил горное эхо, и я увидел, как двуногий зверь, вместе с козлом и обломившейся глыбой, летит вниз. С глухим ударом ударилось тело двуногого зверя, глыба придавила ему ногу, и медведь с победным ревом бросился на свою жертву. Двуногий зверь еще не сдавался и, лежа на спине, старался кулаками отбрасывать лапы медведя, с огромными, выпущенными когтями.

Но положение его было почти безнадежно. Вот медведь сорвал кожу с кисти правой руки, вот запустил острые ког-

ти в левое плечо... и двуногий зверь, только что проявивший чудеса храбрости, кричал от страха и боли, как могут кричать только звери.

В одну минуту я вскинул винтовку, прицелился в голову медведя и, рискуя убить двуногого зверя, спустил курок.

Гулкий выстрел прокатился в горах, эхо повторило его много раз, и сразу наступила тишина. Медведь, убитый наповал, рухнул всем телом на своего врага, покрыв его своей огромной тушей. Жив ли он, мой двуногий зверь?

Не помню, как сбежал я в лощину. Бросился к медведю и, ухватив его за лапы, стал тянуть. Напрасное усилие. Я, парижанин двадцатого века, обладал могущественным оружием, которое поражает насмерть, но слишком слабыми руками, привыкшими иметь дело с книгами, а не с тушами медведей. Мне удалось только освободить голову несчастного. Он был жив и даже не потерял сознания. И он смотрел на меня своими блестящими и голубыми, как небо, глазами.

Мой громоподобный выстрел, сразу уложивший медведя, мой необычайный для двуногого зверя вид, — все это должно было сильно поразить его воображение. Но вместе с тем, я не ошибаюсь, он понял главное: что я тоже двуногий зверь, пришедший ему на помощь. И в его взгляде я прочитал что-то похожее на благодарность. Благодарность человека к человеку. Животным также знакомо чувство благодарности. Но в его взоре было нечто большее. Звери так не смотрят. Да, это был человек. Дикий человек, неизвестной, вымершей первобытной белой расы, но человек.

Однако, рассуждать было не время. Надо было звать на помощь. И я стал стрелять, пока не расстрелял все свои патроны. Потом начал кричать. Скоро послышались ответные крики. Ко мне спешили мои проводники.

С их помощью мне удалось освободить белого дикаря от туши медведя и глыбы льда. Он не стонал, хотя кровь обильно текла из его ран, сквозь разорванные мышцы была видна плечевая кость, а нога, по-видимому, была переломлена. Я сделал перевязки, а затем мы с величайшей

осторожностью понесли к месту стоянки нашу драгоценную ношу.

Едва ли к родному брату я проявил бы столько забот. И понятно почему: ведь это был не просто человек. Это был, быть может, единственный во всем мире экземпляр отдаленных предков человека. Целый ряд неоспоримых признаков говорил за это... я кричал на проводников, когда они оступались, а сам мысленно уже анатомировал его, взвешивал его мозг, измерял лицевой угол...

Конечно, это не *Pitecantropus erectus*, остатки костей которого найдены еще тридцать три года тому назад голландским врачом Дюбуа, — питекантропус был ближе к обезьяне, чем к человеку, и вымер уже около миллиона лет тому назад. И это — не гейдельбергский человек, живший на заре ледникового периода, — нечто среднее между человеком и обезьяной; наконец, это и не неандертальский человек ледникового периода, — тот ниже и приземистей... Скорее всего, он — кроманьонец, прародитель или, вернее, случайно сохранившийся потомок этих прародителей народов Западной Европы. Живой кроманьонец. Что скажут мои коллеги? Что скажет весь ученый мир? Это лучше единого рога. Я превзошел самого себя.

IV. Продолжение дневника

13-го июня. Мой Адам, как я назвал дикого человека, поправляется быстрее, чем я думал. Два дня после битвы с медведем он пролежал в лихорадке, без памяти, рычал и порывался встать. Нам с большим трудом удавалось удерживать его в кровати.

Пользуясь его беспомощностью, я, признаюсь, не удержался и произвел кое-какие исследования антропометрического характера. Объем его черепа — 1.175 кубических сантиметров (у гориллы — 490, у европейцев — 1.400 кубических сантиметров). Интересно, сколько весит его мозг?

Когда его жизнь висела на волоске, у меня, каюсь, мелькнула мысль — предоставить его самому себе. И если бы он умер, я мог бы тотчас анатомировать труп. Сколько сложных вопросов разрешило бы вскрытие. Но я удержался, — буду откровенен до конца, — не по человеколюбию. Я возлагаю надежды на этого дикого человека. Я увезу его с собой в Париж, научу говорить, приручу, цивилизую, и сколько необычайно интересного он может тогда сообщить. Самый интересный вопрос — сохранился ли кто-нибудь еще из его племени, или он последний экземпляр доисторических пледей.

Он безусловно владеет чем-то вроде языка, состоящего, впрочем, всего из нескольких звуков, похожих на междометия.

«Ауа», например, говорит он всякий раз, когда хочет пить. Очень часто он издает какой-то призыв, похожий на «тц- а-а», как будто призывая кого-то. А когда я показал ему вчера шкуру убитого медведя, он сказал: «У-у-у», и лицо его выразило удовольствие.

Я внимательно осмотрел его тело. Необычайно большой объем груди явился, вероятно, результатом жизни на высотах, где очень разрежен воздух. На подошвах кожа его мозолисто-толста. Вот почему он не отмораживает ног.

Щеки и даже лоб его покрыты пушком, по всему же телу, в особенности на ногах и на тыльной стороне рук, растут рыжеватые волосы, миллиметров пяти-семи длиной. Конечно, не они только, а толстая закаленная кожа и хорошая клетчатка предохраняют его от холода.

На его плаще я нашел интересную «булавку», сделанную из слоновой кости, украшенную резной птицей, похожей на глухаря. Ему знакомо искусство. И он, очевидно, спустился с гор туда, где водятся слоны.

С того самого момента, как я спас его от смерти, Адам проявляет ко мне собачью привязанность. Когда я перевязывал ему раны, он схватил мою руку и облизал кисть и ладонь в припадке благодарности. Таким образом, я имел удовольствие познакомиться с «первобытным поцелуем».

Сегодня утром Адам встал с кровати и, несмотря на мой запрет, — хотя, вообще, он послушен, — вышел из палатки, сорвал повязку и, подставив рану солнцу, пролежал до вечера. Это горное солнце делает чудеса. Опухоль опала. Рана быстро затягивается. Еще несколько дней, и мы отправимся в путь. Пойдет ли он со мной? Оставит ли свои родные горы? Так или иначе, я не расстанусь с ним. Живой или мертвый, он будет в Париже.

27-го сентября. Наконец-то я дома, в Париже, в своей маленькой квартире. Как долго я не писал. Адам со мной. Но чего мне это стоило!

Против моего ожидания он пошел за мной. Адам повиновался, вернее, старался повиноваться каждому моему слову, поскольку сам мог совладать со своей первобытной натурой. Пока мы не спустились вниз, к людям, все было хорошо. Но дальше...

Первой моей заботой было одеть его. Не мог же я привести его в цивилизованное общество голым, только со звериной шкурой на спине. С большим трудом я разыскал белый фланелевый костюм по его росту. Это была просто широкая рубаша и брюки. Рубашу он кое-как одел, но с брюками никак не мог примириться. Они стесняли и смешили его. Он то и дело хлопал себя по ляжкам, фыркал и умирительно выворачивал ноги.

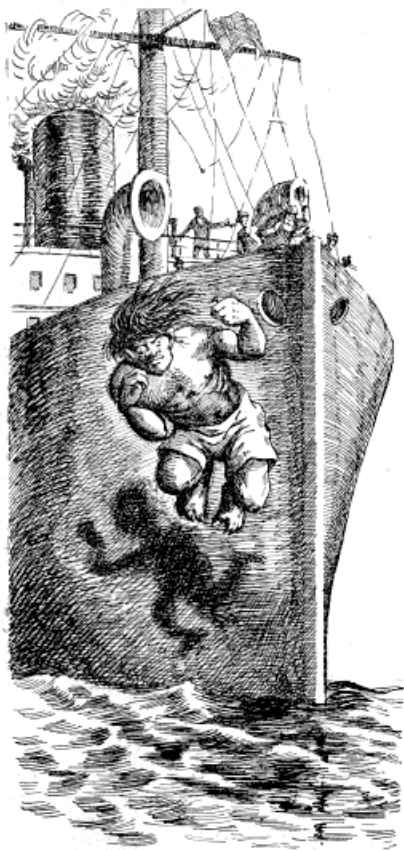
В Калькутте, на людной улице, он вдруг... снял брюки и бросил их. В Калькутте люди привыкли видеть наготу, и это не произвело слишком большого скандала. Но что если он проделает такую штуку в Париже?

В первый раз я выбранил его, и как он был жалок в своем сознании вины. Он опять пытался лизать мне руки, хотя я и запрещаю ему это делать.

Когда мы были уже на борту парохода, с ним опять случилась история.

Перед самым отходом заревела сирена. Адам упал на палубу в паническом ужасе, потом вскочил и одним прыжком бросился через борт в море. Пришлось вылавливать его оттуда и заключить в каюту.

Много забот доставил он мне и с кормлением. Не могло быть и речи о том, чтобы отправляться с ним к общему столу. Ему приносили обед в каюту. Но он отказывался,—

он не мог есть наши блюда. Кончилось тем, что мне пришлось давать ему, как и в горах, сырое мясо и воду. Притом он страдал от жары и поэтому часто был, чем вызывал нарекания пассажиров. Выходить же с ним на палубу было очень затруднительно. Он всегда собирал вокруг себя толпу зевак. Все это очень стесняло меня.

Трудно и долго описывать все события этого путешествия. Адам все время переходил от страха к удивлению. Поезда, автомобили пугали его. Наша одежда, дома, электрическое освещение поражали буквально до столбняка. Какая-нибудь мелочь, на которую мы не обращаем ни малейшего внимания, — вертящаяся световая реклама, звуки духового оркестра или стая

галдящих малышей-газетчиков, — настолько поглощали его, что мне нужно было по несколько раз дергать его за руку, чтобы сдвинуть с места.

Но как бы то ни было, мои мучения кончились. Адам в Париже.

14-го декабря. Адам делает успехи. Он уже не лижет мне рук. Привык носить костюм, — очень любит яркие галстуки, — научился есть наши блюда ножом и вилкой. Знает несколько обиходных французских слов. Но показываться с ним на улицу я еще не решаюсь. А нужно бы его проветрить. Адам стал скучать, — оттого, вероятно, что сидит все время в комнате, хотя и при открытом окне, несмотря на суровую зиму. Ночью, в особенности когда в окно светит луна, он сидит у окна и воет. Я запрещаю ему выть, но он все-таки воет, тихонько, приглушенно, жалобно... Среди ночи этот вой человека очень действует на нервы, но, я вижу, он не в силах не выть.

Чтобы развлечь его, я приношу ему книжки с цветными картинками. К моему удивлению, он очень хорошо понимает их и радуется, как ребенок. Но особенно обрадовал его мой последний подарок: щенок-дворняжка. Адам не расстается с ним ни на минуту, даже спит вместе с Джипси, — он произносит «Жипсь», — и собака платит ему ответной любовью, понимает его по одному жесту. Не потому ли, что их психология близка?

26-го декабря. Однако, Адам еще не совсем «цивилизовался». Сегодня ко мне зашел старый школьный товарищ и дружески хлопнул меня по плечу. Адам, вероятно, думая, что меня бьют, с рычаньем бросился на гостя, а вслед за ним и Джипси, и мне не без труда удалось успокоить всех троих. Мой старый друг, нервный и раздражительный человек, был очень испуган и рассержен этой выходкой.

— Я бы на твоём месте держал его в клетке, — сказал он, уходя.

Дальше в дневнике шло описание уже известных Клотильде событий, — похождения Адама на улицах Парижа. Но она прочитала все до конца.

— Решено, я должна заняться его воспитанием! — воскликнула она, бросив рукопись на стол, и немедленно послала профессору телеграмму, приглашая Ликорна прийти к ней вместе с Адамом.

V. Адам выходит в свет

С некоторым волнением подходил профессор Ликорн к знакомому подъезду дома де Труа, под руку с Адамом.

Адам с неразлучной собачкой, в черной шляпе и модном пальто, выглядел совсем прилично. Ликорн позвонил.

– Смотри же, Адам, будь умницей. Веди себя прилично. Не кричи, не прыгай...

– Да...

Дверь открылась, и они вошли в вестибюль.

Швейцар, узнав Ликорна, почтительно пропустил его. Лакей подбежал снимать пальто.

Вдруг Адам с диким ревом бросился на чучело медведя, стоявшее в углу с распростертыми лапами, сжал медведя за горло и повалился с ним на пол. Джипси залаяла. Изумленный лакей выронил пальто на пол и стоял с открытым ртом.

– Адам, назад! – крикнул Ликорн.

Но Адам и сам понял свою ошибку, когда его железные пальцы прорвали шкуру медведя и извлекли оттуда ключья пакли.

– Бедный Адам, ты ошибся. Медведь не настоящий.

– Птица не настоящий, у-у, не настоящий... Все не настоящий, – растерянно бормотал Адам, поднимаясь с пола.

– Идем, Адам.

Адам поплелся за своим повелителем, тяжело вздыхая от сознания своей вины.

– Буду... – сокрушенно говорил он.

На языке Адама, это означало «не буду». Ликорн невольно улыбнулся.

Слуга привел их в комнату Клотильды де Труа.

Когда Ликорн с Адамом появились в дверях, Клотильда, радушно улыбаясь, пошла им навстречу, протягивая Адаму руку. Но ее рука осталась висеть в воздухе.

Внимание Адама вдруг было привлечено фарфоровым китайским болванчиком с раскосыми глазами, который стоял на мраморном камине и качал головой. Потом он

взял в руки безделушку. Она хрустнула, и на пол посыпались осколки.

— Адам, садись, — строго сказал профессор, взяв его за плечо и усаживая в кресло. — Сиди. Не двигайся. Видишь, что ты наделал.

— Буду, — плачевно промолвил Адам, с горестью рассматривая осколки на полу.

— Я предупреждаю вас, мадам, — сказал Ликорн, здороваясь, наконец, с хозяйкой, — что этот визит может доставить вам и мне много неприятностей. Адам еще не настолько воспитан, чтобы бывать в обществе. И я бы предпочел, с вашего разрешения, сейчас же увести Адама.

— Буду, — отозвался Адам, услышав свое имя.

— Пустяки, — ответила Клотильда. — Пожалуйста, не волнуйтесь. Ведь он как ребенок, что же с него спрашивать...

К концу свидания между профессором Ликорном и Клотильдой де Труа состоялось соглашение о том, что Адам поселится отныне в ее особняке, и она будет продолжать его «воспитание» под контролем самого профессора.

VI. Университет на дому

Адам переселился и сразу перевернул вверх дном дом де Труа. Самым несчастным чувствовал себя хозяин дома.

— Можете себе представить, что значит жить в одном доме с тигром, — говорил Бернард де Труа своему компаньону по торговле, — я стараюсь избегать этого дикаря, но сами посудите, возможно ли избежать встреч, живя под одной крышей. Кто знает, что у него на уме. Он может убить, сломать несгораемый шкаф, поджечь дом... Я теперь не обедаю дома, возвращаюсь через боковой ход, прямо в кабинет, закрываю дверь на два замка и не сплю всю ночь.

— Но неужели нельзя отделаться от этого жильца?

Де Труа безнадежно махнул рукой.

— Пока у жены не пройдет эта блажь, — никак.

Адам по утрам занимался с Клотильдой чтением и письмом, а вечерами поступал на «выучку» к ее брату Пьеру.

Общество молодого веселого офицера ему нравилось больше, чем занятия с Клотильдой. Адам охотно занимался с Пьером и удивлял своего учителя необычайно быстрыми успехами. За какой-нибудь месяц Адам прекрасно выучился езде на велосипеде, управлению автомобилем, гребле, боксу, футболу.

Правда, его бешеная езда на автомобиле кончалась многочисленными штрафами, но для Пьера это не имело значения, пока «в руках сестры», как он говорил, был «ключ от кассы Бернарда де Труа».

В боксе и футболе Адам немало перекалечил людей своими сокрушительными ударами. Футбольный мяч, пущенный его ногой, разил с ног, как бомба. Однако, успех его признавали лучшие спортсмены. Он делался знаменитостью на поприще спорта.

На несчастье Адама, Пьер просвещал его не только в области спорта.

Нередко вечерами молодой офицер переодевался в штатское платье, брал с собой Адама и отправлялся куда-нибудь на Монмартр шататься по кабачкам в поисках приключений. Пьер возбуждал ссоры, затем натравлял Адама и наслаждался эффектом «избиения младенцев». Адам, возбужденный вином, разбрасывал наседавших на него кабацких драчунов, как медведь щенят. Хмель сбрасывал с него тонкую лакировку «цивилизации», первобытные инстинкты прорывались наружу, и он становился действительно страшным в эти минуты.

Пьер был отставлен Клотильдой, она стала заниматься с ним одна.

— Ну-ну, посмотрим, что сделаете вы вашим «облагораживающим женским влиянием»? — говорил с иронией обиженный Пьер.

Однако, он скоро должен был признаться, что Адам заметно изменился к лучшему.

Клотильда часто гуляла с Адамом пешком, и дело обходилось без всяких приключений. Адам вел себя хорошо.

Что иногда смущало Клотильду, так это вопросы Адама, совсем простые, но на которые, однако, ей трудно было ответить.

То он спрашивал, считать ли своим «ближним» медведя и не надо ли и ему подставлять, если ударит, «другую щеку». То, увидев на улице голодного нищего рядом с разносчиком пирожков, Адам самочинно кормил нищего и заводил споры о «чужом» и «собственном», явно не воспринимая «основ экономики» и настаивая на том, что голодных больше, чем полицейских.

Такие разговоры будили в Клотильде какое-то тревожное чувство. И однажды, видя, что Адам идет, понутив голову, очевидно, размышляя над каким-то новым вопросом, Клотильда решила: его надо развлечь. С ним уже можно бесстрашно пойти в театр. Надо будет показать ему какую-нибудь хорошую классическую пьесу.

VII. Спасенная Дездемона

Адам сидел с Клотильдой де Труа в ложе первого яруса, недалеко от сцены.

Когда поднялся занавес, Адам тихо вскрикнул от неожиданности.

— Стена ушла...

— Сидите тихо, — наставительно сказала Клотильда, — не шумите.

— Буду, — по своему обыкновению ответил Адам.

Шла трагедия Шекспира «Отелло».

Адам смотрел на зрительный зал, погруженный во мрак, на яркие огни рампы, на верхние ложи.

— Смотрите туда, — указала Клотильда веером на сцену.

Адам посмотрел и «туда», но видно было, что театральное представление не захватывает его внимания. Клотильда переоценила развитие Адама. Стихотворная речь трагедии, с условной расстановкой слов, певучая дикция французской театральной школы затрудняли понимание. Адам

воспринимал только внешнюю сторону спектакля: краски и телодвижения.

Несколько оживило его только столкновение отрядов Бранцио и Отелло во второй сцене. А в третьей сцене первого акта он уже нетерпеливо возился на месте и вздыхал: ему надоело сидеть в театре.

Но вот вышла Дездемона, роль которой играла артистка с мировым именем. Ее обаятельная внешность, ее костюм и, главное, ее волнующий голос произвели чудо: Адам вдруг обратился весь в зрение и слух. Он так и впился глазами в сцену, не сводя с Дездемоны глаз. Когда она ушла, Адам вздохнул и с тревогой спросил Клотильду:

— Куда она ушла? Она еще придет?

Клотильда улыбнулась:

— Придет. Только сидите тихо.

— Как ее зовут?

— Дездемона.

И Адам стал тихо повторять:

— Деждемон... Деждемон... Дежде- мон...

Спектакль вдруг приобрел необычайный интерес. Адам жил появлением Дездемоны, страдал от нетерпения, когда она уходила со сцены. Он по-прежнему понимал едва ли более одной десятой из того, что говорили на сцене, но каким-то новым для него чутьем он довольно верно оценивал людей в зависимости от их отношений к Дездемоне. Отелло, вплоть до пробуждения в нем ревности, возбуждал симпатии Адама, также как и Кассио. Родриго — не нравился, Яго он возненавидел.

Когда Отелло в первый раз грубо крикнул на Дездемону: «Прочь с глаз моих», Адам глухо заворчал. С этого момента он ненавидел уже и Отелло.

Приближалась трагическая развязка. Дездемона, у себя в спальне, поет грустную песенку:

Бедняжка сидела в тени сикоморы, вздыхая.
О, пойте зеленую иву...

Когда Отелло вошел к Дездемоне, готовый удушить ее,

Адам вдруг весь насторожился, как в самые опасные моменты охоты. Его глаза, с сухим блеском, следили за каждым движением Отелло, мускулы напряглись, голова ушла в шею. Пальцы впились в бархатную обшивку барьера ложи.

Мольбы Дездемоны, гнев Отелло, — все это было понятно ему без слов. Наконец, в тот момент, когда Отелло стал душить Дездемону, нечеловеческий рев раздался в театре, — рев, который не предвидели ни Шекспир, ни режиссер, ни публика.

Из темной глубины ложи выросла фигура огромного человека. Одним прыжком перелетел он через оркестр на сцену, подбежал к актеру, игравшему Отелло, оторвал его от Дездемоны, повалил на пол и стал душить, душить самым настоящим образом.

Из-за кулис на помощь Отелло бросились пожарные, рабочие, актеры. Среди этой свалки Адам не выпускал из виду Дездемону. Вдруг он заметил, что Дездемона поднялась и уходит.

Адам моментально оставил почти бездыханного Отелло, разбросал насевших на него пожарных, Яго, рабочего и Кассио, побежал за Дездемоной, подхватил ее, как перышко, на руки и тем же путем, через оркестр, возвратился в ложу.

Здесь он усадил Дездемону и стал гладить ее по голове, как ребенка, и ласково, прерывающимся голосом, говорил: — Сиди со мной, Дездемон. Тебя никто не обидит. Сиди, будем смотреть вместе туда, что будет дальше.

И Адам, в полной уверенности, что он смотрит продолжение спектакля, следил за поднявшейся на сцене и в зрительном зале суматохой.

Клотильда, бледная, поднялась и в изнеможении вновь опустилась в кресло.

— Адам, — воскликнула она, — отпустите сейчас же Дездемону, и едем домой.

Но Адам посмотрел на нее так, что ей стало жутко.

— Нет, — твердо ответил он. — Нет. Ее убьют. Я никому не отдам ее...

Дездемона трепетала от страха в сильных руках Адама...

Клотильда теряла голову. Неужели разразится новый скандал? Но она нашла и на этот раз.

– Не волнуйтесь, прошу вас, – обратилась она к артистке, говоря так быстро, чтобы Адам не понял, – едем ко мне, а там я сумею вас освободить от неожиданного спасителя. Идем, Адам.

Адам послушно пошел за Клотильдой, неся на руках Дездемону. Они прошли через сцену, в боковой выход, вызвали автомобиль и вскоре были дома.

Адам ни на минуту не расставался со своей ношей. Придя в свою комнату, он бережно опустил Дездемону на пол и сказал:

– Тут никто не тронет. Я буду сторожить. – Выйдя из комнаты, он закрыл дверь и улегся, как собака, на полу, загородив дверь своим телом.

Адам не привык ложиться так поздно. Здоровый сон сразу сковал могучее тело. Когда он уснул, Клотильда, тихо ступая мягкими туфлями, вошла в комнату заключенной через дверь соседней комнаты, вывела артистку, накинула на нее свое мантио и шаль и, извинившись перед нею, отправилась на автомобиле домой.

VIII. Леопард в доме

Еще только светало, когда Адам поднялся с своего твердого ложа и приоткрыл дверь в комнату.

– Деждемон! – тихо окликнул он. Ответа не было.

– Деждемон, – уже с беспокойством повторил Адам и вошел в комнату.

Комната была пуста.

Глухой крик вырвался из груди Адама. Но он еще не верил: быстро обходя все уголки и закоулки комнаты, он искал Дездемону.

Ее не было.

Рев раненого зверя раскатился по всему особняку де Труа. Адам вдруг почувствовал необычайный прилив гнева. Его душил этот гнев, гнев против города, где все ненастоящее... Ненастоящие птицы, ненастоящие звери, ненастоящие слова... И даже сама Дездемона ненастоящая. Она исчезла, оставив лишь легкий аромат духов.

Адам обезумел. Он стал ломать мебель, разбивать вазы, — все, что попадалось ему под руки. Это несколько успокоило его.

Тогда он вдруг приник к креслу, на котором сидела Дездемона, и стал вдыхать оставленный ею запах духов. От кресла он пошел дальше, по этому воздушному следу, широко раскрыв ноздри, ловя знакомый запах.

В доме уже поднялась суматоха. Всюду бегали слуги. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы Адам так же неожиданно не убежал вниз, нюхая воздух и вытянув вперед голову, как собака-ищейка.

Клотильда, заблокировавшаяся в своей комнате, вздохнула с облегчением и начала поспешно одеваться.

Принесли утреннюю почту. Клотильда просмотрела газеты. Многие из них уже откликнулись на событие, происшедшее в театре прошлой ночью.

«Спасенная Дездемона», «Дикарь в Париже», «Опять Адам», «Пора прекратить безобразие», — пестрели названия заметок. Почти в каждой заметке, наряду с именем Адама, упоминалось и имя Клотильды де Труа.

Вошел Бернард де Труа, с тою же газетой в руках.

— Вы уже читали? — спросил он Клотильду, увидав лежащую на полу газету. — Так продолжаться не может. Нельзя жить в одном доме с леопардом.

Клотильда не возражала. Вопрос об обратном переезде Адама к профессору Ликорну был решен, и об этом сообщили профессору.

Между тем Адам, выбежав на улицу, бегал вокруг дома, пытаясь уловить запах Дездемоны. Обращая на себя внимание прохожих, он бежал все дальше, в надежде напасть, наконец, на след. Не зная города, каким-то чутьем нашел

он театр. Но театр был закрыт... Обежав несколько раз здание, Адам вновь отправился рыскать по улицам...

Только поздно вечером он вернулся в особняк де Труа, усталый, голодный и озлобленный.

С этого дня Адам сделался настоящим несчастьем дома. Почти все ночи он выл, как в первые дни приезда в Париж, несмотря ни на какие увещания Ликорна, а днем он пропадал на улицах в поисках Дездемоны. Он не знал, что напуганная артистка на другой же день выехала из Парижа, чтобы случайно не попасться ему на глаза. Когда он возвращался домой, весь дом замирал в ужасе. Обитатели особняка сидели, в тревожном ожидании, в запертых комнатах, и лишь изредка бесшумно, как тени, прокрадывались по коридору.

Адам был раздражителен и никого не хотел видеть. Даже Ликорна он встречал угрюмо и не отвечал на вопросы, чем очень огорчал профессора. Еще так много интересных тайн надо было вырвать у первобытного человека для науки.

Только для двух существ Адам делал некоторое исключение: для своей собаки Джипси и Анатоля.

Что-то вроде улыбки появлялось на похудевшем и побледневшем лице Адама, когда он видел Анатоля. И мальчик ценил эту привязанность. Детским чутьем он понимал трагедию Адама, оторванного от родных гор и брошенного в кипящий котел большого города.

— Уйдем с тобой, — не раз говорил Адам, — туда, далеко... — И в этом «далеко» было столько глубокой тоски, что Анатолий детской лаской пытался утешить своего большого, сильного и в то же время беспомощного, как ребенка, друга.

«Далеко» — это слово было так же дорого и недоступно Адаму, как и Дездемона. В его душе накопал глухой протест, и этот протест, наконец, прорвался наружу.

IX. Бегство

Был званный вечер. Один из тех, которыми славился дом де Труа. Среди приглашенных по строгому выбору были «нужные люди» из министерских и банковских верхов со своими женами. Огромные комнаты утопали в тропической зелени. Живые цветы украшали столы, десятки слуг заканчивали последние приготовления. Все общество, в ожидании обеда, разместилось в обширном салоне

Де Труа был доволен. Одна только туча омрачала Бернарду этот блестящий праздник: Адам... Только бы он не вздумал прийти. Но он пришел. Пришел перед самым концертным отделением, мрачный и молчаливый. Ни с кем не поздоровавшись, он уселся в уголке.

Приглашенная знаменитая певица села за рояль, — она сама аккомпанировала себе. Случайно или умышленно, но артистка запела песнь Дездемоны:

Бедняжка сидела в тени сикоморы, вздыхая.
О, пойте зеленую иву...

Адам окаменел... Он не представлял себе, что песнь Дездемоны могут петь другие так точно, как будто это поет она сама. Потом он вдруг задрожал с головы до ног. Лицо его исказилось судорогой страдания. Он схватил себя за голову, потом вдруг закричал так, что зазвенел хрусталь на люстрах.

— Не надо!.. — и, подбежав к роялю, ударил по крышке, которая с треском и звоном струн разломилась. Адам со стоном выбежал из салона в коридор. В коридоре, у двери в свою комнату, стоял Анатолий. Адам на лету подхватил мальчика.

— Бежим... В горы... Скорей...

У бокового выхода, на улице, стояло несколько автомобилей. Адам выбрал самую сильную машину и, сбросив шофера, уселся на его место, посадив рядом с собой Анатолия

и Джипси. Автомобиль сразу рванулся и помчался с бешеной скоростью по улицам Парижа...

Х. Небо над головой

Скандал в доме де Труа был подхвачен и раздут газетами, живущими на сенсациях. Высокие посетители званого ужина де Труа, возмущенные поведением Адама, с своей стороны нажали кнопки, чтобы поднять газетную кампанию против белого дикаря. Адам сделался печальным героем дня.

И, как это часто бывает, под влиянием газетной шумихи, общественное мнение, до сих пор снисходительно следившее за чудачествами и выходками Адама, вдруг вооружилось против него. Газеты требовали немедленного ареста Адама и содержания его в строжайшей изоляции.

Адам ничего этого не знал. С бешеной быстротой промчался он по улицам Парижа и вздохнул, наконец, всей грудью, когда перед ним развернулись загородные поля, пересеченные лентой шоссе.

— Где горы? — спросил он Анатоля.

Задремавший Анатолий не мог сразу сообразить, где он и о каких горах спрашивает Адам. Вспомнив о бегстве, мальчик вдруг почувствовал радостное, волнующее и жуткое чувство. Не раз мечтал он о бегстве в далекие страны в поисках приключений. И вот теперь мечта его осуществляется.

— Горы, — ответил он Адаму, — есть: Пиринеи, Альпы... Я видел Альпы... Их вершины всегда покрыты снегом...

— Едем к Альпам! — в волнении произнес Адам.

— Но это далеко... И потом... Нас могут задержать в дороге.

— Нет, мы далеко... — беспечно ответил Адам.

— А телефон? Полиция по телефону даст знать во все города, и нас могут задержать.

Адам этого не ожидал. Он знал, как укрываться от опасностей среди диких скал, покрытых снегом и хвойными лесами, но как спастись от телефонов?!

Анатолий оказался прав. Уже в Корбеле, куда они въехали на рассвете, их пытались задержать.

Адам развил бешеную скорость и прорвал цепь полицейских, которые принялись стрелять им вслед, метя в шины автомобиля. Одна из них была прострелена.

— Посмотри, видна ли погоня! — крикнул Адам через плечо Анатолию.

— Сейчас нет, отстали...

Адам неожиданно остановил машину, схватил Анатолия одной рукой, вынул из автомобиля, спустил на землю и помчался один на шоссе.

— Адам! Адам!.. — кричал ему вслед брошенный Анатолий, плача от огорчения и неожиданной измены друга.

Адам не повернул руля автомобиля на крутом повороте дороги, и вдруг, с разбега, врезался в реку, поднимая каскады брызг. Джипси завизжала от страха... Брызги, пар и пузыри поднялись над водой. Река спокойно несла свои воды, только кругами расходились волны от того места, где вода бесследно поглотила автомобиль с человеком и собакой.

Анатолий в оцепенении стоял под начавшимся дождем. Но это длилось несколько мгновений, хотя они и показались Анатолию бесконечно долгими. Скоро на поверхности воды показалась мокрая Джипси, фыркающая от попавшей в нос воды, а вслед за собакой и Адам. Он вынырнул из воды и в три взмаха могучих рук был у берега. Адам и Джипси одинаково отряхнулись от воды. Адам подбежал к Анатолию, посадил его на шею и, не говоря ни слова, побежал к кустам.

— Тихо. Сиди. Пригнись.

Не успел Анатолий прийти в себя, как на шоссе послышались звуки автомобиля. Через несколько минут автомобиль с полицейскими промчался по направлению к Мелэну.

Когда машина скрылась из глаз, Адам начал прыгать.

Анатолий, наконец, понял военную хитрость своего друга. Дождь смыл следы автомобильных шин, и полицейские не заметили его исчезновения. На этот раз они были спасены.

Пора было подумать о завтраке. Анатолию нестерпимо хотелось есть.

— Сиди, я скоро приду, — сказал Адам и пошел вдоль прибрежных кустарников.

Прошел томительный час, прежде чем Анатолий услышал свист приближавшегося Адама.

Адам нес двух кроликов и, прикрывая полою, куски сухого дерева. Он бросил убитых кроликов, которых стал обнюхивать Джипси, и стал добывать огонь, натирая один кусок дерева другим. В железных руках Адама работа двигалась быстро. Скоро Анатолий почувствовал запах гари, показался дымок, еще несколько быстрых, сильных ритмических движений, — и вспыхнуло пламя. Зажаренное на костре кроличье мясо Анатолий ел с аппетитом. Подражая Адаму, он разрывал куски мяса руками.

Дождь перестал. Выглянуло солнце и высушило одежду беглецов. Анатолий, усталый от всех пережитых волнений, сладко уснул. А Адам лежал на земле и, не отрываясь, смотрел на небо.

Наконец-то небо над головой вместо этих противных мертвых белых потолков, где нет ни птиц, ни солнца, ни звезд, ни свежего дыхания воздуха.

Адам мечтал о скором свидании с горами. Хотя и не родные, но все же горы. И он был счастлив впервые за все время с тех пор, как спустился с гор в долины, где живут, в тесноте и суете, эти странные люди, которые предпочитают каменные ящики простору земли и неба.

Потянулись счастливые дни вольной, бродячей жизни. Днем беглецы спали в зарослях у реки, ночью продвигались на юго-восток, где, по указанию Анатолия, были горы.

Адам умел спать и в то же время следить за каждым звуком. Когда звук казался ему угрожающим, уши спящего Адама начинали усиленно двигаться, и скоро он просыпался. И им удавалось ускользать от встречи с людьми.

Однако, судьба отмерила на долю Адама немного этих счастливых дней. Путем опроса жителей полиция скоро определила место исчезновения автомобиля. Преследователи все более суживающимся кольцом окружали беглецов.

Одним ранним утром им пришлось спастись бегством на глазах полиции. Они укрылись в лесу и несколько часов провели на вершине дерева, скрытые густыми ветвями, глядя сверху на своих врагов, шарящих по лесу.

Все труднее было добывать пищу, — кур и кроликов, которых Адам ловил около ферм. Главное же, он чувствовал, что им не уйти от цепких лап полиции, и тогда — опять неволя... Одна эта мысль приводила его в содрогание...

XI. Конец Адама

На рассвете серого дня Адам возвращался к Анатолю и Джипси, нагруженный молодым барашком.

Вдруг он насторожился. Его уши пришли в движение. Ему послышался отдаленный, тревожный лай Джипси и испуганный крик Анатоля, призывавшего на помощь.

С раздувающимися ноздрями Адам бросился к чаще кустарников, росших недалеко от шоссе, где он оставил Анатоля.

Полицейские несли к автомобилю отбивавшегося и плакавшего Анатоля. Джипси надрывалась от лая.

Бросив барана, Адам в несколько прыжков оказался у автомобиля. Он схватил одного полицейского за шиворот, поднял над головой, сделал круг в воздухе и отбросил далеко в кусты.

Три дюжих полицейских набросились на Адама. Завязалась борьба. Адам отбросил их от себя. Они хватали его за руки и повисали на них. Один из полицейских, с профессиональной ловкостью, пытался надеть Адаму ручные кандалы, и это ему удалось. Но Адам разорвал кандалы, хотя поранил в кровь руки у кистей, и вслед за тем, озлобленный болью, он набросился на полицейского и вонзил ему в

шею свои острые зубы. Второй из нападавших выбыл из строя... Тогда начальник маленького отряда, видя, что без применения оружия Адама не захватить, выстрелил из револьвера. Пуля попала в плечо Адама, на котором медвежьи когти оставили рубцы, и раздробила плечевую кость.

Адам взвыл от боли, но продолжал отбиваться здоровой рукой. Однако сильное кровотечение все больше ослабляло его.

Полицейские вновь набросились на него и после нескольких неудачных попыток вновь сковали ему руки. Адам дернул цепь и застонал от боли. Его повалили, крепко связали, бросили в автомобиль, где уже сидел бледный от страха Анатолий, подобрали раненых и быстро двинулись в путь.

Джипси, с отрывистым лаем, гналась за исчезающим автомобилем...

Адам был помещен в одну из камер, предназначенных для буйных помешанных. Стены комнаты были обиты мягким войлоком, на окнах – решетки. Тяжелая дверь – на железном засове.

Адаму сделали перевязку и оставили одного. Он рычал, бросался к двери, согнул решетку на окне. Он безумствовал целый день, а ночью так выл, что приводил в содрогание даже привыкших ко всему санитаров.

К утру он утих. Но когда ему подали в дверное окошко завтрак, – не решаясь еще войти, – он только выпил несколько глотков чая, а завтрак выбросил в коридор.

Адам кричал и, как зверь в клетке, ходил, не переставая ни на минуту, тяжело вздыхал и от времени до времени громко и протяжно кричал, призывая Дездемону, Анатолия, Джипси... Иногда звал и Ликорна.

Он был один, совершенно один в этом тесном ящике, где было так мало воздуха для его легких и куда заглядывало солнце только через толстые прутья решетки, бросая от нее решетчатую тень на белую стену.

На третий день Адам затих. Он перестал ходить. Сел на пол, в углу, спиной к свету, положил подбородок на поднятые колени и будто ооченел. Он уже никого не трогал. К нему входили врачи и ученые, но он сидел молча, не от-

вечая на вопросы и не двигаясь. И по-прежнему ничего не ел, но жадно пил.

Адам начал необычайно быстро худеть. По вечерам его стало лихорадить. Он сидел, стуча зубами, покрытый холодным потом. Скоро его начал мучить кашель, и во время приступов кашля все чаще стала показываться кровь.

Врачи качали головами.

— Скоротечная чахотка... Эти горные жители так трудно приспособляются к воздуху долин...

Однажды вечером, после жесточайшего приступа кашля, кровь вдруг хлынула из его горла и залила весь пол комнаты. Адам упал на пол. Он умирал...

Когда он пришел в себя после обморока, он тихо и хрипло попросил доктора:

— Туда... — и он указал глазами на дверь.

Доктор понял. Адам хочет на воздух. Быть может, в последний раз взглянуть на небо. Он задыхался. Но разве можно выносить тяжелого легочного больного в сырую осеннюю ночь на воздух, под морозящий дождь!

Доктор отрицательно покачал головой.

Адам посмотрел на него жалобными глазами умирающей собаки.

— Нет, нет. Вам вредно, Адам... — и, обратившись к санитару, доктор отдал приказание:

— Подушку с кислородом...

Кислород продлил мучения Адама до утра. Утром, когда бледный луч солнца осветил белую стену, нарисовав на ней тенью решетку окна, что-то вроде улыбки, такой же бледной, как этот луч, мелькнуло на губах Адама... У него началась агония. Он изредка выкрикивал какие-то непонятные слова... Ни одного французского слова он не произносил.

В десять часов двадцать минут утра Адам умер. А в час дня было получено официальное извещение о том, что Адама необходимо выписать из больницы, так как решено отправить его в Гималаи...

— Все таки он хорошо сделал, что поспешил умереть, — не скрывая радости, говорил прозектор, приступая к анатомированию трупа Адама.

Ни один труп не был так тщательно препарирован. Все было измерено, взвешено, тщательно запротоколлено и за-спиртовано. Вскрытие дало много чрезвычайно интересного. *Apendix** был очень больших размеров. *Musculus erectus cocigum*** ясно выделялся, мышцы ушей были очень развиты. Мозг... О мозге Адама профессор Ликорн написал целый том... Скелет Адама был тщательно собран, помещен в стеклянную витрину и поставлен в музей, с надписью:

Homo Himalajus

В первые дни в музей, у витрины со скелетом Адама, толпилось много народа. Среди посетителей любопытные взоры отметили Клотильду де Труа и знаменитую артистку...

Адам перестал быть опасным для «культурного» общества и стал служить науке...

* Отросток слепой кишки.

** Мускул, приводящий в движение хвост. У человека этот мускул исчез (атрофирован). Только у некоторых сохранились его едва заметные признаки.

Кирилл Станюкович

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЕГО ВИДЕЛ

- Что?
- Ледоруб.
- Нет, спасибо. Я привык к своему. Он в порядке.
- А спальный мешок? Хотите мой, пуховый? Он легче вашего.
- Нет, спасибо, мне ничего не нужно.
- И все-таки зря вы.
- Давайте не будем об этом говорить.
- Почему? Наоборот! Нам необходимо поговорить. Вы делаете глупость, а я буду отвечать.
- Вы ни за что не отвечаете.
- Нет! Отвечаю! В конце концов я просто не должен пускать вас!
- Ерунда. Мы уже говорили на эту тему. Не будем повторяться. Отвечать вам за меня не придется, потому что я в отпуске.
- Все равно! Вы не должны ходить, это опасно и бесполезно. Ничего вы не найдете.

– У меня другая точка зрения. Может быть, и не найду, но искать буду.

– Вообще говоря, я бы должен был отобрать у вас и ледоруб и спальный мешок.

– Тоже не выйдет. Они не казенные, мои собственные.

– Ведь вы же сами знаете, что никакого снежного человека нет! Просто нет!

– А следы? Я видел эти странные следы. Да и не только я.

– Обыкновенный медведь. Только он шел...

– Знаете что, дорогой начальник, вы мне надоели.

– Значит, все-таки пойдете?

– Пойду!

Начальник вышел, хлопнув дверью.

А тот, кто собирался искать снежного человека, тщательно укладывал в огромный рюкзак консервы, сахар, папиросы, патроны. С трудом застегнув рюкзак, он несколько раз приподнял его, прикидывая вес. Затем закурил и долго сидел со скептической гримасой на лице. Видимо, думал о том, что с таким грузом далеко не уйдешь. Потом, отбросив колебания, встал и прикрутил поверх еще спальный мешок. С трудом взвалил поклажу на спину, закинул на плечо ружье, надел шапку. У выхода, небрежно прислонившись к двери, стоял начальник.

– Зря, – сказал он уже как-то бесстрастно. – Вы просто упрямый человек.

«Упрямый человек» передернул плечами, поправил рюкзак и ружье, взял ледоруб, стоявший у двери, и пошел по тропинке вверх по склону.

Отойдя шагов на двадцать, он повернулся и крикнул: «Рыжий!» – и засвистел. Из-за домика станции выскочила здоровенная овчарка. Он улыбнулся и погладил ее.

Начальник, все так же небрежно привалившись спиной к двери, смотрел вслед. Перед поворотом человек с рюкзаком оглянулся и поднял руку: начальник пожал плечами и ушел в дом.

А «упрямый человек», не торопясь, двинулся дальше. Он остановился только, когда поворот долины скрыл от него

мачты метеостанции. Присев на камень, выкурил папиросу и снова пошел по еле заметной тропинке. Он упорно поднимался все выше — к гребню хребта. Останавливался, когда дыхание совершенно срывалось, и опять шел. Потом снова отдыхал, усаживаясь на ледоруб.

Здесь, в высокогорьях, уже чувствовалась зима. Днем на солнце было еще не холодно, но снег лежал не тая. Ночью темное полотно неба прорывали огромные яркие звезды, и казалось, с этих звезд на землю лился, сковывая все, хрустальный мороз. Словом, наступало не самое хорошее время для путешествия.

Но было кое-что, чего нет летом и что могло очень помочь, размышлял человек. Если еще живы, если уцелели эти таинственные снежные люди, эти галуб-яваны, если еще бродит в приснежных долинах хотя бы один, он должен оставлять следы. В начале зимы, когда всюду ровной пеленой лежит снег, когда галуб-явану нужно проходить огромные расстояния в поисках пропитания, легче всего отыскать эти следы. Именно сейчас ему трудно прятаться, именно теперь больше шансов встретить его.

...Первую ночь путник провел на высоте 4700 метров, у самого перевала. Он разложил спальный мешок между камнями и вскипятил маленькую кастрюльку чаю. Поев, быстро залез в спальный мешок и почти мгновенно заснул. Ночью несколько раз просыпался от холода. Над ним висело все то же яркое, светящееся звездами небо, рядом спокойно дышала собака.

Утром человек не ел. Было слишком холодно. Он с трудом засунул все снаряжение в рюкзак, сложил спальный мешок и направился к перевалу. Воздух был очень жесткий. Когда он добрался до перевала, солнце немного поднялось. Он согрелся и поел.

В этот день человек с рюкзаком не заметил ничего интересного. Напрасно он вглядывался в слепящий снежный покров. Следы он видел не раз: заметил и архарьи и кийичи, под самым перевалом встретился след ирбиса. Но все это было не то.

На перевале, когда он взваливал рюкзак, почувствовал боль — лямки натерли плечи. Тогда он вынул из рюкзака все вещи и стал сортировать то, что необходимо, и то, без чего можно обойтись. Он отложил в сторону половину патронов, часть консервов. Долго держал в руке десять пачек «Беломора», не зная, куда положить. Наконец решительно отбросил в сторону.

— Ничего, ничего... — сказал он не то сам себе, не то собаке и выкрикнул уже громко: — Ничего!

Потом закурил, тщательно размяв и продув папиросу. Курил долго, поглядывая на склон, на который нужно было подняться. Когда папираса была докурена до мундштука, взвалил на спину рюкзак.

Долго и тщательно обследовал человек все склоны, но не заметил ничего интересного. Тех следов не было. Тогда он стал спускаться с перевала в долину.

До самого вечера он шел по долине, вверх по речке. Она становилась все уже. На той стороне круто поднимались сухие каменистые склоны. Все реже попадались кусты. Остановившись на ночлег, человек с трудом набрал хворосту и развел костер. Вскипятив воду, всыпал в нее размятый концентрат. Затем съел кашу и еще раз согрел воду — для чая. Когда он залез в мешок, ему очень захотелось курить, и заснул он не сразу. Лежавший рядом Рыжий удивленно повел ушами, когда человек высунулся из мешка и закричал:

— Ничего! Ничего! Обойдемся и без курева. Ничего!

На другой день он по ручью взобрался на следующий перевал. Потом по гребню обошел верховья еще одной долины и, наконец, на пятый день оказался на хребте, у подножья которого лежала долина, известная только ему. Здесь в прошлом году он встретил загадочные следы.

Спуск был очень тяжел. До дна долины он добрался лишь к вечеру и сразу разыскал свой тайник. Весной он спрятал тут запас продовольствия.

Рюкзак, который уже не так сильно оттягивал плечи, теперь был опять наполнен. И человек снова пошел, непрерывно оглядывая покрытые снегом склоны.

Тех следов, которые он искал, нигде не было.

Он шел все дальше, в глубь горного узла, шел среди вздыбленных скал и хаоса каменных осыпей, поднимался в такие места, куда не ступала нога человека. Когда он в седьмой раз залез в спальный мешок, собака слышала, как он опять закричал: «Ничего!» и через некоторое время еще раз: «Ничего!»

...Это случилось в начале второй недели.

Человек был утомлен многодневным маршем, бесконечными однообразными подъемами и спусками. Он сел на землю, прислонившись к камню, и смотрел на чистую, нежно-голубую воду. Хорошо было видно дно – темные круглые окатанные камешки. Живая струя реки была окружена кромкой берегового льда. Уносимые быстрым течением маленькие льдинки задевали за эти забереги и тонко позванивали. Кругом по берегам реки, – невысокие деревья и густые кусты.

Между кустами, как обычно, петлял Рыжий, опустив голову и припнувшись. Вдруг он остановился и настороженно поднял уши. Потом по-особенному тревожно залаял. Хозяин подозвал его, взял за ошейник, попытался успокоить. Но собака рвалась из рук, продолжая тревожно лаять.

И тут человек увидел крошечную фигурку, почти точку, которая быстро поднималась наискось по склону. Разобрать, что это за точка, ни таком расстоянии он не мог. И все-таки торопливо встал, посмотрел на солнце и, не разуваясь, вошел в воду. Хотя река здесь была мелкой, но вода чертовски холодна: можно схватить воспаление легких. Здесь, так далеко от людей и так высоко, это, конечно, смерть.

Началось лихорадочное преследование.

Собака все время находила след. Ее хозяин давно бы потерял его, потому что в долину выходило много отщелков, а снег на дне почти везде сошел. Человек с рюкзаком вскоре совсем выбился из сил и готов был бросить все. Его измучила быстрая ходьба, да и не было уверенности: по чьему следу они идут. Если это медведь или барс, было бы гораздо проще пустить собаку. Рыжий быстро догнал бы и

остановил зверя, но вдруг это действительно галуб-яван? Рыжий необыкновенно силен, это настоящий волкодав, он просто загрыз бы снежного человека.

Перед вечером, когда солнце готово было спрятаться за горы, человек увидел на снегу следы. Ему стало радостно и страшно. Это были «те» следы.

Человек сел, разулся и осмотрел ноги. Белые пузыри в некоторых местах уже лопнули. Человек забинтовал ноги, затем тщательно обулся и встал, опираясь на ледоруб. Теперь он был готов к длительному преследованию. Шел он долго, до самой темноты.

Ночью повалил сильный снег. Идти дальше было невыносимо.

На следующий день он снова уверенно шел по следу. Там, где след пропадал, его вела собака. Расстояние между преследователем и преследуемым начало сокращаться. В других условиях галуб-яван, конечно, сумел бы уйти, но он был голоден и силы его падали. Ему было необходимо остановиться, чтобы нарыть корней, пришибить зайца или поймать рыбу подо льдом. Но он не мог этого сделать: как только он останавливался, его настигал человек, и он опять кидался дальше.

Галуб-яван мог подняться на гребень, но там снег мягкий и глубокий, а он боялся рыхлого снега – по нему очень трудно идти. И он шел по долине, а человек все приближался. Рюкзак и спальный мешок, затруднявшие все время движение человека, теперь помогали ему: они означали еду и сон.

На третий день преследования человек не увидел галуб-явана. Он свернул в боковой отщелок, видимо, решив спрятаться. Его обнаружила собака, шедшая по следу. Скалы здесь были настолько круты, что даже человек-обезьяна, этот сверх-лазун, не смог взобраться на стену.

Они столкнулись лицом к лицу. Человек остановился в нерешительности. Собака лаяла и рвалась. Галуб-яван, чуть наклонившись вперед и покачиваясь, бил себя в грудь кулаками. Потом он закричал хрипло и громко. И человек

отступил в сторону, открывая галуб-явану дорогу обратно в долину.

Галуб-яван стремительно кинулся из отщелка.

Он бежал, наклонившись и сильно размахивая руками.

Здесь человеку впервые удалось рассмотреть это удивительное существо.

Небольшое ростом, скорее с мальчика, чем с мужчину, сутулое, с короткими кривыми ногами и длинными руками, оно было покрыто рыжевато-серыми волосами, похожими, пожалуй, больше всего на шерсть светлого верблюда. Лицо тоже безволосое, но не совсем — с низкого лба спускаются космами более длинные волосы, на щеках и подбородке как бы воротник густых грубых щетинистых волос. Лицо темное, коричневое, морщинистое — видимо, он не молод, этот галуб-яван. В бороде и на груди у него много седых волос.

С этого момента охотник шел не по следу. Он почти все время видел того, кого искал. Вечером человек лежал в мешке и думал. Его окружала белая снежная темнота, в стороне шумела река. В обнаженных ветвях кустов выл ветер. Человек лежал с открытыми глазами и думал о том, как поймать это загадочное существо.

А за триста метров от человека за камнем, на песке лежал галуб-яван. Он свернулся в клубок и дрожал. Несколько раз ночью он поднимался и начинал вглядываться в мрак, где лежал человек, потом подходил, стараясь проникнуть взглядом в темноту, но собака поднимала лай, когда он приближался.

В его голове бродили какие-то медленные мысли, его ужасало приближение человека и все-таки тянуло к нему. Он был страшно одинок, этот не то человек, не то обезьяна.

Под утро он стал глодать кору с кустов ивы. Искать корни и выкапывать их в темноте из мерзлой земли было невозможно.

Потом он побрел по склону. Он увидел, как вслед за ним карабкается собака. С глухим ворчанием он начал сталки-

вать с горы камень за камнем, пока один из них не угодил в собаку. Он разmozжил ей грудную клетку.

Этой ночью едва не погиб и человек. Он проснулся от какого-то тревожного беспокойного сновидения и увидел возле себя, почти над собой, темную фигуру. Человек успел схватить ружье и выпалил в воздух. Неясная тень метнулась в сторону и исчезла во мраке.

А человек, когда прошел испуг и прекратилось бешеное сердцебиение, долго лежал и думал. Ему казалось страшно трагическим положение этого получеловека-полуживотного. Он думал о том, что жизнь галуб-явана, в сущности, ужасна; он не знает ни тепла, ни сытости – полуголодный бродяга, вечно дрожащий от холода и страха. Он боится и барса и волка, он в ужасе уходит, едва лишь почует человека. Загнанный в самые неприступные, холодные и мертвые заснеженные долины, вот так, год за годом, бродит он в поисках пищи. Чуть подремлет ночью и опять идет, и все только для того, чтобы найти хоть какой-нибудь корм.

Исследователь не знал, есть ли еще здесь, на Памире, такие существа. А может быть, этот скиталец – последний представитель странного дикого рода? Не знал этого и сам галуб-яван. Только в каких-то очень ранних, неясных воспоминаниях сохранил он образы себе подобных. Давно, много зим назад, он в последний раз видел такое же, как он, существо. Тогда еще молодой и сильный, он охотился вместе с другим галуб-яваном, старым и слабым. Однажды они поймали сурка. Молодой был очень голоден и не хотел уступить даже половины добычи своему немощному сородичу. Они подрались, и молодой отогнал того, другого галуб-явана от добычи, а сам один сожрал сурка, потом ушел и больше никогда не встречал старого собрата. А потом... потом он так и ходил один. Иногда в нем просыпалось неосознанное желание встретить кого-то, видимо, такое же, как он, существо, и он искал, пересекая хребты, бродил, вглядываясь в даль, принимаялся к ветру. Но все напрасно.

...И следующий день шли они – галуб-яван и человек. А мороз становился все сильнее, в реве реки, бившей по кам-

ням, появились какие-то новые звуки. Слышалось непрерывное позвякивание, позванивание, шуршание. Это все гуще шли по воде ледники.

Теперь они были почти рядом. Человек все время видел галуб-явана.

Вечером они долго сидели недалеко друг от друга. Человек все думал, как сделать, чтобы галуб-яван привык к нему, перестал бояться.

А тот беспокойно поворачивал голову то вправо, то влево, оглядывая склоны. При этом он не терял из виду человека, все время видел его каким-то боковым зрением, но тотчас отводил взгляд, когда встречал взгляд человека.

Временами он тихо ворчал с подвыванием. Но конфеты, сухарь и мясо, которые положил ему человек, не трогал, хотя явно чуял их запах и время от времени смотрел на них. При этом он водил носом, как собака, подставляя ноздри под струю ветра.

Эта беспрерывная гонка высоко в горах, где трудно дышать и каждое движение стоит больших усилий, страшно изнурила и человека. Теперь при быстрой ходьбе он сразу же задыхался, начинали дрожать ноги, с трудом поднимал он почти опустевший рюкзак. Вот когда он пожалел, что отправился один в этот рискованный поиск.

Нельзя было терять ни одного часа. Нужно как-то схватить галуб-явана. Поймать хотя бы для того, чтобы накормить, не дать ему умереть от истощения. Поймать его, чтобы спасти.

В этот день человеку представилась возможность осуществить это решение. Ему удалось обойти галуб-явана, и тот очутился на узком мысе, глубоко вдающемся в узкую речку. Осталось пройти на самом краю заснеженного мыса к реке. Слева, справа и сзади — ледяная вода, кипевшая в водоворотах, грозно ревущая на перекатах.

Ученый надеялся, что страх перед грозным потоком пересилит в душе галуб-явана страх перед ним, человеком.

Чем ближе подходил человек, тем яснее видел, насколько жалок его противник.

Он был гораздо ниже человека, его ноги с примерзшими к шерсти кусочками льда мелко дрожали. И было странно и жалко видеть, как он, постояв некоторое время на льду, поднимал одну ногу, и она сжималась у него, как рука, и он, согревая, потирал ее о другую. Так он грел ноги по очереди.

Он остановился почти на краю мыса, иногда что-то рыча. В этом рыке чувствовались словно какие-то неясные слова.

Человек подходил. Он шел, говоря что-то ласковое, предельно ласковое, стараясь и словами, и голосом, и всем своим неторопливым приближением, и сухарем, который он держал в протянутой руке, показать дружелюбие своих намерений.

Но вековой инстинкт в получеловеке-полуобезьяне, видимо, был сильнее, чем разум. Галуб-яван пятился, тихо ворча и подвывая. И в тот момент, когда человек был всего в трех шагах, он в отчаянии поднял голову и первый раз осмелился взглянуть человеку в глаза, чтобы попытаться прочесть в них, что грозит ему. И он увидел в этих воспаленных от утомления глазах какую-то непонятную ему силу и решимость. Галуб-яван переступил ногами на самом краю льда и прыгнул в реку.

Вода у берега была ему почти по пояс. Он с огромным трудом двигался поперек течения, тяжело переступая, едва удерживая равновесие, неуклюже размахивая руками. Белый пенный бурун, расходившийся от его тела, показывал, насколько сильно течение.

Один раз он оглянулся, и в этот момент, как раз в тот момент, не то нога у него соскользнула с камня, не то он потерял равновесие — течение опрокинуло его и понесло.

Он цеплялся руками за обледенелые камни, торчавшие посередине реки, но пальцы скользили и разжимались, и его несло все дальше, все ниже. Его голова уже почти скрылась за поворотом, когда человек бросился вниз по берегу. Он бежал, прыгая с камня на камень, сердце подкатило к самому горлу и вот-вот готово было лопнуть.

Через несколько минут он был уже рядом с галуб-яваном, голова которого то показывалась среди пены и брызг,

то исчезала. Еще через одну-две минуты этого ужасного бега, опалывшего легкие и разрывавшего сердце, человек, полный безумного отчаяния и решимости, кинулся в реку. Он даже не заметил, как тело обожгла ледяная вода. Подпрыгивая, он пробивался наискось, наперерез беспомощно барахтающемуся галуб-явану. Течение подхватывало человека и каждый прыжок становился от этого более длинным. Он даже не заметил, как очутился на самом краю крутого переката. Ниже река срывалась водопадом.

Человек оказался там на секунду раньше, чем туда же принесло полузадохшегося галуб-явана. На минуту их руки встретились. Со страшным напряжением сохранял человек равновесие под дикими ударами воды. Несколько мгновений, тяжело покачиваясь, боролся он на краю переката, стараясь не упасть и одной рукой удерживая несчастного галуб-явана.

Проклятая высота делала свое дело. Из груди человека частыми толчками вырывалось свистящее дыхание, с каждой секундой слабели, разжимались руки, все сильнее дрожали ноги.

Но человек так и не разжал руки. Он не хотел отделять своей судьбы от судьбы галуб-явана, хотя оставался, казалось, только один выход: сейчас же бросить все и спасти себя – вернее, пытаться спасти себя.

Он не сделал этого.

Еще несколько секунд боролся он с потоком, но течение повалило его. Некоторое время река катила их вместе, и человек ощущал под руками скользкую шерсть галуб-явана.

Но вскоре это ощущение прошло, он чувствовал только, что его бьет о камни, что он задыхается, что вода заливает рот и вот сейчас, через минуту – конец.

Потом... Он плохо помнил, что было потом... Он, кажется, на секунду вцепился в камень и тут увидел, что до берега недалеко. Из последних сил кинулся он в ту сторону, чудом добрался до берега и совершенно без сил свалился на камни. Но лежал недолго, потому что одежда быстро

покрылась ледяной коркой и всего его заколотило от холода.

Тогда он кое-как потащился, дрожа и всхлипывая, вверх по реке. На берегу он нашел свой рюкзак.

Вытащил из рюкзака бутылку спирта и выпил чуть не половину. Потом разделся, трясущимися руками выжал одежду, раскидал ее по камням, а сам залез в спальный мешок. Когда он очнулся, все так же мелко дрожа, то не сразу вспомнил, что произошло, и даже не смог бы сказать, сколько времени он пролежал в этом ужасном состоянии — на грани жизни и смерти. Быть может, это продолжалось несколько минут, а может быть, и час, и два, и даже сутки. Часы стояли — то ли потому, что были испорчены водой, то ли потому, что прошло больше суток. Было светло, но солнце закрывали мрачные снеговые тучи.

Когда человек вспомнил, наконец, все происшедшее, он поднялся и, преодолевая тупую боль во всем теле, попытался собрать хворосту на костер. Но добыть огонь не удалось: обе коробки спичек, лежавшие в карманах брюк, были безнадежно испорчены водой. Съев холодные консервы, он медленно двинулся вниз по берегу.

Три дня человек обшаривал берега реки ниже того места, где их с галуб-яваном повалило течением. Он переходил от камня к камню в надежде найти хоть какие-нибудь следы, хоть что-нибудь, что помогло бы ему узнать о судьбе этого загадочного существа, на поиски и преследование которого он истратил все свои силы, физические и духовные. Но он ничего не обнаружил.

* * *

В ясный морозный день на тропинке, ведущей к метеостанции, появилась странная фигура. По склону медленно, как-то механически переставляя ноги, тяжело опираясь на ледоруб, двигался человек. Грязная, вся в лохмотьях одежда

висела мешком на очень худом теле. Совершенно разбитые ботинки были скреплены веревками и тряпками...

Как и месяц назад, у двери, прислонившись к косяку, стоял начальник станции и смотрел на спускающегося по тропе. Когда тот подошел к домику, начальник станции молча открыл дверь. Пришедший выпустил из рук ледоруб и повалился на кровать.

Начальник бросился к нему, стал быстро расстегивать одежду.

После нескольких томительных минут молчания он решился спросить:

- Ну так что, нашли вы его?
- Представьте.
- Значит, он существует?
- Быть может... Теперь не знаю...

Кирилл Станюкович

ГОЛУБ-ЯВАН

(К вопросу о жизни снежных людей на Памире)

Долина Восточного Пшарта – это типичная памирская широкая долина с сухим руслом, по которому вода течет только в жаркие летние дни, когда сильно тают ледники. С обеих сторон над долиной поднимаются высокие сухие хребты. Гребни их почти бесснежны, а ледники, встречающиеся только по северным склонам, очень невелики.

В нижней части долины Восточного Пшарта по надпойменной террасе расположены поля колхоза, где несмотря на высоту три тысячи восемьсот метров, сеют ячмень.

В верхней части долины, по боковым щелям расположены летние пастбища и стоят колхозные фермы. До этих ферм нетрудно проехать от Памирского тракта на машине. Но дальше, к последней ферме, расположенной уже за перевалом, добраться было невозможно.

Поэтому, подъехав под перевал и увидев, что Мамат и Султан уже поджидают нас с лошадьми и ишаками, мы продолжили путь верхами, а машину отправили обратно.

Всего в маршруте по Пшарту нас должно было участвовать пятеро: братья Таштамбековы – Мамат и Султан, Тадеуш Николаевич, Анастасия Петровна и я.

Последний подъем на перевал не крутой, и мы быстро достигли его плоской седловины. По другую сторону перевала перед нами открылась широкая и ровная долина реки Западный Пшарт, с широкой поймой, занятой галечниками, лугами и обширными надпойменными террасами, по-

крытыми редкой пустынной растительностью. По обе стороны долины поднимались скалистые склоны хребтов, которые дальше на запад, ниже по долине, резко сближаются и заключают реку в тесное ущелье.

Долину Западного Пшарта нам и нужно было обследовать на следующий день.

У самого подножья перевала стояли две юрты колхозной фермы, где нам предстояло ночевать. Вокруг них уже слышалось бление овец и коз, устраивавшихся на ночевку.

Был вечер. Закатные лучи солнца, садившегося на самые гребни гор, перестали греть, и ветер, еще недавно приятно прохладный, стал жестко холодным. Мимо нас с коротким похрюкиванием, рысью пробежало, направляясь к юртам, стадо кутасов (яков). Они быстро скатились по склону и пробежали к ферме. Это матки. Целый день они пасутся без пастуха, а потом точно в назначенный час стремительно бегут домой кормить своих телят. Но злобные доярки уже поджидают доверчивых маток, — они сначала доят их и только потом разрешают кутасихам проявить материнские чувства — покормить и полизать своих лохматых детенышей.

Принимали нас на ферме с почетом. Хозяин юрты, взяв за уздечку мою лошадь, придержал стремя и помог мне сойти с седла. Сын хозяина приподнял ковровую дверь в юрту и пропустил нас внутрь, хозяйка поспешно постлала одеяла.

Сняв с себя сумки и снаряжение, мы уселись на одеяло, поджав ноги. Хозяин присел сбоку, поинтересовался новостями. Но их было мало — ферма и сама регулярно получала газеты.

Хозяйка щипцами наложила кольцом кизяк и раздула мехами костер посреди юрты, так что он ярко запылал. В огонь поставила кумган — медный кувшин на высокой подставке, который быстро нагревается на костре. Заварив чай в фарфоровом чайнике, хозяин подал мне пиалу чаю; из уважения чаю было налито очень немного, а передавалась пиала обеими руками, вернее одной рукой он передавал, а

другой придерживал, — это также свидетельствовало о желании оказать уважение.

После чая, несмотря на протесты хозяев, мы настояли, чтобы ужин готовили из наших продуктов и, приняв во внимание клятвенные заверения Мамата, что в консервах «чушки» нет, постановили варить рисовый суп с консервами. Готовить картошку или мясо на такой высоте чересчур долго.

Пока варили ужин, мы успели сделать свои дела, уложить в прессы небольшие сборы растений, записать, что нужно, в дневник, расседлать и пустить на траву лошадей.

В юрте скопилось сегодня много народу: кроме хозяев и нас, было еще двое гостей — почтенных бородачей, занятых поисками убежавшей лошади. Когда стали раскидывать одеяла, чтобы ложиться спать, гостеприимным хозяевам пришлось довольно туго. Но все как-то утряслось, и, разложив свои спальные мешки на хозяйские одеяла, мы улеглись. Верхнее отверстие в юрте, через которое выходит дым, затагнули кошмой, лампу задули и стало совершенно темно.

Некоторое время была тишина. Потом один из приезжих стариков тихо позвал:

— Мамат!

— Ну?

— Далеко пойдешь?

— До Чатык-коя.

— И ночевать будешь?

— Буду.

— Не боишься?

Молчание.

— Может быть, нехорошо.

— Что нехорошо? — вмешался я.

— Мамат знает.

— Что нехорошо, Мамат?

Молчание.

— Да ну же, Мамат, что там нехорошо?

— Дикий человек, — неохотно отозвался Мамат.

— Какой дикий человек?

– Просто дикий человек, голуб-яван.
– Что за «просто», басмач?
– Нет, просто дикий человек. В горах живет.
– Мамат, что ты чушь несешь, какой дикий человек? Ты видел дикого человека?
– Я не видел, другие видали.
– Ну и что делает дикий человек?
– Дикий человек будет камни бросать с горы, кричать с горы. Женщину может увести, мужчину будет вызывать драться, кричать, стучать кулаком по груди...
– Брось, Мамат!
– Нет не брось. Не смейся. Если он тебя повалит – убьет, изломает; если ты его победишь, повалишь – он будет очень плакать и убежит в горы и жить не будет.
– Да брось ты, Мамат, чепуху молоть!
– Нет, есть! – твердо сказал первый бородач.
– Конечно, есть, – сказал второй.
– Почему ты знаешь, что есть? – сказал я. – Ты сейчас ходил по Пшарту? Ты видел?
– Нет, сейчас не видел. Раньше видел.
– Когда видел? Где?
– Давно, в Кыл-рабате.
– А почему ты думаешь, что здесь есть?
– Все знают, на Пшарте есть дикий человек.
– Да кто видел здесь дикого человека? Аксакал, тут есть дикий человек?
– Есть, – еще раз категорически подтвердил первый бородач, – три есть, один мужчина, две женщины есть, один маленький есть.
– Ты сам видел?
Молчание.
– Ты сам видел здесь, на Пшарте, дикого человека?
Молчание.
– Про это не надо говорить, – сказал, наконец, бородач, – он тогда сам придет, плохо будет.
Из дальнейших расспросов выяснилось, что хотя никто и не признавался, что своими глазами видел здесь дикого человека, но некоторыми людьми считается общепризнан-

ным, что на Пшарте есть дикие люди. Они ходят голые и покрыты шерстью, едят все, что найдут в горах. Обычных людей дикие люди не любят, и поэтому в одиночку ночевать здесь не стоит.

Я долго спорил, уверяя, что это вздор. Хотя мне и перестали возражать, но, кажется, я своих седобородых оппонентов не разубедил.

В разговор вмешался Тадеуш Николаевич, который стал доказывать, что у нас обязательно украдут Анастасию Петровну, и дело кончилось смехом. Мы смеялись, старики были серьезны.

Хотя я поднял на смех своих противников, но сам долго не мог заснуть, мне вспомнилось многое...

Первый раз о существовании голуб-явана я услышал еще в 1935 году в Кзыл-рабате от одного старика киргиза. Тот утверждал, что когда он в молодости кочевал по Тогдумбаш-памиду (Синьцзян), то ему пришлось уйти из одной долины с хорошими пастбищами, так как там появился дикий человек. Он таскал овец и пугал его домашних криками с горы.

Второе сообщение о том же голуб-яване я получил в 1936 году в районе Алтын-Мазара. Я подходил туда вечером по долине р. Каинды и, чтобы попасть в Алтын-Мазар, должен был перейти через реку Саук-дара. Однако переправляться вечером, когда воды в реке много и лошади устали, было рискованно. Несмотря на это, мои местные рабочие категорически потребовали немедленной переправы, заявляя, что здесь ночевать ни в коем случае нельзя, так как в этих местах живет дикий человек. Он может ночью прийти, и тогда всем нам будет плохо. «Это его места, — заявляли они, — и здесь не надо останавливаться». Тогда же в Алтын-Мазаре одна киргизка, жившая там, рассказывала, что некоторое время тому назад она видела дикого человека в устье Саук-дары и, заметив его, спряталась в камнях, он же прошел выше по склону и кричал.

В 1937 году, когда я, больной, пролежал около недели в юрте у своего друга Джемагула около перевала Тогар-каты, было много разговоров о том, что «опять пришел го-

луб-яван», что он ходит вокруг Булункуля, что пришел он с Лянгара, то есть от Сареза и что поэтому не нужно ходить в одиночку, а то как бы чего не случилось. Джемагул же мне рассказывал, что давно, «еще при Николае», он издала видел двух диких людей: они ходили по горе, «землю копали и траву ели», то есть, вероятно, какие-то корни.

Тогда же он рассказывал, что голуб-яван обычно прячется, потому что боится людей, и всегда уходит, поэтому увидеть его очень трудно. При этом прибавлялось, что сейчас диких людей совсем нет, а раньше «все-таки были». Но если они попадутся навстречу, то бояться особенно нечего; нужно покричать, и голуб-яван сам уйдет.

Рассказы о диких людях я слышал и в Кзыл-рабате и в Алае. Но среди всех повествовавших о подобных случаях я не встретил ни одного человека, которому можно было бы безусловно верить. Известный альпинист Рацек рассказывал мне, что во время работы в окрестностях ледника Иныльчек он слышал от проводника, что там, в одной щели, живут дикие люди.

Вообще, если суммировать все эти рассказы и отнестись к ним с доверием, то можно составить себе следующую картину.

В наиболее труднодоступных и совершенно безлюдных районах Памира, а именно в долине Западного Пшарта, нижнего Мургаба и ряда рек, впадающих в Сарезское озеро с юга, а также в районе нижнего Биляндкиика, Каинды и Саук-дары, некоторые киргизы встречали дикого человека – голуб-явана. Дикий человек весь покрыт шерстью, за исключением лица; ни огня, ни орудия он, по-моему, не знает, но может швырять камни и палки, он избегает людей, питается корнями и мелкими животными – зайцами, сурками, которых может поймать или убить камнем; зимой по глубокому снегу может загнать архара – горного барана или киика – горного козла. Передвигается он быстро и, по-видимому, не имеет постоянного пристанища.

Он сейчас встречается очень редко, раньше встречался чаще.

Насколько достоверны эти сведения и нет ли здесь какой-либо путаницы? Например, не путают ли памирские жители дикого человека с медведем, как это было, по свидетельствам Э. М. Мурзаева, в тех районах Монголии, где местные жители не знакомы с медведем. На это можно было сразу ответить отрицательно: памирцы медведя и все его повадки знают великолепно и нередко за ним охотятся.

Другой вопрос – насколько достоверны все эти рассказы. Ведь мне приходилось слышать и другие.

Так, председатель колхоза «Ленинский путь» на Памире Джурмамат Мусаев, который хорошо знает территорию своего колхоза, относится к подобным рассказам как к легендам. Старые охотники Улджачи, Уразали и Мамат Рохонов из этого же колхоза, много пространствовавшие на своем веку по Памиру, утверждают, что они никогда не встречали дикого человека и никаких следов его пребывания никогда не находили. Уразали, в частности, сказал, что «может быть, голуб-яван и был раньше, но сейчас его нет».

Наконец возникает еще один вопрос: насколько достоверны рассказы людей, будто бы встречавших голуб-явана? На этот, довольно сложный вопрос, легче ответить отрицательно, так как до сих пор совершенно не обнаружены вещественные знаки существования диких людей. Правда, можно думать, если они и существуют, то на всю Центральную Азию, вероятно, можно насчитать в лучшем случае несколько десятков. Живут голуб-яваны в труднодоступных местах, где люди или вообще не бывали, или бывали крайне редко. И если голуб-яваны существуют, то, конечно, живя в самых тяжелых условиях на границе снегов, они должны постепенно вымирать. Под эти воспоминания я и заснул.

Встали мы рано, солнце еще не выходило из-за гор, было светло, по-утреннему холодно, и когда мы тронулись вниз по долине, лед хрустел под копытами лошадей и трава была белая от инея.

На Западном Пшарте нас интересовала, главным образом, древесная и кустарниковая растительность. На Памире деревья и кустарники почти совершенно отсутствуют, вер-

нее, их настолько мало, что они не имеют никакого значения.

В научном отношении для освоения горных территорий очень важно установить ряд границ, например, как высоко поднимается в данной горной системе лес; как высоко заходят отдельные деревья, кустарники, где находится снеговая граница.

Вот все это мы и хотели проследить.

Первые кустарники, встреченные нами, оказались миррикарией. Это стелющиеся, низкие кустики с ветвями, лежащими на самой земле и не поднимающимися выше окружающей травы. Они растут по галечникам вдоль русла речки на высоте 4100 метров. Таким образом, была установлена первая из интересовавших нас границ – верхняя граница, до которой проникают отдельные стелющиеся формы кустарников.

Наша группа двигалась вниз по долине реки. Кусты миррикарии становились все выше. Сначала они были высотой всего пять-восемь сантиметров, потом, когда мы проехали километра три-четыре и спустились метров на 100, миррикария стала поднимать свои ветви на 20-30 сантиметров.

Но, когда река вошла в узкое ущелье, и над ним справа и слева поднялись крутые скальные склоны, все сразу изменилось: прекратился холодный порывистый ветер, стало тепло, и мы сняли полушубки. Между сомкнувшимися скалами весело бежала светлая речка, берега которой густо заросли кустами. Это были не жалкие кустики, едва поднимавшиеся над травой, а настоящие кусты ивы больше метра высоты. Цвел звездчатыми белыми цветами сабельник, в осыпях между обломками скал росли кустарниковая лопчатка, высокие кусты полыни и терескена.

Здесь, в каньоне Западного Пшарта, не было холодного ветра и поэтому гораздо теплее. Чем ниже мы спускались по долине, тем выше становились кустарники: ивы, миррикарии, густыми порослями покрывавшие все берега реки, все отмени, сначала они достигали высоты лошади, а скоро стали возвышаться над всадниками.

Наконец, раздался радостный крик: «Дерево!». И, действительно, среди кустов мы увидели первое дерево. Небольшая ива высотой около трех метров не намного превышала окружающие ее кустарники. Но это было уже настоящее дерево, имеющее ствол и крону. Мы спешили и стали обмерять его, фотографировать и выяснять по высотемерам, на какой высоте оно встречено.

Неожиданно сильный шум и треск ломаемых кустарников, топот, тяжелое сопение нарушили тишину. Мы испуганно вскочили, да так и застыли. Прямо на нас бешеным аллюром неслось целое стадо верблюдов. Именно неслось — неслось галопом, перепрыгивая через протоки, ломая кусты. Что делать? Верблюды приближались с бешеной скоростью, прыгая и брыкая друг друга. Я много видел верблюдов и ходил с верблюжьими караванами. Я знал их широкий шаг, тряскую рысь, но чтобы верблюды неслись галопом — не видывал ни разу. В голове у меня сразу мелькнули рассказы о людях, затоптанных или загрызенных верблюдами.

Бежать? Но куда? Да и поздно...

Верблюды, ломая кусты, налетели и внезапно остановились. Мы оказались окруженными целым кольцом тяжело сопящих и бессмысленно уставившихся на нас животных.

Это были жирные, отъевшиеся великаны, которых на целое лето, одних без пастухов, загоняют пастись на Пшарт, и здесь они, видимо, сильно дичают.

Было совершенно непонятно, зачем они неслись, почему остановились, чего они хотят, злы они или добродушны? Их тупые до предела морды ничего не выражали.

Мы застыли молча посередине этого живого кольца. Я сжимал ледоруб, Тадеуш Николаевич с малокалиберкой на изготовку.

— Мамат, Султан, что делать? — шепотом, не двигаясь, спросил я.

— Ничего. — Мамат спокойно подошел к одному верблюду, похлопал по шее, и верблюд отвернул голову, противно скрипнул и отошел. Тогда Мамат сорвал ветку ивы и, не

больно ударяя, погнал в сторону этого верблюда, потом второго.

Неожиданно все верблюды повернулись и ушли..

Когда они отошли, нас еще долго не покидало неприятное чувство; мы никак не могли приняться за работу и все оглядывались, пока верблюды бродили поблизости.

– Ничего, ничего, – говорил Мамат, – Султан прогонит их.

А Султан пошел и, спокойно что-то говоря, начал отгонять верблюдов в сторону. Те послушно отходили, но по скованным движениям Султана я видел, что он их опасается.

– Они играют, – сказал Мамат, – они человек давно не видал, целое лето. Этот верблюд один ходит, один траву кушает. Увидал человек, – прибежал, посмотрел. Не надо бояться.

И мы продолжали работу. Но действительно ли верблюды соскучились по человеческому обществу, или что-то другое блуждало в головах у этих странных и тупых животных, но они нас так и не оставили в покое.

Через час, когда мы уже далеко ушли вниз по реке, опять раздался топот и треск ломаемых кустов, и мы стали свидетелями того, как ожесточенно дрались два здоровенных верблюда. Один из них норовил укусить другого за шею и все никак не мог ухватить, а другой, поминутно поворачиваясь к противнику задом, злобно брыкал его, и удары мягких копыт по тугому брюху противника отдавались, как в хорошем барабане. Они проскакали мимо.

Затем снова раздался шум. Какой-то верблюд с маху подлетел к нам и неподвижно застыл, бессмысленно разглядывая нас. Мы постояли, постояли друг против друга, а потом он повернулся и убежал.

Верблюды, по-видимому, так и шли сзади за нами.

В течение всего дня они неоднократно догоняли нас, некоторое время рассматривали, а потом уходили.

С самого утра я непрерывно наблюдал за дорогой и отменями реки. Когда-то, будучи юннатом, я очень увлекался изучением следов животных. В то время была опубли-

кована замечательная книга А. Н. Формозова, в которой были даны рисунки следов многих зверей и птиц. И позже я продолжал интересоваться следами.

Отмели и песчаные тропы Западного Пшарта – своеобразные книги, в которых расписывались все обитатели долины. Следов верблюдов было много, не меньше и заячьих следов. Впрочем, о зайцах можно было судить не только по следам. Буквально в каждом расширении долины мы вспугивали целые выводки. Зайцы, как ракеты, разлетались от нас во все стороны. Охота за ними не доставляла никакого удовольствия. Стоило только вспугнуть выводок, пройти за одним из зайцев, миновать кусты и, увидев, как он стоит на склоне на задних лапах и озирается по сторонам, спокойно прицелиться и стрелять.

Попадались следы кииков, но их было сравнительно немного. Наконец, на старой протоке я увидел на песке широкие отпечатки когтистой лапы медведя.

Среди дня попался опять медвежий след. Следов ирбиса (снежного барса) не было.

В два часа дня Мамат показал мне на тропе какой-то необычайный след – он был уже, чем медвежий, и отпечатков когтей, обязательных для медвежьего следа, на нем не оказалось. След отпечатался на сухом песке, и поэтому был неясным. Животное, оставившее след, не шло по тропинке, а пересекало ее, наступив на песок только один раз.

Я хотел зарисовать след. Но в это время опять раздался предостерегающий крик:

– Верблюды!

Снова эти шалые твари подбежали вплотную и устали на нас. Когда они убрались, и я вернулся к дорожке, то следа уже не существовало, он был затоптан.

Напрасно я всматривался после этого в каждый кусок мягкой почвы, на которой оставались многочисленные следы разных животных, но медвежьих следов как с когтями, так и без когтей больше не встречалось.

Мы шли безостановочно вниз по реке. В четвертом часу дня мы увидели первую облепиху, а затем начались великолепные рощи берез. Постепенно, по мере нашего движе-

ния вниз по долине, а, следовательно, и по мере уменьшения абсолютной высоты местности, величина берез все увеличивалась, а в конце дневного пути, около пяти-шести часов вечера, по всей узкой долинке появились березовые лески.

В семь часов вечера мы остановились под высокими скалами в чудесной березовой роще.

После памирской пустыни — холодной, суровой, без зелени, без жизни, где только ветер свистит в бурых скалах, было так приятно сидеть в тени берез, слушать шум листвы, веселый говор воды, видеть, как по скале суетится пернатый скалолаз, поползень, а в кустах пересвистываются пеночки.

Заложив гербарий и сделав описание окружающей растительности, мы стали приводить в порядок материалы, полученные за день.

Результаты были исключительно интересны. Оказалось, что первые кусты были обнаружены на высоте четыре тысячи сто метров; первое дерево ивы — на высоте три тысячи семьсот метров; верхняя граница леса проходит на высоте три тысячи шестьсот метров.

Узкий каньон Пшарта создавал, видимо, исключительно благоприятные климатические условия для роста деревьев, поэтому они и поднимались здесь так высоко. Значит, и культурные растения на Западном Пшарте можно выращивать гораздо выше, чем в других долинах Памира. Здесь можно сеять ячмень, редиску, репу, картошку и т. д. Такие благоприятные условия на Пшарте создались потому, что крутые стены ущелья хорошо прогревались солнцем и защищали долину от ветра.

Был чудесный вечер, тишина, в закатном небе стояли гребни гор, весело шумела река, чуть шелестели листья, и просто не верилось, что мы были всего в одном переходе от безжизненных пустынь Памира.

Палатку не ставили, а постелили кошму и на кошме разложили спальные мешки. Мамат и Султан устроили свои постели отдельно, чуть в стороне, в кустах.

Ужин был прекрасный, мы с собой захватили даже виноград и арбуз. Правда, копченая колбаса оказалась соленой до безобразия.

После ужина стали укладываться, обсуждая результаты дневных исследований.

За этот длинный день, за большой переход, полный напряженной работы, мы все порядочно измотались, и так приятно было, засыпая, слушать шум реки, слабый шелест листьев, мерное похрустывание жующих лошадей.

Я в последний раз выглянул из мешка, оглядел склоны, — скала над нами была прочной, не грозила обвалом, да и камни, упавшие с нее, на нас не попали бы — мы были достаточно далеко; с другой стороны, скала защищала нас от камней, которые могли скатиться со склона. Успокоившись на этот счет, я покрылся поверх мешка полушубком и сразу заснул.

Ночью я проснулся с ощущением, что что-то произошло. Я долго и напряженно прислушивался, но стояла полная тишина, и, кроме шума реки, ничего нельзя было уловить, даже не было слышно, как жуют лошади; они, очевидно, наелись и зоревали или затихли, испуганные чем-то. Я почувствовал, что страшно хочу пить, — съеденная за ужином соленая колбаса не давала покоя. Я долго крепился, но, наконец, не вытерпел и скрепя сердце полез из теплого спального мешка.

Снаружи было просто холодно. Подпрыгивая на колких сучках и острых камнях, которые, конечно, в обилии подворачивались мне под босые ноги, и чертыхаясь, я кое-как добрался до реки, лег и припал к воде. Но пить много не пришлось: вода оказалась до того холодной, что у меня от первых же глотков заломило переносицу.

Когда я вернулся назад, опрокинув по дороге ведро, повалившееся мне под ноги, влез в мешок и согрелся, то почувствовал, что пить хочу по-прежнему.

Укладываясь в мешок, я разбудил Тадеуша Николаевича, спавшего рядом.

— Пить хочу, умираю! — сказал он.

Мы долго молчали, я хотел пить по-прежнему, но выжидал, надеясь, что Тадеуш Николаевич пойдет пить и принесет воды и мне, но он не шел. Тогда я не выдержал, вылез опять, с трудом в темноте нашел кружки, сходил на реку, попил сам, зачерпнул воды и принес ему. Теперь, сидя в мешках, мы напились досыта. Но тут проснулась Анастасия Петровна, ей тоже хотелось пить, но она, видите ли, предпочитала виноград. И так как я тоже согласился, что неплохо поесть винограда, то пришла очередь Тадеуша Николаевича, и он, кряхтя и чертыхаясь, вылез из мешка и притащил виноград.

Тадеуш Николаевич, ходивший за виноградом в ту сторону, где спали Мамат и Султан, ругался.

— Я же слышал, что они, черти, не спят, переговариваются. Я спрашиваю, где виноград, — они только плотнее закутываются в одеяла и не отвечают...

— Да они, небось, вас за дикого человека сочли, — предположил я.

— Во! Во! Очень даже просто, что за дикого.

Мы бы сразу заснули, но вдруг высоко над нами загремели камни и покатались вниз. Мы спокойно лежали в мешках, так как знали, что скала нас прикрывает. И действительно, несколько камней скатились правее со склона и затрещали в кустах. Сами ли они полетели, или их толкнул какой-нибудь киик или мишка, неизвестно. Но шум затих, мы успокоились и заснули.

Когда я утром проснулся, лагерь был в тревоге. Мамат срочно собирал имущество, выючил лошадей и вместе с Султаном просил как можно скорее уходить обратно. На вопрос почему, он сообщил, что ночью приходил дикий человек и что дольше оставаться здесь опасно.

— Да что же сделал тебе этот дикий человек? — спросил я.

Мамат возмутился моей беспечностью. Из его рассказа выяснилось, что они с Султаном всю ночь не спали и сами были свидетелями прихода диких людей. Во-первых, сначала дикий человек швырял сверху камни, потом он ходил по лагерю и что-то бормотал, потом, уходя, опять швырял камни.

Неопровержимые свидетельства присутствия дикого человека были налицо, — это камни, валявшиеся неподалеку и поломавшие кусты; перевернутые ведра и одна развороченная сумка, из которой далеко к скалам были выброшены исцарапанные банки с консервами; разломанный и почти уничтоженный хлеб и ясные отпечатки больших плоских зубов на куске масла.

На заявление мое и Тадеуша Николаевича о том, что мы ночью ходили по лагерю и гремели ведрами, нам резонно указали, чтобы, во-первых, мы не выдумывали, а во-вторых, что смешно даже и говорить о том, будто Мамат мог спутать своего начальника с диким человеком.

На наше несмелое предположение, что хлеб могли слопать ишаки, а по пути вывалить из сумы и консервы, Мамат заверил нас, что суму он на ночь плотно завязывал. Кроме того, если ишаки и могли есть хлеб, то уж сливочное масло они есть не станут. А отпечатки зубов на масле самые ясные.

Попытка выяснить, кто же кусал масло, окончилась неудачно: ишак, которому я открыл рот, чтобы сравнить его зубы с отпечатками зубов на масле, неожиданно вцепился в масло, которое Мамат держал для сравнения рядом. Выкусив здоровый кусок с драгоценными отпечатками зубов дикого человека, он немедленно сожрал его. На масле остались теперь ясные отпечатки ишачьих зубов, которые я, по неразумению, считал схожими с прежними, но которые Мамат совершенно авторитетно признал другими.

Несмотря на длительное обсуждение во время завтрака и на обратном пути, единого мнения по вопросу ночных происшествий в нашей группе так и не удалось установить.

* * *

Теперь, по прошествии нескольких лет после этого маршрута, я получил еще дополнительные сведения о жизни дикого человека от незнакомого старца, которого встретил

на Пшарте в этом году. Он искал там свою сбежавшую кобылу.

Этот достойный человек сообщил мне, что несколько лет назад здесь, на Пшарте, ночевала экспедиция, что их было пятеро, из них одна женщина. Начальник был «Зор-адам» (зор-адам – большой человек, мое киргизское прозвище). Ночью к ним пришел дикий человек, швырял камни с горы и кричал, потом он спустился, съел хлеб и масло и даже прокусил несколько банок с консервами и съел. Затем он хотел утащить женщину, но «Зор-адам» стал с ним бороться и повалил его, после этого дикий человек громко плакал и ушел в горы, швыряя камни. Все это видели многие, например Мамат, у которого сей мудрый старец рекомендовал мне навести справки. Имени этого симпатичного человека я, к сожалению, сообщить не могу, потому что, случайно уяснив из слов моего помощника, кто я такой, он очень заторопился искать свою пропавшую кобылу и сразу покинул нас.

Петроний Гай Аматуни
ВСТРЕЧА СО «СНЕЖНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»

Фантастический рассказ-шутка

Рис. В. Силкина

Уважаемый тов. редактор!

Я постоянный читатель Вашего журнала. Полагаю, что это достаточное основание для моего решения передать нижеследующий материал именно в Ваши руки, а не в чьи-либо другие...

Неделю назад я получил письмо от своего друга, командира корабля Василия Ивановича Козлова, и если я не переслал его Вам немедленно, то лишь потому, что мне понадобилось время, чтобы прийти в себя от изумления.

Лично я отказываюсь от комментариев. Смею, однако, Вас заверить, что тов. Козлов, с которым я дружу двадцать лет, — человек с безукоризненной репутацией, прекрасный летчик, налетавший два миллиона километров. До прошлого года он работал в Ростове-на-Дону, а потом переехал в Ташкент. Никто из знающих не помнит случая, чтобы тов. Козлов сказал лишнее. Он здоров, годен к полетам без ограничения и никогда не страдал заболеванием нервной системы.

Вот, собственно, все, что я хотел Вам сказать, прежде чем Вы приметесь за чтение заверенной нотариусом копии письма тов. Козлова. Оригинал хранится у меня...

«Привет, старина!

Пишу тебе из Кисловодска. Не тревожься, я здоров более чем когда-либо, но эти чертовы эскулапы... (далее следует несколько чисто «авиационных» терминов, которые я не привожу), эти чертовы эскулапы сочинили уже столько страниц в моей истории болезни, сколько не наберется во всех томах «Тихого Дона».

Но — к делу.

Десятого числа прошлого месяца меня вызвал командир отряда и коротко изложил суть спецрейса, который мне надлежало выполнить.

— В районе Южных Гималаев, — сказал он, — находится научная экспедиция. Слетайте к ним и доставьте продукты, одежду и кое-что из технического снаряжения.

— Понял вас.

— Возьмете с собой бортмеханика Клинка и штурмана Бондарева.

— Понял вас.

«Слетать», старина, предстояло на несколько тысяч километров в глубь наименее исследованного района Земного шара. Полдня мой второй пилот Ваня Кузнецов (тихий юноша, которого мы в наказание за его молодость прозвали Кузнечиком) и Володя Бондарев клеили карты и прокладывали маршрут, а радист Гриша Матвейчук запасался нужными сведениями и документами.

Ну и местность, скажу тебе! Ни приводных радиостанций, ни пеленгаторов, одни горные кряжи и горушки тысяч по пять-шесть и выше.

Загрузились. Володя Клинк заправил все баки «под пробочки», и мы взлетели. Не буду описывать тебе весь долгий путь. Главное — последний этап. Летим: высота — 5200 метров, погода — ясно, видимость — «милion километров». Суровый пейзаж, старина! Темно-синие скалы внизу и льды

и снега на вершинах. За бортом мороз 30 градусов, а в кабине — сидим в одних костюмчиках. Отопление работает

нормально, да и вообще техника нас не подводила. Бондарев глаз не сводит с гор и все время сличает их с картой; Кузнечик потихоньку любит пейзажем; Клинк — дремлет, как многие бортмеханики в рейсе, в хорошую погоду; Гриша Матвейчук выстукивает что-то своим телеграфным ключом на Большую землю; а я на штурманской линейке прикидываю тонна-километраж и примерную производительность полета.

И вдруг, бах! — пушечный выстрел, и оба мотора, дав по несколько выхлопов, стали. Клинк мигом очнулся и принялся проверять бензокраны, показания приборов и все такое.

У меня все внутри оборвалось... Выключаю автопилот, перевожу самолет в планирование. Начинаю соображать, куда девать шестнадцать тонн нашей техники.

— Командир, — крикнул Матвейчук, — я сейчас передаю по радио, что моторы отказали.

— Я точно знаю этот район, — наклонился ко мне Бондарев. — Я не прерывал детальной ориентировки...

Я кивнул хлопцам — действуйте! — и выбираю местечко получше. Но что справа, что слева — один черт: для посадки самолета местность никудышная...

Стало тихо-тихо. Машина снижается, горы все ближе, настроение падает вместе с высотой. По передним стеклам текут и смерзаются струйки крови. Здоровенная птичья лапа точно скребет когтями по стеклу.

Надо же случиться такому! Даже над Гималаями в воздухе оказалось тесно, и мы не разминулись с какой-то огромной птицей. Крылатый хищник, властитель местных небес, решил отомстить нашей технике, без труда ворвавшейся в его холодные владения...

Ах, еще бы тыщонки две высоты и Клинок возможно сумел бы вдохнуть жизнь в моторы! Но где их взять, старина? «Лунные» скалы вылезают со всех сторон и растут, будто мы рассматриваем их сквозь увеличительное стекло.

Вот справа узкое ущелье, километров на двадцать в длину, а у самого начала его единственная пригодная площадка. Подвернули мы с Кузнечиком вправо и сели на нее с убранным шасси.

И только тогда я почувствовал усталость.

Редчайший случай в авиации, и надо же ему достаться на нашу долю! Дело было к вечеру и всего в 347 километрах от цели, старина...

Конечно, мы знали, что завтра, пусть через два-три дня нас найдут, но все же картина не из приятных. Хлопцы мои держались бодро, а Кузнечик с Клинком даже начали сражаться в шахматы. Продуктов у нас вдоволь.

Спали в пилотской кабине, в меховых мешках. При посадке дверь грузовой кабины выломало, и мороз там делал что хотел.

Утро... Бондарев готовит завтрак, Матвейчук включил рацию (благо аккумуляторы целые!) и связался с Большой землей.

— Командир, — сказал он, — спрашивают: как самочувствие и сможем ли продержаться еще сутки?

— Сможем, — ответил я. — Пусть вышлют другой самолет в экспедицию...

— Они так и делают.

– Ну и отлично.

После завтрака, для поддержания духа, я предложил ребятам продолжить шахматный турнир. Кузнечик полез в грузовую кабину, где он накануне оставил доску с отложенной партией, пошарил там и возвратился с лицом белым, как снег на скалах.

– Что с тобой, парень?

– Командир, шахмат нет...

– Будет тебе, Кузнечик!

– Даю слово, командир, и там... чьи-то следы...

Я мигом вылез из самолета, глянул на снег и обмер. Веришь ли, старина, всякая всячина в голову полезла, будто фильтры в мозгу засорились!

– Это... «снежный человек», — прошептал Бондарев, вылезая за мной.

Тогда я немного успокоился: снежный или другой, во всяком случае – человек, а не дьявол. С пистолетами в руках мы двинулись по следам. Отошли уже метров на пятьсот, как мой Кузнечик ойкнул и присел, а Клинок попятился и почему-то стал умильно приговаривать:

– Кутю-кутю-кутю...

Снова меня бросило в жар. Вижу: из-за скалы выглядывают два волосатых рыжих великана и наблюдают за нами. Под мышкой один из них держит нашу шахматную доску.

Но что меня поразило более всего, так это то, что они не убегали от нас! А ведь все, что я слышал и читал до сих пор о йети — снежном человеке говорило за то, что они должны были убежать.

Стали мы ласково увещевать их на разные голоса и подходить ближе. Йети по-прежнему не убегают, только переводят взгляды с нас на самолет, и такое впечатление, что вид нашего самолета внушает им не страх, а напротив — успокаивает!

– Бондарев, — тихо говорю я, — дай-ка им свою штурманскую линейку, она белая, блестящая, должна им понравиться.

– Ни за что! — с достоинством произнес штурман.

– Командир, – прервал его Матвейчук, – я им лучше дам хлеба: у меня есть в кармане булка. Дать?

– Попробуй.

Гриша смело подошел к ним и протянул половину булки одному и половину – другому. Взяли!

– Молодцы, шахматисты, – подбодрил их Бондарев, и знакомство стало налаживаться.

Дальше – лучше. «Шахматисты» пошли вместе с нами к самолету и без всякой боязни (заметь это, старина!) полезли в грузовую кабину.

Это были крепкие ребята с длиннющими руками, короткими ногами. Головы у них были чуть откинутые назад, заостренные к макушке. Уши острые, большие надбровные дуги и довольно мирно смотревшие карие глаза. Но зубы них такие, что они могли бы перекусить и подмоторную раму, если бы не питали какой-то удивительной симпатии к технике.

Прошло часа два. Мы пообедали вместе с гостями, и дружба их стала простираться так далеко, что вскоре один из них даже полез целоваться с Клинком.

– Я вижу, что у тебя налаживаются с ними вполне родственные отношения, – заметил Бондарев, жуя колбасу.

– Во-первых, я жертвую собой во имя науки, а, во-вторых, – ответил Клинок, – стоит мне сейчас молвить словечко и кое-кому не сдобровать...

– Нет, нет, тезка, – взмолился штурман, – я сказал это, движимый только чувством юмора и уважением... к науке.

Тут другой йети, как бы желая не обидеть и штурмана, дружески обнял его за плечи, и я явственно услышал хруст чьих-то костей. Впрочем, секунду спустя Кузнечик отвлек йети горстью шахматных фигур, и Бондарев был спасен.

Йети, ответив Кузнечiku благодарным взглядом, принялся пищать от радости и издавать гортанные звуки.

Часом позже мы вышли из самолета, и йети пошли к горам, оборачиваясь и точно приглашая нас следовать за ними. Любопытство, старина, великая сила и не каждый совладевает с ней! Мы пошли за ними.

Менее чем в трех километрах от места нашей вынужденной посадки йети стали спускаться вниз по хорошо протоптанной тропинке. Она круто сворачивала за острый выступ скалы, и когда мы обогнули ее, то увидели... Я не могу передать тебе наше изумление. Картина казалась совершенно фантастической. Между скал был прочно зажат корабль, точнее его останки. Не самолет, а именно корабль, космический корабль.

Мы провели в ракете несколько часов. Призвав на помощь всю свою сообразительность, сопоставляя фотографии, которые были в фотоальбомах, схемы и чертежи, мы попытались представить, что же произошло с этим космическим кораблем. Было очевидно, что ракета разбилась при посадке, и люди, обитатели другой планеты, погибли. Сохранился только грузовой отсек, в котором и жили наши йети. Но откуда они взялись? Судя по фотографиям, это были потомки обезьян, которых космонавты взяли вместе с собой с намерением выпустить сначала их на поверхность той планеты, которую отыщут в космосе. Чудом спасшиеся, они прижились и дали потомство.

Теперь ты понимаешь, что такое снежный человек?! Мы были у истоков тайны, которая беспокоит умы миллионов людей!

Нам пришлось покинуть корабль, когда Кузнечик, выбежавший послушать, не летит ли самолет, крикнул:

– Командир! Летят, за нами летят..

Мы вышли, шурясь от яркого дневного света. Слева высилась километровая стена хребта с миллионами тонн снега на вершине, а справа, за останками межпланетного корабля – почти отвесно вниз уходил бездонный обрыв – пропасть.

Добежав до своего самолета, мы увидели вдали три блуждающие точки вертолетов — нас искали в ущелье. Клинок притащил ракетницу и принялся палить: в небо одна за одной взвивались разноцветные ракеты.

Вскоре нас заметили, и вертолеты гуськом направились к нам, наполняя ущелье грохотом. Снежная вершина

хребта заколебалась, наклонилась и гигантской Ниагарой покатилась вниз.

Рев лавины покрыл шум вертолетов. На наших глазах скалы, служившие опорой межпланетному кораблю, рухнули, и все, что осталось от неведомых пришельцев из кос-

моса, вместе с «шахматистами», посыпалось в бездну, ударяясь и разламываясь на мелкие куски. Более получаса сверху неслись глыбы льда, камни и потоки снега, погребая все в непроходимой глубине сужающейся пропасти...

В ущелье закрутились вихри, и нашим вертолетчикам пришлось немало потрудиться, прежде чем им удалось пробиться к нам.

Вот и все, старина!

А потом... До сих пор все над нами подсмеиваются, а эти чертовы эскулапы (далее опять следуют «термины», которые я не решаюсь воспроизвести), эти чертовы эскулапы, сочувственно кивая головами, направили нас лечиться. Ведь единственное доказательство у нас — это... нехватка шахматных фигур, то есть сплошная «минус-материя»!

Вот почему мы сейчас в Кисловодске.

Черкни откровенно, старина, веришь ли ты мне. Если да, то я на обратном пути загляну к тебе и как-нибудь вечером подробно расскажу о том, что мы увидели в космическом корабле.

Мне не терпится узнать, как ты отнесешься к моему письму.

Ну, пока! Привет всем твоим домашним и нашим авиаторам.

Твой Василий.

...Интересно, согласишься ли ты мне? По крайности, найди мне такого ученого мужа, который взялся бы всерьез доказать, что рассказанное мной – невозможно...»

* * *

Товарищ редактор!

Со своей стороны я присоединяюсь к просьбе моего друга, хотя лично я ему верю.

С приветом пилот Аэрофлота
П. АМАТУНИ.

Василий Карпов

ВЫСОТА 4100

Вид, что открывался отсюда, захватывал дух. Горы про-
рвали ярко-синее небо. Величественные вершины, каза-
лось, спали, укрывшись облаком. На белоснежные склоны
было больно смотреть.

Негнушимися пальцами я затолкал в бутылку записку:

*«9.08.72 г., 8 часов вечера. Здесь были студенты ТПИ
геологи С. П. Богуславский и В. В. Николенко. Замерзаем,
бежим назад...»*

Занесла нас на вершину Каратегинского хребта безрас-
судная молодость.

Сегодня утром у нас и мысли не было о восхождении.
Впервые за месяц не нужно вставать, идти в очередной из-
нурительный маршрут, и мы настроились не вылезать из
спальников по крайней мере до обеда. Отряд базировался
на высоте 2000 метров, а маршруты поднимались до 3000,
поэтому были крайне тяжелы. Как назло, весь месяц стоя-
ла прекрасная, рабочая погода, и как мы ни молили о дож-
де, его не было. Люди выдохлись, и вот, наконец, началь-
ник отряда Сергей Генсюрковский объявил долгожданный
выходной день.

Но странно устроен человек: перед каждым маршрутом
нас приходилось поднимать чуть ли не подъемным краном
(роль которого попеременно исполняли Генсюрковский и
старший геолог Владимир Шибаев), а тут мы сами подня-
лись и совершенно не знали, куда себя деть. Лениво по-
бросали мяч, пока он не улетел в ущелье, позабавлялись,
спуская в то же ущелье камни. С интересом наблюдали,
как прыгали, словно мячики, огромные глыбы, летели
вниз, стремительно уменьшаясь в размерах и разбиваясь
вдребезги далеко внизу.

— Обвала захотелось? — Генсюрковский выглянул на шум
из рабочей палатки, где он корпел над геологической кар-
той. — Лучше идите очистите от югана тропу к перевалу!

Юган — жгучая папоротниковидная трава в пояс высо-
той — доставляла нам немало хлопот. При соприкоснове-

нии с телом она не жгла, как крапива, но через некоторое время появлялись огромные болезненные волдыри.

Истребив коварную траву, мы опять оказались не у дел, но на всякий случай решили держаться подальше от начальства. К обеду план созрел. Очень, прямо скажем, легкомысленный план. Мы знали, что там, наверху, температура по крайней мере должна соответствовать вечному снегу. Но снежник начинался и от наших палаток, почти не таял даже в жаркие дни, только покрывался красными проплешинами. И мы пошли на штурм высоты 4100 налегке. Предстояло преодолеть чуть более двух километров, но мы, несмотря на маршрутный опыт, трудность этих километров явно недооценили, ничего с собой не взяв, не считая двух флажков чая и геологических молотков.

Справедливо полагая, что начальству о нашем плане лучше узнать попозже, когда мы будем уже в недостижимой зоне, я подозвал самого медлительного горнорабочего – местного жителя таджика Турсуна – и попросил сообщить Сергею Алексеевичу, что «идем на 4100». Турсун достал из кармана стеганого халата небольшой пузырек, вытряхнул на ладонь щепотку зеленого насвая, кинул под язык и лишь после этого неторопливо пошел к Генсюрковскому. Мы скорым шагом уходили к перевалу. Поднявшись по склону, увидели раскинувшийся на террасе лагерь, бредущего к нему Турсуна. Когда тот раздвигал полог палатки, мы уже перевалили через гребень скалы.

Часа через три вся легкомысленность нашей затеи стала ясной, но признаваться в этом не хотелось. Становилось холоднее. Судя по растительности, мы миновали лето, осень и вступили в зиму. Склон становился круче, и каждый метр давался все труднее и труднее. Возможно, мы и повернули бы назад, но горы скрадывали расстояние: намеченный путь лежал перед глазами, вершина казалась обманчиво близкой, и мы карабкались выше и выше. На восьмом часу, совершенно обессиленные, то и дело сползая по заснеженной каменной россыпи, одолели последние метры.

И вот мы наверху. Отдохнуть на таком морозе, при пронизывающем ветре невозможно, а любоваться панорамой

гор пришлось недолго: солнце виднелось где-то внизу, ущелья заволакивала зловеющая тьма, и лишь хребет, по которому мы поднялись, белел зигзагами в наступающей мгле.

Засунув бутылку с записками покорителей вершины в каменную пирамиду, мы поспешили вниз. Срезая расстояние, решили бегом спуститься по очень крутому снежнику, подниматься по которому не осмелились. Но, забирая по склону влево, к старым следам, вдруг выскочили на плотный снег. Мы разом упали – не удержали и железные шипы на ботинках, заскользили вниз, отчаянно пытаюсь удержаться. Скорость падения возрастала, быстро приближались камни в конце снежника. Швырнуло вверх, как с трамплина, камни уменьшились, затем вдруг стали огромными. Я потерял сознание.

Очнулся от холода, в ледяной воде, натекашей из-под уступа, которым кончался снежный язык. Я был цел и невредим, если не считать сильной, разламывающей виски головной боли. Богуславский лежал рядом и, судя по стонам, тоже очнулся. Немного придя в себя, выбрались на сухое место и, дрожа от холода, отжали мокрую одежду. Мы прекрасно понимали всю серьезность своего положения, поэтому все делали быстро и молча. Богуславский, прыгая на одной ноге и пытаюсь другой попасть в штанину, неожиданно замер. Округлившимися глазами он смотрел на что-то позади меня. Я резко оглянулся и тоже застыл на месте.

Из-за ледяного уступа медленно вышел человек. Он волочил правую ногу. Одна рука была в крови и висела плетью. Появление человека в этих диких краях само по себе уже было удивительным. И удивление наше нарастало с каждой секундой. Очень странный был этот человек... Широкое, приземистое туловище. Необычно короткая шея, как бы втянутая в плечи. Низкий, убегающий назад лоб. Широкий безгубый рот. Короткий нос с большими круглыми ноздрями. Подбородок срезан. Лицо безволосое, но тело покрывали длинные редкие волосы, которые мы сперва приняли за одежду.

– Йети! Снежный человек! – сдавленно проговорил Богуславский. То, что мы сделали в следующую минуту, труд-

но объяснить. Или сказался нездоровый ажиотаж, поднятый в последние годы вокруг снежного человека, или по какой другой причине, но мы, переглянувшись, бросились на снежного человека. Йети был явно ранен — очевидно, тоже сорвался перед нами со снежника, и мы надеялись его легко скрутить.

Схватка длилась недолго. Йети здоровой рукой легко, как кутенка, поднял меня и посадил на снежный трамплин, который был выше моего роста. Протянув руку назад, он взял за шиворот висевшего у него сзади на шее Богуславского, поднял над головой и посадил рядом со мной.

— У-у-ух! — приглушенно выдохнул йети.

Мы смиренно сидели на снегу, испуганно глядя на него с высоты. Снежный человек тоже смотрел на нас, смотрел печально и как-то очень человечно. За спиной у йети, в ущелье, чернела ночь, а его самого ярко освещали косые лучи солнца. Я отчетливо видел, что морщинистую кожу снежного человека покрывают старые заросшие шрамы. Они образовывали по всему телу сетку, столь густую, что практически не было участка целой кожи: стоящему перед нами человеку очень много лет...

Йети, тяжело припадая на больную ногу, уходил в сторону Гиссарского хребта. Мы смотрели ему вслед. На снегу тянулась цепочка отпечатков босых ног, запятнанных с одной стороны кровью. Нам было очень стыдно. На камнях осталось лежать разорванное ожерелье из больших клыков, судя по всему — медвежьих. Мы их тщательно собрали.

Пора было торопиться. Далеко внизу взмыла красная ракета: в лагере начали беспокоиться. В отряд вернулись глубокой ночью, в лохмотьях вместо одежды, с волдырями по всему телу от югана.

Нашему сбивчивому рассказу никто не поверил, и только ожерелье поколебало скептицизм товарищей. Наутро почти весь отряд ушел к снежному человеку, на высоту 4100. Идти дальше в глубь гор без специального альпинистского снаряжения оказалось невозможно, и отряд, пройдя по следу несколько километров, вернулся. Я был даже рад этому обстоятельству.

Теперь наш лагерь походил на встревоженный улей. Радист не отходил от рации, пытаясь отстукать базе, что необходимо вертолет, что с ума он не сошел, что Генсюрровский и Шибаев стоят рядом и тоже трезвы. Таджик Турсун рассказал о легенде, слышанной им от отца.

С незапамятных времен жители отдаленных кишлаков Гиссарского и Каратегинского хребтов Тянь-Шаня встречали человека-медведя. Встречали очень редко и обычно высоко в горах. Вроде бы даже по его имени назван хребет Каратегинский, что означает «медвежий». Встреча с человеком-медведем обещала долгую жизнь, так как, по преданию, он был бессмертен.

— Насчет бессмертия в легенде, конечно, немного того, но на то она и легенда, — сказал Богуславский. — Но ведь он мог прожить достаточно долгую жизнь, чтобы на памяти нескольких людей прослыть бессмертным. Ведь прожил английский крестьянин Томас Парра без малого 153 года и умер от ожорства. Великий Гарвей при вскрытии не нашел серьезных старческих изменений в его организме. Пусты в эти горы подобного Парру...

— И тебя с ним на пару! — рассмеялся Шибаев. — И родится легенда о вечном студенте.

Шибаев задумался и добавил:

— Дайте-ка мне ожерелье.

На следующий день из Новобада прилетел МИ-4. На нем прибыл сам начальник экспедиции. С врачом. Пораженные убежденностью всего отряда, разрешили совершить облет близлежащих вершин, хотя так и остались при своем, очень нелестном для всех нас, мнении. Через несколько часов начальник экспедиции отбыл обратно на базу, объявив по выговору Генсюрровскому и Шибаеву «за синдром снежного человека, приведший к потере трех отрядодней».

Однажды, когда практика подходила уже к концу, к нам в палатку заглянул Шибаев.

— Сегодня Турсун ходил за продуктами на базу и принес почту. Есть и вам кое-что. Вот, возьмите.

Прочитав письма, мы неожиданно заговорили о снежном человеке, которого встретили месяц назад.

– Вы знаете, а ведь, похоже, это был неандерталец! Да, именно неандерталец. Доживший со времен палеолита до наших дней.

– Он что же, бессмертный?

– Да, – как-то очень уж обыденно сказал Шибаев. – Смерть – совсем не обязательный спутник жизни. Может быть, жизнь имеет вполне определенную продолжительность не оттого, что бессмертие противоречит самой природе жизни. Более того, бессмертие – излишняя роскошь, тормоз для развития вида в целом. Процветающие ныне виды животных утратили в процессе эволюции свое бессмертие – способность полностью обновлять изнашивающиеся клетки. Вероятно, у всех основных групп животных существовала тупиковая, так сказать, «бессмертная», ветвь. Эти ветви засохли, но остатки былой роскоши уцелели до сих пор. Это латимерия, которую ученые называют живым ископаемым, Несси из шотландского озера. Возможно, в этот ряд когда-нибудь встанет обыкновенная щука – всем известны случаи ее удивительного долголетия. Наконец, этот наш снежный человек – неандерталец. Эти виды погибают от болезней, голода, ран. Но им неведома смерть от старости, и при благоприятных условиях они могут прожить долго. Парадокс, но вид, каждая особь которого бессмертна, обречен на вымирание. Они, бессмертные, законсервированы в своем бессмертии и не умеют приспосабливаться к изменяющейся среде. Кто знает, может, именно по этой причине вымерли динозавры?

– Но ведь мозг неандертальца ненамного уступает нашему. Как может его память нести в себе груз тысячелетий? – спросил я Шибаева.

– Несомненно, у него есть разум. Но вряд ли он впитал в себе опыт тысячелетий. Его сознание скользило сквозь века, растянувшись, самое большее, на сотню лет. Обновлялся мозг, обновлялся разум. Но разум оставался на своем первоначальном уровне, не прогрессируя. За это время смертный гомо сапиенс, заплатив миллиардами жизней, поднялся на недостижимую высоту. Мне такое бессмертие напоминает так называемое бессмертие простейших, много-

кратное повторение самого себя делением. Эти организмы не знают, что такое смерть. Так и наш неандерталец: непрерывно обновляя изнашивающиеся клетки, он тоже повторяет самого себя, но в одном теле.

Далее Шибаев объяснил нам, что неандерталец, по последним данным, не является нашим предком, а развивался параллельно, поэтому нам повезло — мы не бессмертные... Сказал, что в принципе возможность бессмертия уже доказана советскими учеными.

— Они тщательно изучили секвойю. Она способна прожить до пяти тысяч лет, это всем известно. Оказалось, клетки этих деревьев, которые тысячелетиями активно размножались, ничем не отличаются от таких же клеток молодых саженцев! То, что мы называем старением, у них отсутствует.

Шибаев некоторое время наблюдал, какую реакцию произвели его слова. Потом вытащил из кармана медвежье ожерелье, которое мы не видели с тех пор, как он у нас его забрал. На каждом клыке почему-то был приклеен маленький бумажный квадратик с цифрой.

— Такие ожерелья принято украшать зубами хищников, добытых лично, — сказал Шибаев. — Так же поступал и снежный человек. Часть этих клыков он добыл в пору своей молодости.

Шибаев взял клык под номером 7. Протянул мне бумагу с печатью республиканского Института геологии и геофизики:

— Это результаты радиоуглеродного анализа. Посмотри, какой возраст проставлен напротив этого номера.

Я глянул и ахнул. Напротив цифры семь значилось — 50 тысяч лет!..

Йозеф Несвадба

**ПО СЛЕДАМ СНЕЖНОГО
ЧЕЛОВЕКА**

В январе прошлого года все газеты сообщили о трагической гибели лорда Эсдейла, экспедиция которого была якобы занесена снежным бураном при переходе через открытое ветрам горное плато в Гималаях. Клянусь своей честью и совестью, это абсолютно ложное, не соответствующее действительности сообщение. Я единственный человек, знающий, почему лорд Эсдейл исчез в Гималаях, и готов под присягой свидетельствовать следующее.

Мы встретились с лордом Эсдейлом в тридцатых годах, когда он тайно приехал ко мне в Марквартицы. Я преподавал рисование в школе и ведал местными краеведческими коллекциями. Марквартицы находятся, так сказать, по соседству с Вьестоницами, где в делювиальных отложениях профессор Эбсолон нашел женскую статуэтку из слоновой кости, получившую потом известность под названием вьестоницкой Венеры. Во время своих краеведческих экспедиций между Вьестоницами и Марквартицами я обнаружил много старых, полузасыпанных пещер с остатками животных каменного века. Мне даже удалось найти сломанный бивень мамонта (*Elephas primigenius*), которому я решил отвести самое почетное место в школьной коллекции. В это время нас навестил мой тесть Иозеф Жабка, владелец небольшой фабрики шоколадных конфет в Микулове. Жабка уговорил меня никому не отдавать бивень.

— Ты рисуешь и занимаешься резьбой, — сказал он, а спустя некоторое время предложил нечто, похожее на сделку. — Тебе, вероятно, не трудно вырезать из древней кости такую же фигурку, какую нашли в Вьестоницах, а потом вымазать ее глиной и землей.

— Зачем?!

— Неужели ты намерен до конца дней своих торчать в деревенской школе и получать несколько жалких сотен? Моя дочь привыкла к лучшей жизни...

Они уговаривали меня в течение нескольких недель. Я любил свою жену. К тому же наш директор упрекнул меня в том, что я забочусь о своих краеведческих коллекциях больше, чем об учениках. Мы повздорили, он угрожал мне дисциплинарным взысканием и увольнением с государст-

венной службы. А тут еще мой тесть продолжал утверждать, будто две «древние» статуэтки обеспечили бы нас на всю жизнь: мол, агент, поставляющий ему какао, связан в Лондоне с купцом, торгующим древностями. Этот агент как раз приехал в Брно. Мне пришлось за одну ночь вырезать вторую вестоничскую Венеру. Бивень крошился, и я начинал все снова и снова. Затем, руководствуясь книгой о четвертичном периоде, я вырезал еще фигурку мамонта и покрытого шерстью носорога (*Coelodonta antiquitatis*). Тесть показал мои произведения агенту по продаже какао. Мы ждали несколько месяцев, но никаких известий из Лондона не поступало, хотя мы послали туда мои фигурки, а тесть разыскал в Вене какого-то профессора, который засвидетельствовал, что это действительно художественные произведения доисторических людей каменного века. Я уже подумывал о том, как бы помириться с директором, и решил при первой же встрече выгнать тестя и возобновить дружбу с его микуловскими рабочими, с которыми когда-то ходил вместе в школу. Но как-то раз, — кажется, это была суббота, — перед школой остановился автомобиль иностранной марки. Из него вышел элегантный господин в простроченной шляпе ручной работы, какие не носят в наших краях. Ему пришлось пригнуться, чтобы войти в мой кабинет. Он протянул мне левую руку.

— Лорд Эсдейл, — представился он на плохом немецком языке. Я прикоснулся к его правой руке. Это был протез. — Львы, — лаконично пояснил Эсдейл и сел под чучелом редкой песочной змеи. — Я приехал по поводу ваших подделок...

— Статуэтки, безусловно, подлинные, — дерзко ответил я.

— Бивень подлинный, это верно. Потому я и приехал. Не стоит упираться. Статуэтки очень милы, и я рад, что в наше рациональное время — *age of reason* — нашелся человек с таким же художественным чутьем, как у людей ледникового периода.

Это мало походило на комплимент. Я взглянул на себя в зеркало. У меня рыхлое лицо и реденькие рыжие волосы,

иногда я кажусь себе определенно некрасивым. Все же я не так уродлив, как наши мохнатые пращуры.

— Я куплю ваши статуэтки. Но только с условием, — быстро добавил лорд, увидев, как я встрепелся, — что вы поведете меня в пещеру, где нашли бивень мамонта, и подробно исследуете ее вместе со мной.

Тут в мой кабинет вошел разбитной венский шофер, неся в охапке альпинистское снаряжение и дорожный мешок. Он доложил Эсдейлу, что обеспечил ему в гостинице ночлег, и попросил расплатиться. Эсдейл протянул ему чек. Насколько недоуменно посмотрев на меня и на мои коллекции, шофер вежливо попрощался, сел в машину и уехал.

— Пещеры вокруг Марквартиц исследовать невозможно, — растерянно возразил я лорду. Мне нужны были его деньги, но все же не ценой собственной жизни. — Уже много людей заблудилось в них и потом умерло с голоду или свалилось в пропасть. Я каждый месяц пишу об этом в Прагу. Сюда надо посылать целую экспедицию. Здесь могут оказаться сталактиты почище, чем в Деменовей пещере. Но для этого недостаточно двух человек, дорогой лорд.

— Вы боитесь? Сколько хотите за это?

Он думал, что я торгуюсь. Видимо, чувствовал себя у нас в Марквартицах, как где-нибудь в Центральной Африке, и договаривался со мной, как с туземным знахарем. Мне захотелось потребовать с него килограмм яблонецких стеклянных бус и полкило пороха и тут же поджечь этот порох под его стулом, но я раздумал. Отправил Эсдейла спать в гостиницу «У почты», а сам долго не мог уснуть. Всю ночь напролет думал, какая из пещер наименее опасна. На следующее утро мы тронулись в путь. Я намеревался поводить Эсдейла в темноте, чуточку искупать его в подземном ручье, показать полуразрушенный очаг, когда-то найденный здесь мальчишками, предложить его вниманию кости домашних животных, которые всего лишь в прошлом столетии, вероятно, затащили сюда лисицы — ученые ими не интересуются, но на экскурсантов они до сих пор нагоняют страх. Однако лорда трудно было провести.

— Замечательная пещера, — сказал он, обгладывая ножку жареной курицы, которую я захватил для него. — Замечательная пещера, — повторил он и остановился, равнодушно поглядев на побелевший лошадиный череп, обычно приводивший в ужас всех посетителей. — Но вам следовало бы провести сюда электрическое освещение. Тогда можно было бы устраивать в эти места безопасные экскурсии даже для учащихся.

Он двинулся с места и пошел такими огромными шагами, что я едва поспевал за ним. Мне было стыдно. Кроме того, я злился на своего тестя. Ведь это он все затеял. Я заявил Эсдейлу, что ни в какие пещеры с ним не пойду, потому что боюсь, и до сих пор никогда не решался в них углубиться. Два моих товарища, однажды отважившиеся на это, теперь наводят страх на людей, как этот лошадиный череп. У меня нет никакого желания очутиться в музее в качестве чудом сохранившегося скелета доисторического человека. Я — *homo sapiens*, разумный человек, и хочу, чтобы мои останки покоились на кладбище, а не в делювиальных наносах.

Он ничуть не обиделся. Наоборот, подождал меня, взял под руку и закурил трубку.

— Это доказательство, *my goodness!* Это доказательство. Вы действительно убеждены в том, что ваши друзья погибли под землей?

Тогда у меня впервые мелькнула мысль, не спятил ли он.

— А что бы они стали делать там так долго? Тонда Копецкий исчез пять лет назад.

— Так же как и моя жена, — сказал лорд, отчаянно дымя трубкой. — Это доказательство. Вы должны пойти со мной в эти пещеры, даже если бы мне пришлось здесь продать душу дьяволу, — сказал он.

Он повел меня в гостиницу, где снял целый этаж, вытащил из дорожного мешка бутылку шотландского «*Black and White, special brand of Buchanan's choice old whisky, Glasgow and London*». За ночь мы выпили две такие бутылки. И к утру я узнал историю леди Эсдейл, которую тоже готов подтвердить под присягой.

Леди Эсдейл

Она исчезла пять лет назад во время первой экспедиции князя Павла фон Л. на Гималаи. Это была вторая жена лорда Эсдейла.

— Мы хотели отправиться куда-нибудь в свадебное путешествие. Тут я получил приглашение от князя Павла, с которым близко сошелся в Монте-Карло. Князь Павел был странный человек. При внешности вратаря-хоккеиста, широкий в плечах, как орангутанг, он говорил тоненьким дискантом; казалось, что в этом мощном теле притаился другой, кем-то запутанный, крошечный Павлик фон Л. Он женился на какой-то португальской аристократке, семья которой сводила концы с концами лишь благодаря доходам от больших лошадиных боен в Порту. Они прожили два года, а потом разразился скандал. В казино, за рулеткой, какой-то отвергнутый любовник вслух перечислил ей в лицо имена всех своих предшественников... Вероятно, приревновал ее, словом, скандал был колоссальный. Разумеется, все женщины меняют любовников, но обычно об этом не сообщают обществу так громогласно и обо всех сразу. Павел чуть не убил этого человека. Но с женой продолжал жить по-прежнему. Однако семья князя восстала против этого. Требовала, чтобы он развелся: определенные правила приличия аристократия должна соблюдать. Павел не согласился с семьей и стал изучать полиандрию. Он отправился в путешествие, решив побывать у всех племен, где до сих пор существует полиандрия, то есть где у одной женщины несколько мужей. Хотел научно опровергнуть привычные предрассудки. А между тем его жена, оставшаяся в Европе, применяла полиандрию на практике.

Как известно, до последнего времени полиандрия была больше всего распространена в Тибете. Павел осел там и пригласил нас приехать туда, как бы в свадебное путешествие. Я не опасался, что моя жена последует примеру тибетских женщин, и мы выехали через два дня после свадьбы.

Тогда я еще ничего не знал ни о Гималаях, ни о снежном человеке.

— О снежном человеке? — переспросил я, потому что в те годы в европейской литературе о нем ничего не писали.

— **The abominable snow-man**, — сказал Эсдейл. — Отвратительный снежный человек. Туземцы называют его йети. Мы наткнулись на его следы во время экспедиции в далекую горную деревушку, где, по рассказам, на тридцать мужчин приходилась всего лишь одна молодая женщина: живут они в мире и согласии, не знают ревности, отцом новорожденного считается старший в роде. Павел полагал, что в этой горной деревушке мы сможем изучать полиандрию, так сказать, лабораторно. Но дорога туда была невероятно трудной. Туземные носильщики трижды хотели вернуться, нам пришлось самим перебрасывать веревочный мост через узкую, но невероятно глубокую пропасть. С нами произошло столько приключений, и местность была такая непривычная и необыкновенная, что моя жена чувствовала себя совершенно счастливой, потому что ни одна из ее приятельниц не совершала такого изумительного свадебного путешествия. Ее приятельницы были обыкновенными мещаночками. Гелена единственная из них получила диплом инженера и стала конструктором на моих фабриках в Манчестере, так что мой брак с нею не был мезальянсом, как продолжают утверждать некоторые из моих друзей. Она была замечательной, красивой и умной женщиной. Я до сих пор люблю ее... — Лорд Эсдейл налил и залпом выпил двойную порцию виски. При каждом упоминании о жене он повышал голос, словно хотел убедить самого себя в ее исключительности. — Гелена первая заметила следы. До того она дважды была со мной в Африке. Меня всегда поражала ее сообразительность, она читала следы лучше моего сомалийского боя. Когда мы прошлый раз ездили в Конго, она застрелила трех самцов гориллы, и негры в деревне танцевали вокруг нее, как вокруг богини. Следы, которые она заметила на этот раз, походили на следы гориллы. Но как могло такое животное попасть сюда, в снежные горы? Мы расспрашивали носильщиков. Од-

нако они утверждали, что ничего не видят, что мы ошибаемся, никаких следов здесь нет. Хотя потом, когда мы поднялись на покрытое снегом горное плато, их увидел бы даже слепой. Туземцы посовещались между собой. Видно было, что они боятся.

— Это йети! — сказал наконец самый старший. — Остается только не обращать на него внимания, тогда он оставит нас в покое.

— А что это за йети?

Они объяснили, что это дух. Мы посмеялись над ними. Да разве дух оставляет такие следы? Вероятно, это какая-нибудь крупная обезьяна, живущая здесь, высоко в горах. Между тем Гелена принесла мне оружие. У меня очень точная винтовка, купленная в Германии; до сих пор я ни разу из нее не промахнулся. Мы пошли по этим странным следам. Князю Павлу пришлось идти с нами. Ему не очень этого хотелось, но ведь мы были его гостями.

— Предупреждаем вас, — сказал старший носильщик, опуская свою ношу на землю, — мы гнаться за йети не будем!

— Почему? — нахмурился я. При охоте на диких зверей я не терплю возражений и сопротивления. Первое условие — обеспеченный тыл.

— Кто идет по его следам, никогда не возвращается... — Он повторил это несколько раз на своем певучем тарабарском языке, остальные ему подпевали, как при богослужении.

— Следы совсем свежие, — сказала Гелена. — Пусть носильщики подождут нас здесь. Мы скоро вернемся.

— Вы никогда не вернетесь, — убежденно возразил старик, с грустной усмешкой глядя ей прямо в глаза. — Не вернетесь никогда!

Он был прав.

Отвратительные снежные люди

Мы почти бежали по следам. Павел нес за нами снаряжение. Он признался, что не любит стрелять в животных. У него и впрямь странный характер. Гелена шла впереди, словно не могла чего-то дожидаться. Через час мы обнаружили пятна крови. Очевидно, тот, кого мы преследовали, поранился где-то по пути. Кровавые пятна увеличивались. Спустя полчаса он на короткое время остановился. На этом месте мы увидели кость. Это была дочиста обглоданная лопатка какого-то небольшого животного. Мы тоже остановились. Что все это значит? Если мы гонимся за обезьяной, а мы это до сих пор и предполагали, – то ведь она не питается сырым мясом. А может, здесь водятся такие странные обезьяны, пища которых ничем не отличается от человеческой? Впервые мне пришло в голову, что мы напали на след настоящей тайны и не только привезем в Европу редкую шкуру, но, быть может, прославимся среди естествоиспытателей как открыватели нового вида плотоядных гималайских обезьян. Казалось, мы вот-вот настигнем животное. На всякий случай я спустил предохранитель.

Вот тогда-то все и началось. При ясном небе, на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря, при температуре ниже нуля по Цельсию вдруг разразилась гроза. Вокруг нас скрещивались молнии, и в то же время шел снег. Мы потеряли друг друга из виду и бросились к ближайшей скале. Здесь буран был, однако, еще сильнее. Я хотел поддержать Гелену и в темноте наугад протянул руки, но натолкнулся на огромную лапу. Я подумал, что это Павел, и раздраженно оттолкнул его. Тут кто-то ударил меня по голове, я упал навзничь и потерял сознание.

Когда я пришел в себя, вокруг царила тишина. Мы были уже не под скалой, где нас застиг буран, а оказались высоко в горах, в странной пещере, вход в которую был завален большими каменными глыбами. Разумеется, я тотчас же захотел выбраться из пещеры.

— Погоди! — в отчаянии воскликнула Гелена. — Под нами тысячеметровая пропасть!

Я взобрался на каменные глыбы. Она была права. Пещера выходила к отвесной скале, которая спускалась вниз на головокружительную глубину и подымалась вверх за облака. Отсюда без альпинистского снаряжения нам не выбраться.

— У меня остался только фонарик, — грустно сказал Павел. — Все забрали. Ни одного патрона не оставили в карманах. Нет ни спичек, ни сигарет.

Я тоже осмотрел свои карманы. Мне оставили только носовой платок. Бесспорно, во время бурана на нас напали грабители, которые, по слухам, живут здесь как в феодальные времена. Как-то раз они послали моему знакомому нотариусу в Лондон требование внести выкуп и в доказательство того, что и впрямь захватили в плен его клиента, приложили к письму отрезанный у него большой палец правой руки. Я посмотрел на Гелену. У нее были красивые пальцы.

— Надо отсюда выбираться. И поскорее...

— Ты что, умеешь летать? Или собираешься сделать парашют из своего носового платка?

— Зажги фонарик, Павел, и постараемся проникнуть внутрь пещеры. Только не пытайся уверять меня, что бандиты в такой буран затащили нас сюда по этому отвесному склону. Вероятно, они пришли оттуда, — показал я в темноту, сгущавшуюся за нашими спинами.

— Я уже был там, — сказал Павел. — Пещера заканчивается узким ходом. Очень извилистым и низким. У нас нет веревки, и каждый шаг в такой темноте может стоить нам жизни. Там наверняка есть трещины. Светить все время фонарик не может — батарейки хватит часа на два, не больше.

И все-таки мы пошли. Отправились в глубь этой пещеры. Держались за руки, как в детских играх. Передвигались медленно, осторожно. Несколько раз я ударялся лбом о выступы скалы, но через полчаса ход вдруг расширился, мы смогли выпрямиться и оглядеться. Откуда-то сверху падал свет, и в пещере царил полумрак, как в готических храмах. Павел

выключил фонарик и посмотрел вокруг. Он их увидел первым.

– Снежных людей? – задыхаясь, спросил я лорда Эсдейла.

– Нет, рисунки! – строго произнес он, так как не выносил, когда его перебивали.

На стенах пещеры были изображения, по сравнению с которыми рисунки в Альтамире казались детской мазней. И все же они их чем-то напоминали. На мгновение мы забыли, что должны спасти свою жизнь, что нам, очевидно, придется выбираться наверх по этой узенькой, светящейся расщелине, которая теряется где-то над нашими головами, и, забыв обо всем, рассматривали эти наскальные рисунки, словно находились в музее. Больше всего там было зверей. Доисторический бизон, которого естествоиспытатели называют *bison priscus*, больше напоминающий литовского зубра, чем американского бизона, покрытый шерстью носорог, северный олень, лошадь, похожая на лошадь Пржевальского, несколько оленят или серн, странные, не известные нам птицы и мелкие животные. Это были высокохудожественные изображения. Если мы отсюда выберемся, эта находка прославит нас на весь мир. Но как выбраться? Я попытался взобраться вверх по расщелине, но снова и снова падал на подставленные руки моих спутников. К тому же всех нас начал отчаянно мучить голод. Жажду мы утоляли водой, проступавшей на стенах, но есть здесь было нечего. Этак мы за несколько дней ослабеем от голода и начнем медленно умирать. Пожалуй, лучше вернуться и попытаться спуститься по стене. По крайней мере смерть будет быстрой и милосердной. Мы присели в этом доисторическом храме и стали советоваться.

– Я думаю... – начала Гелена и застыла с открытым ртом.

Она в ужасе смотрела через мое правое плечо в ту сторону, откуда мы пришли. Однажды я уже был в таком положении, когда охотился на леопардов во владениях племени дробо. Тогда наш бой смотрел на меня с таким же ужасом в глазах. Вряд ли человек может быть столь же коварным, как леопард. Тут остается одно: сделать нечто неожиданное. Если бандит за моей спиной думает, что я

встану, и уже занес надо мной саблю, я должен, наоборот, упасть на землю... Но я забыл о своем плане, потому что за спиной моей жены выросла вторая фигура.

Ни тот, ни другой не походили ни на бандитов, ни на туземцев: они были высокие и совсем голые. Оба мужчины – пожилой и молодой. Спина, грудь и ноги каждого были покрыты длинной шерстью, а руки чуть длиннее наших. Один нес какое-то тощее убитое животное, второй держал на плече два копья. Они походили на обезьян с умными человеческими глазами. Издавали какие-то звуки. Мы попытались сопротивляться и что-то объяснить, но первый из них подтолкнул меня вперед. Он был невероятно силен, и поднял меня как пушинку. Я сразу узнал его лапу. Вероятно, вот так же они принесли нас сюда. Но как они взобрались босые, без веревок, по такой крутизне, да еще с живой ношей? Времени на размышления у нас не было: нам пришлось бежать перед ними подобно собачонкам или пленным после проигранной битвы.

Ход вел дальше, в глубь скалы. Вскоре мы вошли в пещеру поменьше – там был очаг. Из мрака выступила молодая, статная женщина и тотчас же принялась разводить огонь. Они высекали его кремнем, хотя отобрали у нас спички. На нас никто не обращал внимания. А может, нас собирались изжарить живьем? Уж очень жалкой была их добыча. Когда огонь разгорелся, появился обросший длинной седой шерстью старик с замороженным окороком в руках. Я подумал, что ледниковый период, собственно, был для них благодатью. Правда, им приходилось бегать босиком по снегу, но зато они могли сколько угодно хранить в нем продукты. Уже тогда я понял, почему они переселяются из долин сюда, вслед за вечными льдами. Потому что охота, которой они, видимо, живут – *experto crede* – дело нерегулярное и сопряжено с риском. В богатых африканских лесах даже семьи, имеющие ружья, не могут прокормиться круглый год только одной охотой. Тем более что успех ее непостоянен.

Они бросили нам кусок полусырого окорока, испачканный пеплом, который, видимо, заменял им соль. Я был го-

лоден. Никогда ни один ростбиф не казался мне таким вкусным. Значит, они хотели нас не съесть, а накормить. В остальном мы их мало интересовали. Видимо, у них уже был опыт общения с вооруженными людьми. Но почему они не воспользовались отобранным у нас оружием? Я хотел им это посоветовать, я знаю толк в охоте и с удовольствием поговорил бы с ними. Меня интересовало, как они пользуются своими копьями. Не могут же они близко подбираться к крупному зверю? Это было бы слишком опасно. Помню, одно эскимосское племя, где до сих пор не научились пользоваться луком и стрелами, вообще не верило в естественную смерть, потому что большая часть людей его племени становилась жертвой разъяренных хищников. Они привыкли иметь дело с гибелью охотника, и для ее обозначения у них существовало семнадцать различных слов. Может, именно поэтому почти все жители пещеры находятся в расцвете сил? Подумал я и о крутом склоне и о внезапных снежных буранах. Но как выжил этот старик, который сам не может даже есть? Я видел, как женщина разжевывала каждый кусок пищи и потом осторожно вкладывала ему в рот. Почему они так заботливо берегут этого дряхлого старика?

– Полиандрия, – произнес рядом со мной князь Павел, и его глаза заблестели. – Это случай более совершенный, чем в горной деревне. Самка заботится о старейшем с такой любовью – и ни одному из охотников не приходит в голову ревновать. Это самый чистый вид полиандрического сожительства в мире.

– Слышите? – спросила Гелена странным, приглушенным голосом.

– Что? Ведь все молчат.

– А я слышу, – сказала она. – Они поют какую-то странную песню и о чем-то договариваются. – Она снова стала прислушиваться.

– Так поговори с ними, – посоветовал я. – Я не слышу ни слова.

Она подсела ближе к очагу. Молодой охотник разломил кость и угостил Гелену сырым мозгом. Так охотничьи пле-

мена выражают свою благожелательность. Потом она удалилась с ними в большую пещеру. Там все они начали танцевать. При этом старик ритмично ударял по стене скалы. Оба охотника время от времени указывали на рисунки и громко подражали крикам разных зверей. Затем стали метать легкие копья в наиболее ранимые места своих жертв. Тут-то я понял, для каких целей предназначались наскальные рисунки наших предков: для чего-то вроде тренировки. А эти дикари до сих пор ежедневно учатся убивать мамонтов, которых уже никогда не встретят. Я невольно усмехнулся. Дикари. Я оглянулся на сидевшего рядом Павла. Этот милый человек судорожно дергался под ритм ударов.

— Павел! — окликнул я его. — Ваше сиятельство!

Но тут все заглушил женский возглас. Я прекрасно узнал его: Гелена присоединилась к танцующим. Мне это было непонятно. Когда мы ездили в негритянскую деревню, ничего подобного ей и в голову не приходило. Но не бороться же мне со всеми. Я с достоинством вернулся в маленькую пещеру и уснул там на камнях, натянув пальто на голову.

Утром меня разбудил Павел. Вид у него был несчастный.

— Я говорил с женой, — сказал он.

— С кем?

— Вообрази, она отказалась от полиандрии. Живет теперь в Мадриде с одним старым тореадором и даже стряпает для него. Больше не хочет жить с несколькими мужчинами одновременно. Перешла к моноандрии. Этого я никак не мог ожидать. Теперь мне придется оставаться в Гималаях со своим смешным исследованием до самой смерти.

— Вот уж не думал, что в этой пещере есть телефонная связь. С удовольствием поговорю со своим секретарем в Лондоне: меня беспокоят мои фабрики в Манчестере.

— Но здесь нет никакого телефона...

— Да очнись ты! Значит, ты не мог говорить с женой, где бы она ни была — в Мадриде, в Порту или в Ницце. Просто тебе это приснилось.

— Но я с ней действительно говорил! — изумленно возразил Павел.

До этого ему и в голову не приходило усомниться: сон это или нет. Он и впрямь как маленький ребенок. Когда волнуется или убеждает кого-нибудь, срывается на дискант.

— Где Гелена?

Мы стали ее искать. Но охотники исчезли и Гелена с ними. В большой пещере мы застали только старика, рисовавшего на стене животное, которое вчера принесли на ужин. Я заметил, что он пользуется лишь тремя красками: венецианской красной, темной и светлой охрой. А из чего он делает кисти? На нас он даже не взглянул, словно нас и не было. Мне захотелось стукнуть его. Но кто знает, может, он очень силен, несмотря на старость? Мы направились к выходу из пещеры. Я вскарабкался на каменные глыбы. Там лежало дамское зимнее пальто.

— Что эти бестии сделали с нею?

Я наклонился над пропастью. Надеюсь, она не рискнула спуститься по такой отвесной скале. Вдруг мне почудилось, что я вижу ее внизу с разбитой головой.

— Она пошла с ними на охоту, — послышалось сзади.

Я оглянулся.

— Ты сам видел? — спросил я Павла.

— Нет.

— Так откуда ты знаешь, что она пошла с ними на охоту?

— Я не знаю. Я ничего не говорил. И ничего не слышал.

Позади нас в пещере все еще стоял старик с кистью в руке, склонившийся над своим произведением.

— Понимаю. Они объясняются без слов. Как животные или насекомые.

— Ты еще ничего не понимаешь, — снова услышал я чьи-то слова.

Объяснение

Я обидел их своим сравнением. Они не животные и не насекомые. Это люди. Но они пошли не тем путем, что homo sapiens. Они не мыслят в нашем понимании, не прибегают к разуму для логического анализа, для дедукции или абстрактного счета. Это homiens sensuosi, больше всех животных развившие свои чувства: зрение, обоняние, слух и осязание. Они воспринимают мир гораздо лучше и тоньше, чем мы. Именно потому они так изумительно рисуют, могут объясняться на расстоянии посредством какого-то вида телепатии, свойственной — я верю этому — и людям, могут предвидеть погоду, спастись от моей точной винтовки и в любой момент поймать тех, кто их преследует. В здешних условиях это было для них необходимым. Они не строили жилищ, не приручали животных, имели лишь самые необходимые орудия, они не жили вне природы, но слились с ней, были ее частью — высшим видом плотоядных животных. Как я сожалел, что не могу наблюдать за ними во время охоты. Убежден, что, если бы кто-нибудь привел сюда леопардов, их бы уничтожили так же, как тех гигантских медведей, кости которых мы видели в пещере у очага.

Через несколько дней мной овладела странная апатия. Павел назвал это состояние счастьем. Мне чудилось, что все проблемы моей жизни уже разрешены, что я навсегда стал членом здешнего племени, которому буду помогать, не знаю уж каким образом, был счастлив, когда Гелена принесла свою первую добычу, и мне казалось совершенно ненужным заботиться о моих предприятиях в Англии, об имуществе и имениях, друзьях и родственниках. Я смотрел отсюда на жизнь в буквальном смысле слова с птичьего полета. С одной стороны, потому, что логово этих снежных людей находилось так высоко, а с другой — потому, что чувствовал покой и удовлетворенность, словно от опиума, который я как-то попробовал в Гонконге еще до войны. Павел переживал то же самое. Мы могли целыми днями си-

деть и мечтать или наблюдать, как работает старик, любоваться его рисунками или творениями его далеких предков, по-видимому, расписавших эту пещеру еще в эпоху мамонтов.

Но только я понимал, как это опасно. В Гонконге я все же ушел из опиумокурильни, хотя прислуживавшая мне китаянка была очаровательнейшим созданием в мире и ей еще не исполнилось тринадцати лет. Ушел, разбив ее трубку. Я понимал, что то же самое надо сделать здесь: ведь апатия, которую Павел называл счастьем, могла возникнуть под воздействием разреженного высокогорного воздуха, бедного кислородом и действующего как наркотик. Я не верю, что наркотики могут дать человеку счастье. Я верю в мысль, в разум. Моя семья создала в Манчестере мануфактуры еще до наступления эпохи пара. Мы ввели первые машины в наших краях. Испокон веков мы были противниками религии и поддерживали науку, потому что наука — ключ к благосостоянию нашей семьи, Англии и всего человечества. Я верю в разум, который в конце концов переделает природу, в человека, который покорит все окружающее и таким образом станет равным своей извечной выдумке — всемогущему богу. Сам станет богом. Если кто-нибудь в этом сомневается, пусть побывает в Манчестере, Руре, Силезии или Донецком бассейне. Увидев чудеса современной техники, он перестанет сомневаться в возможностях человека. Сейчас я буду модернизировать свои заводы — вводить новые технические методы. Не могу я валяться на спине в Гималаях, когда другие работают.

Но Гелена отказалась вернуться. Я заподозрил, что она влюбилась в молодого охотника, но она объяснила, что дело не в любви, а в спокойствии и удовлетворенности, которые дает ей здешняя жизнь. Здесь отдыхать гораздо лучше, чем в Африке, охотясь на бегемотов. Гелена всегда была очень чувствительна и эмоциональна, часто приходила в восторг и дома потихоньку от всех писала маленькие акварели — я как-то случайно их обнаружил. Пожалуй, даже верила в некое неземное существо, придумала себе какую-то собственную веру, вроде деизма, которую приспособила

к своему техническому образованию. И всегда ощущала себя одним из существ, сотворенных высшей силой, уважала законы природы.

— Наша цивилизация гибнет, — говорила она; руки ее были в крови только что убитого животного. — Людей охватывает массовая истерия, они верят политическим краснотам, стали непостоянными, капризными, оторвались от природы, и это их губит. Наш вид пошел по плохому пути: разум у нас слишком развился за счет всех других чувств, которые отмирают; потому мы болезненны и несчастны, потому отчаиваемся. Не можем жить полной жизнью. А нам хочется жить так же, как живут вот эти люди.

— Как эти отвратительные люди? — возмутился я. — Да у тебя разума меньше, чем у последнего здешнего туземца!

— А мне и не нужен разум. Он мне ничего не дал. Я вышла за тебя не любя, по велению рассудка, потому что хотела подняться по общественной лестнице. Я знаю, почему твой первый брак оказался неудачным. Таковы мы, люди, способные при помощи рассудка подавить даже инстинкты собственного пола...

Я не нашелся что ответить. Меня воспитывали в правилах викторианской морали, и я не могу говорить о вопросах пола так же, как о зубах. Кроме того, она страшно оскорбила меня. Так, значит, все-таки дело в охотнике. Влюбилась в обезьяну. Сошлась со зверем.

Возможно ли это? Как могла это сделать женщина, получившая образование в нашем высшем учебном заведении, с детства поступавшая разумно, женщина, умом которой я всегда восхищался? Могу ли я поверить, что настоящие, разумные люди не мы, а те, кто нас сейчас окружает, что там, внизу, в долинах живут лишь уродцы с чрезмерно развитым черепом? Возможно ли это? Нет, Гелена обманывает меня.

— Мы должны уйти отсюда, — сказал я Павлу, который с несчастным видом слушал весь наш разговор. — Мы должны уйти, и не уговаривай, все равно я не буду вместе с тобой изучать полиандрию. Я бы уж предпочел изучать убий-

ства из ревности. Думаю, что в истории человечества для этого найдется более богатый материал.

Но как расценивать ревность? Разумно ли испытывать ее? Дает ли что-нибудь это чувство? А может, оно смешно и ненужно?

— Я уезжаю в Англию, — заявил я. — У меня важные дела в Манчестере.

— А Гелена?

— Жена для меня умерла. Она предпочла дикарское существование.

— Завтра уйдешь, — произнес старик; Павел не слышал его голоса.

Меня это еще больше разозлило. Но снаружи уже подымался ветер. Мы подождали до утра. Полагаю, что и разумные люди именно потому, что они разумны, могут иногда воспользоваться иррациональными советами.

К сожалению, Павлу не помогли ни советы, ни примитивная веревка, которую нам дал старик. Сорвавшись в десяти метрах от земли, Павел ударился головой о колоссальный камень, а оттуда его моментально смыло бурным высокогорным потоком. Ни один спуск не утомил меня так, как этот, даже спуск с Грос-Глокнера. Гибель друга глубоко потрясла меня. Едва спустившись со скалы, я упал на колени и расплакался как ребенок. Ноги у меня дрожали от страшной усталости, руки были стерты до крови. А может, и лучше, что князь погиб? — Вряд ли бы он утешился после измены жены. А как я справлюсь с этим? Я вытер глаза, стал спускаться в долину и лишь на следующий день добрался до человеческого жилья. Один из наших носильщиков открыл мне дверь и испуганно вскрикнул, решив, что видит мой дух.

В Лондоне все, конечно, думали, что Гелена погибла на охоте. С удовольствием выражали мне соболезнование. В наших кругах смерть на охоте считается чем-то естественным. В этом отношении мы похожи на йети. Я подкупил всех издателей и путешественников, с помощью своего адвоката задерживал малейшие упоминания о снежных людях. Мне не хотелось привлекать к ним внимание. Я откупался от каждого, кто хотел о них писать, нанял двух бойких журналистов, которые высмеяли и заставили замолчать одного молодого норвежца, упомянувшего о снежных людях в «Международном географическом журнале». Над этим юношей смеялись все, и, хотя он путешествовал без свидетелей, несколько выдающихся специалистов готовы были присягнуть, что фигуры, которые он видел издали, были всего-навсего фигурами медведей. Когда мы с ним встретились на ужине у леди Астор, он уже сам был уверен, что повстречался с медведями.

Я хотел один на один свести счеты с этими отвратительными людьми. Начать борьбу с ними, такую же беспощадную, как между шотландскими кланами. Я пожертвовал значительную часть своего состояния на развитие беспроводной связи. Через год из своей исследовательской лаборатории я получил аппарат величиной с портфель, благодаря которому мог объясняться с владельцем такого же аппарата на расстоянии пяти километров. Аппарат был дорогой, приходилось часто менять батареи, но при этом никто не требовал, чтобы вы танцевали вокруг костра или сосредоточивались на мысли о своих любимых. Это была связь на расстоянии, созданная разумом. Я понимаю, вам покажется смешным, что я решил перещеголять этот снежный сброд, занимаясь такими мелочами. Вряд ли хватило бы всей моей жизни, если бы я стал доказывать, что победит разум, что великие идеи Ньютона и Дарвина освободили человечество, что мы покорили природу, но иначе поступить я не мог. Все средства были хороши, только бы верну-

лась Гелена. Я захвачу с собой фотографии новых машин на моих заводах, это действительно чудеса человеческой изобретательности, она наверняка их оценит. Докажу ей... Да, друг мой, вы не ошиблись, я не мог думать ни о чем, кроме ее возвращения. Хотел доказать ей, что разум восторжествует, и воображал, что таким образом верну Гелену, а молодой охотник опротивеет ей, как шелудивый пес. Я готовился к новой экспедиции на Гималаи. А пока что, разумеется, пытался забыть. Приходили знакомые, утешали меня. Я просадил много денег, играя в азартные игры, выбрасывал большие суммы на различных медиумов, за которыми следил во время спиритических сеансов, я разбивал сердца женам своих служащих; однако, лаская их, думал о Гелене; слушая бессмысленные выкрики спиритов, надеялся – а вдруг появится она, говорил со своими знакомыми только о ней. Все видели, как я страдаю, мои друзья и близкие перестали осуждать ее и упрекать меня в мезальянсе. За год я потерял в весе десять фунтов. И в мае телеграфировал в Катманду, что вылетаю. Мой уполномоченный всю зиму занимался там подготовкой великолепной экспедиции, никто никогда еще не тратил на это столько денег. Официально я готовился к восхождению на Нанга-Парбат, но на самом деле в моей экспедиции участвовали опытейшие охотники, привыкшие брать хищников живьем. В своих несбыточных мечтах я представлял себе, что, если моя жена откажется вернуться добровольно, я привезу ее в лондонский зоологический сад под видом самки йети, посажу обоих в клетку, буду демонстрировать их в качестве пары снежных людей и ежедневно посылать туда экскурсии заключенных из исправительных заведений Сохо.

Но, прибыв со своей экспедицией на нашу бывшую базу, мы не нашли и следа горной деревни. Нам рассказали, что люди переселились отсюда в долину, потому что в последнее время их начали тревожить йети. Они якобы не убегали от людей, как раньше, а похищали их. Несколько человек исчезло в горах, остальные в панике бежали. Это было первым затруднением, пришлось вернуться за носильщиками. Между тем погода ухудшилась. Начались метели, ка-

ких здесь никто не помнил в это время года. Ударили запоздалые морозы, во многих местах с гор срывались лавины. Мы продвигались с величайшим трудом. А когда погода улучшилась, оказалось, что перевал, на котором мы когда-то обнаружили следы снежных людей, совершенно замело снегом. Он исчез, и никто не мог найти дорогу через него. Казалось, придется обходить весь горный массив, а это задержало бы нас месяца на два, не меньше.

Но я не сдавался. Заказал в Дели небольшие одномоторные самолеты. Ни дня не хотел терять. Перевезу всю экспедицию по воздуху. При этом мы сможем обозреть владения противников. Стоило это очень дорого, но я был богат. Я так упорно собирал все сведения о снежных людях, отдавался этой экспедиции с такой страстью, что мои сорудники, кажется, начали сомневаться – нормален ли я.

Однажды в лагере появился буддийский монах и пригласил меня в находившийся неподалеку монастырь, где я мог бы отдохнуть и побеседовать с мудрейшим из аскетов. Но все это меня не заинтересовало, так как монах отрицал существование йети, уверял, что они – лишь плод воображения напуганных горцев. Мол, он сам уже давно ходит по горам в этих краях и до сих пор ничего подобного не видел. Я выгнал его. Он слепой, глупец или обманщик. Ничто не помешает мне выполнить задуманное. По крайней мере, так мне казалось.

Но самолеты не прибыли. Вместо них я получил молнию из Дели, в которой сообщалось, что лондонские банки не оплачивают мои чеки. Я спешно вернулся в Катманду. Как назло, в этот день, наконец, установилась прекрасная погода. Но меня это уже не интересовало. Я не представлял себе, как изменилась обстановка на бирже. Вы, вероятно, помните этот крах. Люди стрелялись, бросались из окна, вчерашние миллионеры торговали на улицах яблоками. Внезапно я выяснил, что моя вера в силу разума обманула меня, что мои заводы принадлежат мне не более, чем Трафальгарская площадь. Всю жизнь я верил в абсурд. Люди слишком несовершенны и только притворяются разумными существами. Это опасные, капризные обезьяны, захва-

тившие господствующее место в мире лишь благодаря своей дерзости. И мне стало казаться, что йети гораздо умнее. На нашу цивилизацию обрушиваются катастрофы и ураганы страшнее того, который я пережил в Гималаях. Но как я был самонадеян! Готовился привезти Гелену в цепях! Я показался себе мальчишкой, который хвастал своим автомобилем и вдруг обнаружил, что это лишь игрушка. Меня обманули. Я разорился.

У меня остался только старый родовой замок и немного пахотной земли. Мой адвокат со своей семьей отравился газом — перед самым кризисом он без моего ведома вложил весь мой наличный капитал в бумаги, которые совершенно обесценились. Я ждал, не найдется ли покупатель, который заинтересуется землей. Мне пришлось расстаться с обстановкой замка, чтобы расплатиться со слугами. Каждое первое число они получали что-нибудь из антикварной мебели или старой одежды. Но слуги были мне преданы, в то время ни один из них не покинул меня. И я не обошел их в своем завещании. Я решил умереть в самой старой части своего замка, под портретом деда, участника англо-бурской войны, который застрелился на этом месте, потому что во время смотра забыл приветствовать королеву. Глубокой ночью я вычистил свой пистолет, дважды спасший мне жизнь в Африке. Пусть теперь он спасет мою честь. Я не могу жить нищим. Лорды Эсдейлы всегда были богаты. Я медленно вдвигал обойму в магазин. Патроны были совсем новые, слегка смазанные. Дуло пистолета приятно холодило. «Как Павел...» — подумал я вдруг. Ведь тогда, спускаясь с горы, Павел не сорвался, а нарочно бросился вниз головой. Он не мог жить без своей жены. Сон его оказался вещим: она и вправду влюбилась в мадридского тореадора. Вот теперь и я встречаюсь с Павлом.

— Сантьяго дель Маре, — вдруг прозвучало рядом. Была поздняя ночь, и в этой части замка всегда было пусто. Крыша здесь протекает, окна плохо закрываются, слуги не решаются сюда ходить — боятся тени моего деда, умершего здесь. — Сантьяго дель Маре, — прозвучало снова над самым ухом, словно из дула пистолета. Это был хорошо зна-

комый мне женский голос, голос Гелены. — Сантильяне дель Маре, — в третий раз произнесла она, и мне почудилось, что она уходит. Значит, все-таки вспомнила обо мне. Без радиоаппаратов и телевизора следит со своих гор за моей судьбой. Я, глупец, хотел охотиться за нею, мстить ей, а на самом деле она меня любит. И, быть может, избрала единственно правильный образ жизни в этом мире лицемерия и половинчатого разума. Я бросился в библиотеку, находившуюся в противоположном крыле замка, и по пути напугал старую служанку, подумавшую, что я гонюсь за вормом. Я поспешно спрятал пистолет.

Сантильяне дель Маре — местечко в Испании, в провинции Сантандер. На следующее же утро я позвонил своему кузену в Министерство иностранных дел.

Счастье

— Сантильяне дель Маре? Знаю, конечно, неподалеку отсюда находится знаменитая альтамирская пещера. Но проехать туда невозможно.

— Почему?

— Да ты что, газет не читаешь? Какой-то генерал Лиро начал в Испании гражданскую войну.

Мой кузен не запоминал иностранные имена и порой даже путал их с названиями валюты.

Я занял денег на дорогу и выехал в тот же день. Гелена, несомненно, знала, зачем звала меня туда. Меня водили по пещерам, я был там единственным туристом. Аббат Нейль и профессор Унтермайер, которым мир обязан исследованием тамошних пещер и многочисленными трудами о доисторическом человеке, как раз собирались уезжать. Они настойчиво предостерегали меня об опасности, говорили, что в Сантандере сильное анархистское движение, фашистам, мол, придется туго, дело дойдет до кровопролития, и оставаться здесь не стоит. Но меня не интересовала гражданская война. Я нанял местных проводников, и они пове-

ли меня по альтамирской пещере, довольные, что нашли работу во время мертвого сезона. Показывали мне достопримечательности, на которых обычно не останавливались: рисунки на стенах низких подземных ходов. К ним надо добираться на четвереньках.

— Аббат Нейль утверждает, что доисторические люди считали бизона даром небес, думали, что он рождается в глубине скал, и потому вызывали его этими изображениями в переходах, лежащих глубоко в горе.

— Ерунда, — сказал я. — Жаль, что ваш аббат уехал. Я объяснил бы ему, что доисторическим людям надо было тренироваться, чтобы с близкого расстояния убить бизона своим коротким копьём. В этих переходах они приучались подпускать бизона на несколько шагов и лишь потом вспарывали ему брюхо копьём с кремневым наконечником. Посмотрите сами, — я отметил длинную черту на огромном брюхе животного. В местных пещерах художники пользовались светло-фиолетовой краской, какой я не встречал в Гималаях.

— И вправду, — изумился проводник.

С тех пор за мной установилась репутация крупного специалиста, который может объяснить, почему некоторые изображения так сильно повреждены. Никого больше не удивляло, что я брожу по местности, разыскиваю новые пещеры и лазы. Ведь для чего-то Гелена послала меня сюда. Не собиралась же она встретиться со мной в альтамирской пещере? Это было бы равносильно свиданию на многолюдной площади. К тому же она назвала не Альтамир, а Сантьяне дель Маре. Я исследовал местность целую неделю. И наконец обнаружил нужную пещеру. Указали мне ее дети; они ходили туда играть. Она начиналась неподалеку от каменоломни. Я стал осторожно спускаться. Дети не решились забираться дальше нагромождения камней у подступа к пещере, поэтому вход остался нетронутым. Я сразу понял: это нечто вроде передней, подобной входу в гималайский лабиринт. Идти надо было осторожно, хотя на этот раз я запасся альпинистским снаряжением и мощным фонарем. Но я был один. Сломать ногу здесь, под землей,

было равносильно верной смерти, так как о моем походе не знали даже дети, указавшие мне пещеру. Да и отправился я туда поздно вечером. Не хотел привлекать внимание к своим поискам. Ведь моя экспедиция могла закончиться позорным провалом, а голос Гелены, быть может, я слышал потому, что перед смертью нам всегда мерещатся голоса наших близких.

В конце концов я был вознагражден. Правда, мне пришлось переправиться вброд через подземную речку, ползти на животе и обходить спящих летучих мышей. Но вот я очутился в сводчатом пространстве, погруженном в подземный сумрак и напоминавшем готический храм. Изображения на стенах были еще прекрасней и совершенней, чем в Альтамаре. Но ничто не напоминало ни о Гелене, ни о ее таинственном зове. Я решил закусить.

– Хорошо уже то, что ты пришел, – послышался женский шепот.

Вглядевшись, я обнаружил вторую, меньшую пещеру, а в ней худого, высохшего старца, настоящий скелет, обтянутый грубой, толстой кожей с облезшей шерстью. Он едва дышал. Я хотел накормить его.

– Я только что съел олений окорок, я сыт, – сказал старец.

Я стал смотреть по сторонам. На стенах были изображения кроликов, диких уток, а также кошек, собак, крыс. Неужели здешние йети так низко пали, что едят крыс?

– Ты можешь получить все, что пожелаешь. Но надо понастоящему желать... – послышалось снова.

Я посмотрел на этот живой труп, все еще сжимавший в руках кисть. Поодаль стояли сосуды с красками. Был ли он действительно счастлив? Как сохранился его род в течение целых тысячелетий, никем не замеченный, в стороне от всей нашей жизни? Это была, вероятно, какая-то особенно упрямая семья, если она не переселилась вслед за отступавшими ледниками. Может, какие-нибудь жрецы, хранители местных храмов, кто знает. Надо сказать, что изображения жрецов на их рисунках никогда не встречаются.

– Не уходи, – снова услышал я голос Гелены.

Не стану же я ждать здесь, под землей, пока этот человек умрет.

— Останься, ты должен познать истинное счастье...

Это было смешно, но в глубине души я надеялся встретить ее здесь, думал, что она придет сюда или при помощи какого-нибудь медиума сообщит мне, где ее обиталище в горах, как к ней добраться. Не люблю оккультные фокусы и не намерен в них участвовать. Я принялся собирать свое снаряжение. Завтра приведу сюда местных археологов: авось еще удастся спасти этого старика. Это был действительно уникам.

Уходя, я споткнулся о его одежду. Какая одежда может быть у йети? Ее я у них никогда не видел. И все-таки здесь лежала одежда начала столетия, даже шляпа была продырявлена пулей. Уж не принадлежит ли этот старик к нашему, человеческому виду? Быть может, это какой-нибудь сумасшедший, нарочно забравшийся сюда, в горы, и продолжающий дело доисторических художников? Зачем он это делает? По каким соображениям?

Но через неделю я уже держал в руках его кисть и пробовал провести первые линии на стене. Мне не объяснить вам, зачем я это делал. Это чувство надо испытать. В первую ночь я остался там, потому что совершенно обессилел и хотел спать. Мне приснился удивительно реальный сон, будто я вернулся на лоно природы, будто бегаю с Геленой по странной долине меж ледников и пью сырую кровь диких зверей. Мне мерещилось, что мы любим друг друга, счастливы, что все это не сон, а реальная действительность.

Мною снова овладело безразличие, которое я уже не называл апатией. Его не нарушали никакие воспоминания. Я жестоко обманулся, поверив, что можно достигнуть счастья рациональным путем. Мне было безразлично все, что творится наверху, под солнцем, не страшили голод и холод, безразличны стали родственники, человечество, Англия, весь мир. Мои машины казались мне теперь смешными. Важно было только совершенство рисунков на стене, только их создание казалось мне достойным человека. Я был

спокоен. Был счастлив. И наконец, понял, почему те, кто встречает снежных людей, никогда не возвращаются. Я уже не хотел возвращаться.

Перестрелка

Спустя несколько дней мои мечтания нарушили странные, ритмичные сотрясения почвы, какие не могла вызвать какая-либо нерациональная сила. Это был гул орудий, а к вечеру стала доноситься и ружейная стрельба. Итак, фронт приблизился к нашим пещерам. Тогда я, конечно, не знал, что фашисты подвезли тяжелую артиллерию и готовились обстрелять Сантильяне дель Маре. Защитники города хотели обойти их и атаковать, пройдя подземным ходом. Оказалось, что все проводники – анархисты и прекрасно знают окрестности. Один особенно горячий парень решил пробраться в тыл фашистов через мою пещеру, где он в детстве играл. Фашисты узнали о планах республиканцев, послали сюда свой авангард, и им пришлось вести бой под землей. Главные силы обеих сторон встретились в большой пещере, так очаровавшей меня фиолетовыми красками. Перестрелка продолжалась около пяти часов. Обе стороны понесли большие потери, потому что стреляли в темноте, гранаты швыряли вслепую, и сражавшиеся пострадали от обломков дробившейся скалы больше, чем от выстрелов. Многих засыпало. Среди них и моего старика, который все не хотел умирать. Его придавила огромная глыба, украшенная его собственными рисунками. Я наблюдал бой из небольшого углубления в скале, лежа на животе и вспоминая сцену, разыгравшуюся некогда в Гималаях, охотничий танец снежных людей, странные ритмичные удары старика по стене, нисколько не напоминавшие лай пулеметов, радостный возглас Гелены – клич свободы, столь не походивший на стоны раненых и умирающих под землей.

В конце концов фашистов вытеснили. Им пришлось отступить, потому что республиканцы по другому ходу про-

никли в тыл марокканских батарей и перебили там всю прислугу. Атака на Сантильяне дель Маре была отражена. Вся провинция ликовала.

Вместе с остальными ранеными меня отнесли в военный госпиталь. Думали, что я английский поэт, который, как гласила молва, сражается в одних рядах с анархистами. Моего старика они похоронили со своими убитыми. Обращались со мной вежливо, даже после того, как я им представился. Лечили меня в анархистских казармах и потому называли просто господин Эсдейл, но в остальном относились ко мне внимательно... Я слышал, что впоследствии весь этот отряд погиб под Барселоной. Это были мужественные люди, и я с удовольствием вспоминаю о них. Но, конечно, они не подозревали, что все попытки добиться чего-нибудь разумным путем тщетны. Я не понимал ни сущности их борьбы, ни задач испанской республики. Но одно было мне ясно. Разумные люди доказывают здесь свою правоту странными средствами — оружием. Фронт не место для поисков доисторического счастья. Мне пришлось вернуться в Лондон. Своему кузену я доставил много хлопот, так как сообщение с Англией было уже прервано, и он вынужден был послать за мной специальный самолет.

К счастью, через несколько дней ко мне пришел торговец и предложил искусно изготовленные вами статуэтки, заявив, что это вторая вьестоницкая Венера, марквартцкий бизон и микуловский носорог. Я сразу понял, что это подделка, но для меня было ясно, что в Моравии, по-видимому, возможны такие же бесценные находки, как в Испании, и здесь, в относительно спокойной обстановке, мы сможем спуститься под землю и раскрыть тайны, которые пещеры до сих пор никому не выдавали.

Четвертая экспедиция

— Я женат, — сказал я лорду, — хочу иметь детей. А чужих ребят учу уму-разуму. Я учитель, господин Эсдейл, и вы вряд ли могли бы найти кого-нибудь менее подходящего для отрицания разума. Я привык спорить со здешним священником. Верю, что мы живем в великое время, скоро у нас будет изобилие товаров для всех, люди полетят в космос, научатся гораздо лучше использовать землю и будут счастливы, но только потому, что доверяют своему разуму.

— Не будут они счастливы.

— Счастье у них будет не таким, как у доисторических охотников. Они не будут пить свежую кровь.

— Они не будут любить.

— Любить будут, но по-иному. Нет, господин Эсдейл, я сторонник нашей цивилизации. Она мне нравится. И я ни в коем случае не променяю ее на медленную смерть в пещере, даже если бы ее стены были расписаны Рембрандтом.

— Значит, вам нравится существующее общество?

— У меня никогда не было фабрик, и я не играл на бирже. всю жизнь был беден.

— Но это вам не поможет, когда и до ваших мест докатится канонада, раздавшаяся в Сантильяне дель Маре. Я видел, как в Вене они маршировали в коричневых рубашках и высоких сапогах. Они придут и сюда. Неужели вы станете утверждать, что они тоже продукт разума? А ведь они все же часть цивилизации, которая вам так нравится. Ваши друзья были разумнее.

— Какие?

— Те, что остались в пещерах.

— Тонда и Мирек вовсе не остались в пещерах, дорогой лорд. Оба они были страстными футболистами, играли в сборной Микулова, и я в жизни не видел, чтобы кто-нибудь из них рисовал. Они лучше меня объяснили бы вам, в чем ошибки нашей цивилизации. Не зря эти ребята работали на фабрике моего тестя. Нам не хватает разумного ведения

хозяйства, мы страдаем от недостатка, а не от избытка разума. Кризисы, фашизм и все прочие безобразия могли возникнуть потому, что люди поступают подобно вам. Отрекаются от разума, хотят на полном ходу выскочить из мчащегося автомобиля. Это самоубийство. Тонда и Мирек лучше доказали бы вам все. Они спустились в пещеры не для развлечения, их заставила бедность. Надеялись продать кому-нибудь свои находки.

— Скоро мы с ними встретимся...

— Вы пьяны, лорд!

Оскорбленный, он встал и распахнул передо мной дверь.

— Вы не способны на возвышенные чувства, приятель.

Он покачивался, стоя в дверях, и казалось, вот-вот упадет.

— Извините. Может, вы и не пьяны, но вам следовало бы заказать себе кофе.

Он выгнал меня. Впрочем, никто не стал бы для него варить кофе. Было около трех часов ночи, в гостинице все спали. Возвращаясь домой, я услышал пение первых петухов.

«Что ему, собственно, нравилось? — думал я. — Апатия или счастье? В чем суть этих понятий? Странно, почему теперь все жаждут возврата к природе? В те времена, когда я преподавал в Железном Броде, я знал нескольких спиритов. Честное слово, они рассуждали разумнее, чем этот лорд. Их рассказы выглядели более правдоподобными. Телепатию и всю эту ерунду наверняка когда-нибудь объяснят так же, как электричество, если только телепатия вообще существует. Но что она имеет общего с искусством? Мои ученики отлично могут изложить содержание стихотворения или описать картину, которую видели на выставке, и для этого им не надо проводить целые дни под землей в одиночестве и мрачных размышлениях...»

Вся деревня была погружена во мрак, только в нашем доме все еще горел свет. Жабка сидел с моей женой у стола над грудой бумаг. Они подсчитывали всю ночь, что надо купить и как лучше поместить полученные деньги.

– Сколько? – в один голос спросили они, как только я закрыл за собой дверь. – Сколько он предлагает?

– Ничего. – Я тяжело опустился на стул и отпил глоток холодного черного кофе прямо из кофейника. – Ни гроша. Догадался, что это подделка.

– Каким образом? – изумился тесть.

– А зачем же он тогда приехал? – спросила жена. Она умнее отца. – Это он мог написать в письме. Что ему здесь надо?

Я не хотел им ничего рассказывать, знал, что это за семейка, но они упорно настаивали, да и могли подумать, что я совершаю какую-то сделку втихомолку.

– Он хочет отправиться в здешние пещеры.

– Один? – ужаснулись они, так как отлично знали, насколько это опасно.

– Нет, дорогие родственнички. Хотел отправиться вместе со мной. Я говорю это в прошедшем времени, потому что категорически отверг это предложение. Свари мне крепкого горячего кофе и пойдем спать. У меня от всего уже голова пошла кругом.

– Но он, конечно, немало предложил тебе за это? – спросил тесть.

– Я не собираюсь продавать свою жизнь, папенька, так что даже не торговался.

– Трус! – как ужаленный, подскочил он. – Сколько раз я рисковал жизнью ради семьи. Спроси ее...

– Я знаю. Делали шоколад из отрубей. За это можно было самое большее сесть в тюрьму. За это у нас, к сожалению, не вешают. А меня вы посылаете в подземные пещеры. Видели вы когда-нибудь Мацоху? Такая же пещера может оказаться у нас под землей. А может, еще глубже. Если мне выбирать способ самоубийства, так лучше прыгнуть в Мацоху, там хотя бы все видно.

Жабка разволновался, показывал мне свои расчеты, говорил, как можно было бы расширить производство, как он хотел сделать меня своим заместителем, – я делал бы эскизы ко всем его рекламным плакатам, поскольку умею рисовать, – как он собирался выпускать шоколадные фигурки

вьестоницкой Венеры, какой это был бы боевик, злился, уговаривал меня, предлагал найти для лорда проводника, но я только крутил головой.

— Я этого на свою совесть брать не хочу. Пусть его сиятельство сам на этом обожжется. Хватит с меня ваших подделок.

— Моих подделок?! — обиделся тесть и даже побагровел. — Разве я вырезал этого дурацкого носорога, хотя каждый ребенок знает, что у Микулова никто никогда не видел носорогов? Будь это моя работа, никому бы ничего в голову не пришло, потому что я привык все делать как следует, добросовестно. Даже подделки. А ты халтурил. И всю жизнь свою испоганишь. Если у девчонки есть голова на плечах, она с тобой завтра же расстанется!

Он выбежал из комнаты, словно за ним гнались. Даже дверь забыл за собой закрыть.

Я люблю свою жену и особенно восхищаюсь ее ногами. У нее идеальная фигура. Но она ужасная пуританка, не знаю даже почему. В ту ночь она встретила меня поцелуями, которые меня особенно возбуждают. Никогда еще я ее так не любил...

А потом, распустив волосы, она взяла будильник и деловито спросила:

— В котором часу разбудить тебя? Когда вы выходите?

Я едва не разрыдался тут же в постели. Уже светало, из сада доносилось пение птиц, они всегда заливаются перед восходом солнца. Поклоняются ли снежные люди солнцу, как божеству, если уж они так близки к природе?

— Незачем меня будить. — Я поднялся, покачиваясь. — Уйду сейчас. — Она не удерживала меня, не отговаривала. Предложила кофе. — Не хочу, — сказал я. — Ничего не хочу. Думаю, что в вашей семье я единственный...

Я вспомнил рассказ лорда о его жене. О том, как она по велению рассудка подавила свои чувства. Сейчас я испытывал то же, что и он. Моя жена вела себя, как девка. Знала, что этот способ лучше подействует, чем крик ее отца. Она вела себя разумнее, чем мой тесть. Голова у нее работает.

Девка! Я кинулся в гостиницу. Разбудил недавно уснувшего лорда. Для этого мне пришлось колотить ногами в дверь.

– Пойду с вами. Сегодня же, – сказал я.

– All right! Я знал, что ты окажешься благоразумным, вернее, внеразумным, – поправился лорд. – Это будет моя четвертая экспедиция, – пробормотал он, засыпая.

Победа

Мы отправились около полудня. Я раздумывал, сказать ли хозяину гостиницы, куда мы идем, но потом сообразил, что все равно во всем крае, пожалуй, не сыщешь спасательной экспедиции, никто не отважится углубиться в пещеры. Тогда я решил хотя бы договориться с Эсдейлом о вознаграждении. Назначил свою цену. Очень высокую. Лорд только улыбался. Он готов был уплатить мне любую сумму. По видимому, его финансовые дела улучшились с тех пор, как он расплачивался со своими слугами мебелью. Или был убежден, что, найдя его пещеру, я не стану думать о вознаграждении.

– Я не намерен это обсуждать и хочу получить свое вознаграждение, даже если мы ничего не найдем.

Он пообещал мне все что угодно. Мы даже написали что-то вроде соглашения.

Я знал, о чем договариваюсь. Во время вчерашнего рассказа лорда о его путешествиях я подумал о небольшой пещере на склоне в глубине леса, куда я до сих пор не решался ходить, потому что туда надо было спускаться по веревке. Мне о ней рассказывал местный лесничий, говоривший, что там живет особый вид сов. В этой пещере лорд почувствует себя как дома. Для такого спуска он был, конечно, экипирован лучше меня. Я не мог позволить себе купить альпинистские ботинки, мне даже на лыжные никогда не хватало. И вот я спускался по веревке в обычных батевских ботинках и вспоминал судьбу князя Павла. К счастью, внизу была мягкая глина, а не громадные камни. Все казалось

мне страшно смешным. Прислуживаю какому-то эксцентричному типу, превратился в боя, как он выражается. Унижительно для меня. Какой в этом смысл? Если снежные люди, как он утверждал, переселились из Испании на Гималаи, потому что им нужен был лед, чтобы замораживать свою добычу, то как замораживали ее обитатели наших пещер? Что же у них – специальные рефрижераторные или холодильные установки? Он уверяет, что это сказочные места, которые пленяют всех, кто туда попадает, и превращают каждого пришедшего в доисторического человека. Я слышал, что среди аристократов много дегенератов. Но лорд не был похож на идиота. Лазал он замечательно. Я едва поспевал за ним. И никаких признаков вырождения он не проявлял.

В пещере было светло как днем, потому что мы принесли с собой сильные электрические фонари, чуть не в полметра величиной, а кроме того, с нами были горняцкие лампы. По всему было видно, что у лорда действительно большой опыт путешествий в подобных местах. Но ход в горе был такой узкий, что мы не могли пролезть с рюкзаками на спине, и приходилось толкать их перед собой по земле, так что, несмотря на яркое освещение, мы ничего вокруг не видели. Мы продвигались вслепую, шаг за шагом, и я каждую минуту ожидал, что ход кончится и нам придется вернуться. Но лорд Эсдейл, очутившись в своей стихии, и слышать не хотел о возвращении. Он утверждал, что это и есть настоящая пещера, он чувствует это и опять слышит какой-то голос. Я только слышал где-то справа шум подземных вод. Кончится тем, что мы здесь утонем, как крысы. На стенах не было никаких следов изображений. Даже обычные скелеты не попадались. Я ощупывал стены, пробовал исследовать боковые ходы, но, сделав несколько шагов, каждый раз убеждался, что это тупики. Эсдейл замечательно ориентировался. Одна из таких попыток отклониться в сторону оказалась для меня роковой.

Ощупывая стену, я вдруг попал рукой в пустоту, потерял равновесие и свалился. Летел несколько секунд. К счастью,

упал на ноги, но встать уже не мог: щиколотка отчаянно болела.

– Помогите! – крикнул я. – Господин Эсдейл!

Высоко надо мной мерцала его лампочка. Я и не подозревал, как глубоко свалился. У меня потемнело в глазах, и я потерял сознание.

– Ты должен думать о своем спасении, должен его действительно желать...

Мне чудился голос Эсдейла, говорящий, что я должен представить себе хозяина гостиницы со спасательной веревкой, своего директора школы в альпинистской обуви и целую экспедицию из Праги, которая, конечно, никогда не придет. Очнулся я в полном одиночестве. Вокруг сумрак. Лорд, по-видимому, бросил меня без всяких утрызений совести. А может, воображал, что со сломанной ногой я скорее достигну счастья, чем он. Но я не ощущал ничего особенного, никакой апатии, только страх, ужас перед смертью в никому не ведомой подземной пропасти. И думал только о том, каким образом оттуда выбраться.

Если я поползу обратно тем же путем, каким мы шли, я должен попасть наверх. Пальцы у меня были окровавлены. Я казался себе кротом. Но боль в щиколотке и голод подгоняли меня. Я не рассчитывал на силу собственных желаний. Спасся только благодаря своему разуму. Через несколько часов я увидел первый луч света. Выбрался наверх. Подполз на четвереньках к ближайшему зданию. Оттуда меня отвезли в больницу. На ногу мне наложили гипс, воспаление легких лечили какими-то порошками. Пролежал я долго. Если бы в той пещере я понадеялся только на самые горячие желания, меня бы сейчас уже не было в живых.

Лорд там ничего не нашел. Он появился в Вьестоницах через два дня, а оттуда уехал в Вену. Больше мы о нем не слышали. Своего вознаграждения я так и не получил. Но я был рад, что у меня хотя бы зажила нога. И окончательно разошелся с тестем. Обломок бивня мамонта (*Elephas primigenius*) по сей день украшает мою краеведческую коллекцию. Моя жена не решается против этого возражать. От

пути разума, по которому идет наша цивилизация, отклоняться нельзя. Иначе нас ждет смерть во мраке. Тонда и Мирек были правы. Я вспоминаю о них, как только у меня начинает болеть щиколотка. А это бывает часто, особенно при перемене погоды.

Вот почему я могу под присягой подтвердить, что лорд Эсдейл не погиб на Гималаях. По-видимому, он отправился туда вслед за своей женой и присоединился к снежным людям, среди которых ему уже давно место. Но сомневаюсь, что там он нашел счастье.

Андрей Дмитрук

ВОЛОСАТЫЙ ПАРЕНЬ

– А где бочка с автолом? – очень спокойно спросил Ферчайлд.

Спендлер увидел утрамбованную траву и жирные пятна автола на корнях дерева.

– Тут не обошлось без вертолета, – сказал Ферчайлд, истощив поток ругательств. – Видите, мистер Спендлер: бочку не катили. Ее подняли и понесли. Четыреста восемьдесят килограммов. Масло высшего сорта, сорок пять центов литр, чтоб ему...

– Да, вертолет, – согласился корреспондент, кривясь от ругани Ферчайлда.

– Или волосатый парень, – добавил кто-то сзади. Спендлер обернулся и увидел седого длиннолицего человека в синем комбинезоне и кепке, похожего на гнома.

– Снова людей баламутите, Мики! – рявкнул Ферчайлд, искоса поглядывая на невозмутимого старика.

– Понимаете, сэр, выдумал каких-то лесных обезьян слоновьих размеров и так напугал ими рабочих, что бедолаги боятся отойти от дороги... Что, доволен, паникер старый?

– Мой дед охотился в этих местах, – взволнованно отвечал старик, – и много раз видел лесных людей. Отец даже застрелил одного где-то у склона горного хребта...

Собралось с десятков рабочих. Старик разгорячился и заговорил вдохновенно, как пророк:

– Хозяев леса не напугать никакими бульдозерами. Зря стараетесь, мистер Ферчайлд! Мы – завоеватели их края. Они будут нам мстить!

Усы Ферчайлда затрепетали, как крылышки мотылька, и он тихо произнес:

– Идите спать, Мики.

Старик принял горделивую позу.

– Я вам не...

– Да уберите вы его к чертовой матери! – разозлился Ферчайлд. Двое рабочих взяли старика под локти. Мики сразу умолк, опустил голову и позволил рабочим себя увести. Спендлер успел перехватить его добрый, предупреждающий и немного укоризненный взгляд. Корреспондент почувствовал замешательство. Напускная беспечность Ферчайлда выгля-

дела совершенно неубедительной в сравнении с упрямой настойчивостью старика. Спендлер бросил взгляд на хмурые, сизые деревья.

Ветер пел над тайгой, шевеля кроны. С юга ползли длинные серые тучи.

– Сыновья Еноха, – внезапно вырвалось у Спендлера.

– Это вы о чем? – удивился Ферчайлд.

– Просто вспомнил святое писание. Там говорится о сыновьях Еноха, которые жили на земле Ханаанской и ростом значительно превосходили людей... Может, старик имел в виду одичавших потомков Еноха?

– Побольше слушайте этого старого идиота, мистер Спендлер. Я терплю Мики только потому, что он – отец моей жены и к тому же прекрасно знает местность... Надо же такое придумать! Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год от рождения Христова. Строится современная трасса, и вдруг какие-то «волосатые парни», духи! Тьфу! – возмущался Ферчайлд.

Прозвучал гудок. Рабочие, беззаботно отдыхавшие среди сосен, бросились к бульдозерам и циркулярным пилам. Ревущая дымная колонна во главе с громадным асфальтоукладчиком двинулась на привычный штурм.

– А бочка все-таки исчезла, – сказал вдруг Ферчайлд.

– Исчезла, – согласился Спендлер.

– И ее не катили.

– Не катили.

– Ну, я пошел, мистер Спендлер.

– Я тоже пойду. Поработаю немного.

Падая, вертолет загремел так, словно в тайгу скинули с неба десятиэтажный дом, наполненный листовым железом.

Из перевернутой машины, лопасти которой напоминали теперь творение скульптора-сюрреалиста, донеслись беспорядочные удары. После, высадив изнутри поврежденную дверцу кабины, на поляну вывалился Спендлер с окровавленным лицом и осколками разбитых очков, врезавшихся в нос и щеки.

Корреспондент, припадая на правую ногу, — левая была покалечена — долго тащил за собой страшную красную массу — труп пилота. Потом он бросил труп и пополз быстрее, постанывая от боли. Вскоре Спендлер выполз на край лощины. Кисло пахло прелой зеленью, грибной трухой, чьим-то необычайно густым потом... Кровь со лба Спендлера закапала на траву.

Лес падал, отплывал, нет, это сам Спендлер падал, отплывал, растекался, рас...

Корреспондент не мог припомнить всего, что случилось вслед за тем, как он выполз на край лощины и на какое-то время потерял сознание. В памяти остались только приступы острой боли в ноге, тошнотворный запах пота и — будто видение — рыжая косматая голова, голубые глаза и седые волосы на широкой груди под патриархальной бородой...

Скоро боль утихла, и настал полный покой.

Два дня спустя Ферчайлд, Мики и инженер Догерти наткнулись на разбитый вертолет и труп пилота.

— Вряд ли бедный Джерри сам прополз все это расстояние. Его волок Спендлер! — решил Ферчайлд. Глянув на Мики, он насмешливо добавил:

— Или волосатый парень!

— Не называйте его в лесу, потому что он придет, — тихо сказал Мики.

— Ну, еще чего!.. — грохнул Ферчайлд.

— Не надо, сэр, — попросил Догерти.

— Труссы! — истерически заверещал Ферчайлд, срывая с плеча карабин.

В мокром кустарнике засопело. Бах, бах, бах!

Что-то глухо застонало. Кто-то тяжелый, как носорог, бросился в чащу.

Все трое ринулись в кусты. На траве, размеренно дыша, спал Спендлер — грязный и очень бледный. Его левая шта-

нина была оторвана. На обмотанной лыком ноге — шина из толстой ветки.

На кустах краснели капли густой крови. Под корнями застыла целая лужа.

— Он хотел незаметно подкинуть нам Спендлера, — растерянно промолвил Догерти.

— Такого не видели ни отец мой, ни дед... Зато теперь у вас не будут пропадать бочки с автолом, мистер Ферчайлд! — грустно заметил Мики.

Айзек Азимов

ЭВЕРЕСТ

В 1952 году готовы были уже отказаться от подъема на Эверест. Только фотографии не позволяли отказываться.

Ну, не очень хорошие фотографии: нечеткие, с полосами, но нас интересовали только темные пятна на белом фоне. Эти пятна были живыми существами. Свидетели клялись в этом.

Я сказал:

— Что за дьявол, уже сорок лет говорят о живых существах, которые встречаются на склонах Эвереста. Пора что-то с этим делать.

Джимми Роббонс (прошу прощения, Джеймс Абрам Роббонс) был одним из тех, кто убедил меня. Он помешан на альпинизме. Он все знает о тибетцах, которые не приближаются к Эвересту, потому что это гора богов. Он может перечислить на память все загадочные человекоподобные следы, даже замеченные на снегу на высоте в двадцать пять тысяч футов. Он наизусть помнит все рассказы о тощих и высоких живых существах, которые носятся по ущельям выше последнего лагеря; его со страшным трудом умудряются разбить альпинисты.

Приятно иметь такого энтузиаста в главном комитете по изучению Земли.

Последняя фотография, однако, добавила силы его словам. Вряд ли можно подумать, что на ней люди.

Джимми сказал:

— Послушайте, босс, дело не в том, что они здесь, а в том, что они так быстро двигаются. Посмотрите на эту фигуру. Она размазана.

— Могла повернуться камера.

— Тут крутой утес. И люди клянутся, что эта штука быстро двигалась. Каким должен быть метаболизм, чтобы бежать при таком количестве кислорода? Послушайте, босс, поверили бы вы в глубоководных рыб, если бы не видели их сами? Рыбы ищут новые ниши в окружающей среде, которые смогут заселить, и уходят все глубже и глубже и однажды обнаруживают, что не могут вернуться. Они так сильно адаптировались, что могут жить только под многотонным давлением.

— Ну...

— Черт побери, неужели вы не можете применить это и здесь? Какие-то существа вынуждены подниматься в гору. Они постепенно привыкают к разреженному воздуху и низким температурам. Могут питаться мхом или редкими птицами, точно так же, как рыба постепенно отказывается от верхней фауны, медленно опускаясь вниз. И вот однажды они обнаруживают, что не могут спуститься. Я не говорю, что это люди. Могут быть серны, горные козлы, барсуки или что угодно.

Я упрямо ответил:

— Свидетели говорят, что они отдаленно напоминают людей, а следы, несомненно, подобны человеческим.

— Или птичьим, — сказал Джимми. — Невозможно решить.

Вот тогда я и сказал:

— Пора что-то с этим делать.

Джимми пожал плечами и ответил:

— Уже сорок лет пытаются подняться на Эверест. — И покачал головой.

— Ради Бога, — сказал я. — Все вы, альпинисты, свихнувшиеся. Вас не интересует вершина. Вам нужно подняться на нее определенным путем. Пора перестать дурачиться с пиками, лагерями, веревками и прочими принадлежностями Джентльменского клуба, который каждые пять лет посылает в горы новых сосунков.

— К чему вы ведете?

— Самолет изобрели в 1903 году, знаешь ли.

— Пролететь над Эверестом! — Он сказал это так, как английский лорд говорит «Охотиться на лису!», а рыболов: «Насадить червяка!»

— Да, — ответил я, — пролететь над Эверестом и опустить кого-нибудь на вершину. Почему бы и нет?

— Он там долго не проживет. Тот парень, который спустится, я хочу сказать.

— А почему бы и нет? — снова спросил я. — Можно сбросить припасы и кислородные баки, а парень будет в космическом костюме. Естественно.

Потребовалось время, чтобы договориться с Воздушным Флотом, а к этому времени Джимми Роббонс настолько свихнулся, что решил добровольно отправиться на вершину Эвереста.

— В конце концов, — почти шепотом сказал он, — я буду первым человеком, вступившим на нее.

Это начало рассказа. Сам же рассказ гораздо проще и требует всего нескольких слов.

Самолет прождал две недели лучшего времени года (для Эвереста, разумеется), пока не дождался относительно легкой погоды, и вылетел. Получилось. Пилот сообщил по радио, как выглядит с высоты вершина Эвереста, а потом описал, как выглядел Джимми Роббонс, когда его парашют становился все меньше и меньше.

Потом снова началась буря, и самолет с трудом вернулся на базу. Потребовалось ждать еще две недели, пока установится погода.

И все это время Джимми провел в одиночестве на крыше мира, а я презирал себя как убийцу.

Две недели спустя самолет отправился на поиски его тела. Не знаю, зачем это, но таков человек. Сколько погибло в последней войне? Кто может сосчитать? Но деньги не считают, когда нужно спасти одного или даже просто вернуть его тело.

Тело не нашли, но увидели дымовой сигнал; он поднимался вверх, и его уносил ветер. Спустили кошку и подняли Джимми, по-прежнему в космическом скафандре. Выглядел он как из ада, но, несомненно, был жив.

Постскрипtum к этому рассказу связан с моим посещением больницы на прошлой неделе. Джимми поправляется очень медленно. Доктора говорят шок, они говорят истощение, но глаза Джимми говорят гораздо больше.

Я сказал:

– Джимми, ты не стал говорить с репортерами, отказался говорить с правительством, но со мной ты можешь поговорить?

– Мне нечего сказать, – прошептал он.

– Конечно, есть, – возразил я. – Ты две недели в бурю прожил на вершине Эвереста. Ты не мог этого сделать, у тебя не хватило бы припасов. Кто тебе помог, Джимми, мальчик?

Вероятно, он знал, что меня обмануть не сможет. Или ему хотелось с кем-то поделиться.

Он сказал:

– Они разумны, босс. Сжимали для меня воздух. Установили небольшой блок питания, чтобы у меня было тепло. Устроили дымовой сигнал, когда заметили возвращающийся самолет.

– Понятно. – Я не хотел торопить его. – Мы так и думали. Они приспособились к жизни на Эвересте. И не могут спуститься вниз.

– Не могут. А мы не можем подняться. Даже если погода будет благоприятная, они нас остановят.

– Но они, похоже, не злые существа. Зачем им нам мешать? Тебе ведь они помогли.

– У них нет ничего против нас. Они разговаривали со мной. Телепатия.

Я нахмурился.

– Ну, тогда...

– Но они не хотят общаться с нами. Они за нами наблюдают, босс. Вынуждены. У нас есть атомная энергия. Вот-вот появятся космические корабли. Они обеспокоены. И Эверест единственное место, на котором они могут жить.

Я нахмурился сильнее. Он вспотел, и руки его дрожали.

Я сказал:

– Спокойней, парень. Спокойней. Кто эти существа?

И он ответил:

– А кто же может на всей Земле жить только в разреженном воздухе и холоде Эвереста? В этом-то все дело. Они не с Земли. Они марсиане.

Вот и все.

Боб Шоу

НЕВЕРОЯТНЫЙ ДУБЛИКАТ

Кобурн глядел на свою приятельницу с растущим чувством ужаса. Он, конечно, слышал, что бес порой вселяется в совершенно нормальных женщин, но всегда считал, что Эрика искушениям неподвластна.

– Раньше ты не говорила, что нам следует пожениться, – пролепетал он. – Кроме того, ты же зоолог.

– Значит, у меня блохи? Или бруцеллез? – Эрика выпрямилась во весь рост, уставившись зелеными глазами в лоб Кобурну. В этот момент ее мускулистое скандинавское тело было прекрасно как никогда, но Кобурну Эрика показала коброй, угрожающе раздувшей капюшон.

– Нет, нет, – поторопился сказать он. – Я только имел в виду, что человек твоей профессии должен знать, насколько неестественно моногамное состояние для...

– Для животных... Ах, вот кем ты меня считаешь!

– Ну, ты, бесспорно, не минерал и не растение, – Кобурн отчаянно силился улыбнуться. – Это шутка, дорогая.

– Я так и поняла, глупыш, – Эрика, неожиданно смягчившись, придвинулась к нему. Кобурна буквально захлестнули ощущения: теплота, золотая канитель волос, запах духов, а также округлости и выпуклости, способные довести до амнезии. – Но признайся: ты ведь не прочь стать мужем такого здорового животного, как я?

– Ну, конечно, мне... – сообразив, к чему клонится дело, Кобурн умолк.

– Проблема в том, что я просто не могу на тебе жениться.

– Это почему же?

– Ну, видишь ли... – его разум заметался в поисках спасительной отговорки, – в общем, я, э-э-э... поступил на службу в Космическую Торговую Эскадру.

Эрика невольно отпрянула:

– Чтобы от меня сбежать!

– Нет. – Кобурн широко распахнул глаза, надеясь, что так больше будет похож на фанатика-звездопроходца. – Это высшая тяга, дорогая. Ничего не могу с ней поделать. Неизведанные дали зовут меня к себе. Моим ногам не терпится ступить на пыльные тропы чужих звезд.

– Планет, – язвительно поправила Эрика.

— Ну да, я и хотел сказать «планет».

— Тогда я тоже уеду. — Ее глаза наполнились слезами. — Чтобы забыть о тебе.

Природа наделила Кобурна добрым сердцем, и ему было неприятно видеть Эрику расстроенной. Но он утешался мыслью, что счастливо избежал супружеских уз, которые, как известно любому гражданину двадцать первого века, являются тягомотным анахронизмом.

Тем сильнее было его удивление, когда он обнаружил — спустя три дня после отъезда Эрики с экспедицией в какую-то немыслимую дыру — что жизнь утратила для него интерес. Все удовольствия, которые так влекли его, пока Эрика толковала о свадьбе, не заслуживали теперь даже названия удовольствий.

В конце концов, придя к выводу, что невзгоды достигли апогея и хуже все равно не будет, Кобурн принял то единственное решение, которое подсказывала логика.

Он поступил на службу в Космическую Торговую Эскадру.

Спустя некоторое время судьба дала понять Кобурну, что вывод «хуже не будет» был слишком поспешным. Это внезапное озарение настигло его на четвертом месяце службы.

Хотя Кобурн не имел ни опыта управления звездолетом, ни особых способностей к этому, он успешно справился с двухнедельным начальным курсом — благодаря Универсальному Пульту Управления, этому практически идентичному элементу всех транспортных средств от автомобиля и самолета до подлодки и космического корабля. Универсальный Пульт позволял пилоту сосредотачиваться не на процессе передвижения, а на его цели.

Мысли Кобурна как раз и были заняты доставкой груза флюоресцирующих мехов из одной захолустной планетной системы в другую, когда в его затылок вдавилось что-то холодное и металлическое. Удивленный появлением «зайца» на борту своего одноместного корабля, Кобурн издал тихий возглас, который тут же перешел в панический вопль — Кобурн сообразил, что предмет, приставленный к его затылку, мог быть только пистолетом.

— Это пистолет, — подтвердил хриплый голос. — Будешь делать, что я тебе скажу, — останешься цел.

— Э-э-э... я хочу домой. Это вам подходит?

— Нет, не подходит, — незванный гость, выйдя из-за кресла пилота, встал перед Кобурном. Это был крепко сбитый мужчина лет сорока, с бритой головой.

Его череп и лицо покрывала рыжеватая щетина.

Кобурн понимающе кивнул головой:

— Если бы вы хотели попасть на нашу базу, то прятались бы до конца рейса?

— Вот именно.

— Следовательно, вы хотите, чтобы я совершил посадку где-то еще.

— Опять в точку, сынок. А теперь двигай ко второй планете Тонера, — рыжий постучал пальцем по яркому мерцающему огоньку у самого края экрана переднего обзора.

— Не может быть! Вы уверены, что вам надо именно туда? Эта планета необитаема.

— Потому-то мне туда и надо, сынок. Я Пэтси Эккерт.

При звуке этого имени у Кобурна похолодело в груди. Эккерта нельзя было назвать выдающимся преступником — для этого он слишком часто попадался, — но его разыскивала полиция сотни планет. Он, по-видимому, был физически неспособен и шагу ступить, не нарушая закона. Воровство, шантаж, изнасилования и убийства были для него таким же обычным, естественным образом жизни, как работа и отдых для других.

— Я думал, что вас... — пролепетал Кобурн.

— Казнили? Да нет пока. Мне удалось смыться, но теперь, похоже, придется на пару лет залечь на дно. В таком месте, где им и в голову не придет меня искать.

Кобурн, не будучи дураком, попытался перевести беседу в другое русло, пока гость не пришел к неминуемому выводу относительно его, Кобурна, дальнейшей судьбы.

— Но вы вполне можете найти убежище получше, — он указал на кольцо экранов, опоясывающее рубку. — Вы только посмотрите на просторы Галактики. Тысячи огоньков, и каждый из них — это планета...

– Звезда, – вмешался Эккерт, с любопытством уставившись на Кобурна.

– Ну да, я и хотел сказать «звезда». И наверняка где-то в этих бескрайних, пустынных просторах...

Эккерт поднял руку с пистолетом:

– Сынок, если ты не хочешь, чтобы в твоей башке стало слегка просторнее, давай правь, куда тебе говорят, ясно?

Кобурн мрачно кивнул и начал вводить в бортовой компьютер команды, которые должны были повернуть корабль к ближайшей звезде и произвести автоматическую посадку на ее второй планете. Само собой, Эккерт, сойдя с корабля, не позволит ему продолжать путь, и лучшее, на что мог надеяться Кобурн, – это жизнь «робинзона» на неисследованной планете. Единственной альтернативой была скоропостижная смерть после посадки. Кобурн в скорбном молчании следил за тем, как корабль совершает один подпространственный скачок за другим. Искомая планета на экране то расплывалась кляксой, то вновь появлялась, с каждым скачком становясь все больше. Наконец, выросшая до размеров блюдца вторая планета повисла над кораблем. То был ватно-белый шар, одетый сплошной облачной пеленой.

– Посадочных маяков тут нет, так что рассчитать прямой скачок не удастся, – сказал Кобурн. – Придется садиться линейно – через нормальное пространство.

– Не бойся – я к этой планете давно приглядываюсь. Под тучами сплошная травянистая равнина.

Пока Кобурн проверял точность его слов с помощью дальнего действующего радара, Эккерт снова встал у него за спиной и вдавил дуло пистолета во впадину у основания его черепа.

В тоске и отчаянии Кобурн предался думам об Эрике, о том, что жил бы сейчас беспечно и счастливо с молодой женой, когда б черт не дернул его покинуть теплую и безопасную Землю. «Вот оно, – сказал он себе, когда корабль нырнул в клубящуюся мглу атмосферы Тонера-2. – Это и есть апогей моих невзгод. Хуже просто быть не может».

И вновь оказался неправ.

Когда после скольжения корабль преодолел последний, нижний слой облачности, Кобурн увидел прямо перед носом звездолета – там, где следовало бы находиться плоской равнине – массивную, странно знакомую гору со снежной шапкой на вершине.

И едва он успел вскрикнуть, как корабль врезался прямо в каменистый склон.

Придя в себя, Кобурн обнаружил, что лежит на накренившемся, но неповрежденном полу своей рубки. Эккерт, как занавеска, свешивался с приборного щита. Вид у него был озадаченный и сокрушенный. Электронные датчики хором тревожно зывали к пилоту, но это обрадовало, а не испугало Кобурна. Ему казалось чудом, что после такой аварии хоть что-то подает признаки жизни. Слабо мотнув головой, он задумался о невероятности всего происшедшего. Но тут Эккерт, нажав пистолет, вновь навел его на Кобурна.

– Как ты это провернул? – прорычал он.

– Что «это»?

– Как ты подогнал скачки, чтобы мы сели на Земле?

– С чего вы взяли?

– Не придуривайся, сынок. Знаешь, во что мы чуть не врезались? В Эверест!

Кобурна мутило, он был напуган и разозлен – и вдруг ощутил, что плевать хотел на пистолет рыжего:

– Пойми своей дурьей башкой, что если б я придумал такую технику скачков, то был бы миллиардером, а не... – у Кобурна перехватило горло: в его голову забрела странная мысль. Чудовищное нагромождение скал, мельком увиденное им перед столкновением, действительно походило на Эверест. С трудом поднявшись на ноги, он взглянул на экран, но все панели обзора после аварии погрузились во тьму. В его мозгу зашевелилась одна мысль.

– И вот что я вам еще скажу, мистер: мы не то что «чуть не врезались» в эту гору – мы просто въехали в ее склон! От нас не должно было и мокрого места остаться.

Эккерт, набрав в грудь воздуха, зловеще нахмурился:

– Я-то знаю, что никаких гор на Тонере-2 нет...

Раздался пронзительный звонок – приборы оповещали, что смертоносное радиоактивное топливо льется сквозь поврежденные переборки в жилую часть корабля.

– Потом разберемся, – рассудил Кобурн. – Надо смыться.

Он взломал аварийную дверцу, из которой открылся вид на крутые белые склоны, и прыгнул с порога в снежный сугроб. Секундой позже ему на голову плюхнулся Эккерт. Они сели на корточки, вдыхая холодный, пахнущий смолой воздух и оглядываясь по сторонам. Звездолет покоился в длинной, мелкой ложбине, окруженный образовавшимися при падении снежными валами. Позади к свинцовому небу вздымались застывшие каменные громады. Кобурну снова пришел на ум Эверест – и это было не менее странно, чем тот факт, что он еще жив..

– Эта фигня теплая, – воскликнул Эккерт, зачерпнув пригоршню белых хлопьев. – На нормальный снег не похоже.

Кобурн поднес комочек белого вещества к глазам и увидел, что пушистые хлопья больше напоминают кусочки пенопласта. Сильный запах смолы, которым, казалось, насыщенный был пропитан воздух Тонера-2, въедался в ноздри, ударял в голову.

– Лучше отойти от корабля подальше, – сказал Кобурн неуверенно. – А то вдруг взорвется.

Они побрели прочь от помятого корпуса звездолета, инстинктивно двинувшись по склону. Сильный ветер швырял в лицо струн снега и тумана, но время от времени землянам удавалось разглядеть далеко внизу что-то вроде серо-зеленой равнины.

– Похоже, это правда не Земля, – смирился Эккерт. – И все равно, чудные здесь дела творятся.

Прошел час. Они немного продвинулись вперед на своем пути к подножию горы – белое вещество под ногами, несмотря на все свое несходство с земным снегом, было таким же скользким и так же налипало комьями на обувь. Кобурн хранил скорбное молчание и, лишь отступая или падая, разжимал губы для короткого стога. Он с болью и

тоской думал об Эрике, оставшейся на Земле, за барьером во много световых лет, и гадал, доведется ли ей когда-нибудь узнать о его таинственном исчезновении. Вдруг его слуха достиг далекий крик. Ветер тут же отнес в сторону этот ничтожный обрывок звука, но по лицу Эккерта было видно, что и он слышал.

— Туда, — сказал Эккерт, указав влево от себя. — Там кто-то есть.

Они двинулись поперек склона. Через несколько минут Кобурн различил сквозь мглу лимонно-зеленое сияющее пятно. Свет явно исходил от искусственного источника. Кобурн чуть не ринулся на сияние очертя голову, но Эккерт вновь выхватил пистолет.

— Не спеши, сынок, — рявкнул он. — Мне что-то неохота совать голову в петлю.

Они подошли к невысокому бугру, над которым и парило сияние, теперь очень яркое. Ползком — так распорядился Эккерт — они добрались до вершины бугра и боязливо заглянули вниз. Не более чем в ста шагах от них из снега торчали два черных столба, разделенных расстоянием фута в четыре. Оба столба были облеплены внизу железными ящиками и опутаны проводами. Прямоугольное пространство между столбами было словно задернуто мерцающим, потрескивающим, светящимся занавесом, непроницаемым для глаза. Снег вокруг был истоптан множеством ног. Все это почему-то напомнило Кобурну дверной проем, который забыли снабдить дверью.

Спустя несколько секунд это впечатление подкрепилось неожиданным появлением двух бурых, мохнатых горилл, которые вышли из сияющего прямоугольника и, пританцовывая на снегу, принялись выдирать из своей шерсти сосульки. Из прямоугольника за их спинами вырвался неистовый снежный шквал, хотя — как успел заметить Кобурн — в этот момент на Тонере-2 было относительно безветренно, и снег не шел. По спине Кобурна поползли мурашки — он уже предчувствовал разгадку.

— Ну и уроды! — раздался шепот Эккерта. — Не знаешь, откуда они?

– В атласе Торговой Эскадры их нет, но ты сам знаешь, что Федерация Земли – лишь крошечная часть Галаккоммун. Есть тысячи цивилизаций, о которых мы ничего не знаем...

– Чем меньше о таких рожах знаешь, тем лучше, – возразил Эккерт, слегка ошарашив Кобурна своим шовинизмом, Впрочем, неудивительным в свете его антипатии ко всем устоям человеческого общества.

– Вон еще идут, – заметил Эккерт. – Слушай... эта штука случайно не передатчик материи?

Действительно, появилось еще четверо горилл. Двое несли треноги, слегка напоминающие геодезические теодолиты. Один из новоприбывших заговорил скрипучим голосом такого странного тембра, что Кобурн не сразу понял, что существо говорит на галалингве.

– ...от руководителя отдела Текущего Ремонта, – продолжала горилла. – Он сообщил, что небольшое судно земного типа неожиданно вошло в атмосферу планеты менее чем два часа тому назад. Поскольку абсорбированные поля скрыли наше сооружение от его радаров, оно врезалось в северный склон в самой середине Великого Ущелья, частично разрушило новую отопительно-охладительную систему и выскочило на поверхность на южном склоне, несколько выше ледника Кхумбу.

Другая горилла восторженно запрыгала:

– Насквозь пролетело! Значит, оно где-то здесь.

– Вот почему мы отозвали с Земли все геодезические партии. Вы должны присоединиться к поискам. Все строительные работы приостанавливаются, пока мы не удостоверимся, что команда мертва.

– Их, что, надо убить?

– При необходимости. Затем потребуется найти корабль и удалить его из системы Тонера, пока его радиомаяк не запеленговали спасатели.

Вторая горилла от огорчения перестала подпрыгивать.

– И стоит так возиться с каким-то примитивным кораблем!

– Стоит. Ты только вообрази, что с нами сделает Комитет, если распространятся слухи об Эвересте-2! Двести лет труда на ветер!

Эккерт больно стиснул плечо Кобурна:

– Слышал, что он сказал? Он толковал про вызов геодезистов с Земли – с Земли, понял? А те уроды, что вышли из зеленого света, несли геодезические приборы! По-моему, это передатчики материн. Один шаг – и я на Земле!

– Я думал, ты хочешь укрыться где-нибудь в захолустье, – проговорил Кобурн в растерянности. Его голова была забита другими мыслями. Весьма тревожными.

– Если я доберусь до Земли в один момент, не оставив следов, это будет лучшее убежище на свете. Кто додумается меня там искать?

Кобурн нетерпеливо сбросил со своего плеча руку Пэтси:

– Ну и ладно. Слушай, я только что понял, почему мы врезались в вершину и остались живы, и почему здесь пахнет смолой, и почему этот снег ненастоящий.

– Ты чего, сынок? – покровительственно процедил Эккерт, жадно пожирая глазами сияющий зеленый угольник.

– Разве ты еще не догадался? Эти существа строят из стекловолокна копию Эвереста!

– Мать их за ногу, – добродушно пробурчал Эккерт, даже не оглянувшись.

Припав к земле, он следил за группой инопланетян. Те деловитым шагом направились прочь от ворот и прошли совсем близко от бугра, но землян никто из них не заметил. Как только гориллы скрылись за завесой снегопада, Эккерт, обернувшись к Кобурну, направил на него пистолет.

– Тут наши дорожки расходятся, – сказал он. – Я пойду сквозь зеленый свет.

– А как же я?

– Очень жаль, сынок, но ты единственный, кто мог бы меня заложить. Извини, – и он прицелился в Кобурна.

– Послушай, ведь если ты выстрелишь, наши мохнатые друзья услышат. Они могут оказаться со всех сторон. И тогда за тобой погонятся.

Эккерт призадумался:

— Твоя правда. Я лучше вот что сделаю — я разломаю черные ящики у столбов, когда пройду в ворота. Вот дверочка и захлопнется. А тебя мы на время стреножим, — словно заправский боксер он ткнул Кобурна в солнечное сплетение дулом пистолета. Кобурн почувствовал, как из его легких изливается воздух. Он оставался в сознании, но парализованные мышцы отказывались сделать вдох. Кобурн до смерти перепугался. Вязкий, смешанный с пеной хрип вырвался из его горла. Эккерт вскочил и, низко пригнув рыжую голову, побежал к воротам.

Он почти достиг их, когда из сияющего облака появилась еще одна горилла. Эккерт выстрелил инопланетянину в живот. Тот грузно сел на снег, схватился за поясницу, потом мягко опрокинулся на спину. С той стороны, куда ушла первая группа инопланетян, послышались гортанные крики. Эккерт оглянулся по сторонам, прыгнул в зеленый прямоугольник и — только его и видели.

Кобурн внезапно почувствовал, что опасность этой планеты для его здоровья резко возросла. Это ощущение было таким сильным, что он, преодолевая паралич, хотел было на четвереньках доползти до ворот, но инопланетяне уже возвращались. Кобурн понял, что не успевает, и снова распластался на снегу. Из мглы вынырнули призрачные фигуры гуманоидов.

Четверо из них принадлежали к уже знакомому типу гориллообразных, но у двоих других кожа была голая, зеленоватая. Они были одеты в желтые туники. Кроме того, они были гораздо хуже своих спутников. Их лысые головы сверкали, как тщательно вымытые яблоки.

Инопланетяне столпились вокруг расprostертой на снегу убитой гориллы, вполголоса поговорили между собой и стали свирепо озираться по сторонам. Их тяжелые взгляды могли обжечь камень. Кобурн вдруг обратил внимание на следы ботинок Эккерта, ведущие от ворот прямо к его укрытию на бугре. Секундой позже то же самое заметили и инопланетяне. Рассыпавшись по местности веером, они двинулись в сторону Кобурна. Он отчаянно пытался зарыться

в неподатливый грунт, но тут всеобщее внимание было привлечено неожиданным происшествием.

Из сияющего прямоугольника ворот вывалился, шатаясь, Пэтси Эккерт.

Облепленный с головы до пят настоящим снегом, он так дрожал, что едва держался на ногах. Его лицо, насколько можно было разглядеть за сосульками и инеем, заливала мертвенная бледность. Одна из горилл тут же заметила Эккерта и подняла крик. Инопланетяне всем скопом ринулись к Эккерту. Тот попытался было поднять пистолет, но оружие вывалилось из его пальцев. Один из безволосых мастерской футбольной подножкой свалил Эккерта на снег, и рыжий пропал из виду за мельтешением инопланетных тел.

Меж тем Кобурн, притаившись в своем относительно безопасном убежище, успешно продолжал размышлять о синтетической копии Эвереста. Если его предположения верны, ворота вели не в любое, произвольное место на планете Земля – они должны были соединять копию с соответствующей точкой настоящего Эвереста, чтобы облегчить перенос результатов геодезических замеров.

Следовательно, Эккерт вынырнул на склоне Эвереста посреди зимы, а в тамошних условиях не выживешь и минуты без защитной маски и костюма с подогревом.

Гориллообразные инопланетяне, по-видимому, переносили этот адский холод, благодаря своей длинной и густой шерсти, и если они тайно наведываются на Землю уже в течение двух столетий...

«О Боже, – подумал Кобурн. – Я сподобился увидеть ужасного снежного человека! Да не одного, а сразу кучу».

Все давнишние непроверенные наблюдения, все необъяснимые отпечатки босых ног на снежных склонах Гималаев, все легенды об йети... – и все из-за этих пришельцев с чужой планеты, которые, руководствуясь какими-то собственными соображениями, сооружают пластиковую копию высочайшей горы Земли.

Тайна предназначения Эвереста-2 грозила вызвать у Кобурна умственное переутомление, но, к счастью, его отвле-

кло происходящее у ворот. Позабыв о бездыханном теле своего товарища, инопланетяне подхватили беспомощного Эккерта и понесли его в зеленоватую мглу. Они вновь прошли мимо бугра, но Кобурна не заметили. Способность дышать наконец вернулась к нему. Дорога к воротам была открыта. Но теперь Кобурн знал, что этим путем не спасешься. Он достал из сумки на поясе питательную пилюлю, задумчиво разжевал ее, потом двинулся вслед за группой инопланетян, держась от них на почтительном расстоянии.

Пройдя около километра по снежным склонам, они оказались среди голых скал, где были встречены отрядом из четырех безволосых. Те остановились посмотреть на Эккерта, еще трясущегося от холода. Один из них слишком низко наклонился к Пэтси, который не замедлил проявить свою неистребимую сноровку и ударил любопытного кулаком в переносицу. Сгорая от зависти к некоторым чертам характера рыжего рецидивиста, Кобурн подполз поближе к отряду, чтобы подслушать разговоры инопланетян. У него сложилось впечатление, что представители обоих видов были довольно близоруки, и он не особенно боялся приближаться к ним.

— ... судя по тому, что мы обнаружили на корабле, землян было двое, — гнусавил на галалингве один из новоприбывших зеленых гуманоидов. — До прибытия шефа мы должны найти второго.

— Похоже, вину опять свалят на нас, — пожаловалась самая малорослая горилла. — Я всегда говорил, что следует обзавестись орбитальным поясом обороны.

— И привлечь внимание? Ты же знаешь, как относится Комитет Галаагр к нарушению устава. Если нашу альпинистскую команду застигнут за отработкой восхождения на Эверест, нас дисквалифицируют как минимум на десять столетий.

Маленькая горилла не была удовлетворена ответом:

— А откуда известно, что они обязательно выберут Эверест?

— Ты что-то растерял всякую почтительность к старшим, Велло, — заявил безволосый. — Эверест — великолепная го-

ра, отвечает всем требованиям для соревнований. Ты же знаешь, как трудно разведчикам из Комитета каждые пять столетий подыскивать новую подходящую гору. Они ведь могут выбирать лишь из планет, которые точно будут готовы к вступлению в Галакоммуну до следующих Игр. Это непросто, особенно когда туземцы бдительны, чуть что, начинают устраивать охоту на НЛО.

— И все равно мне кажется, что эта тренировочная модель не стоит таких затрат.

— Мой юный друг, ты явно еще не созрел умом, чтобы в полной мере оценить масштабность престижа и политического капитала, который обретает планета, выставившая сильнейшую команду.

В разговор вступили и остальные. Они прямо-таки наседали на маленькую гориллу. Пытаясь разобраться в многоголосом галдеже, Кобурн так увлекся, что неосмотрительно высунулся из-за синтетической скалы. По его спине тут же пробежали мурашки — он встретился взглядом с Эккертом, лежавшим у ног инопланетян. Однако Кобурн не находил причин бояться своего сотоварища-землянина, тем более что гориллы и безволосые в пылу жаркого спора позабыли обо всем и вся. Кобурн выставил из-за скалы руку и слегка пошевелил пальцами в знак дружеского приветствия. Пусть раньше Эккерт хотел его убить, но теперь они были равны — два землянина на чужой планете, в окружении врагов.

— Вот он, второй! — завопил Эккерт, указывая прямо на скалу Кобурна. — Вон там он прячется!

Среди инопланетян мгновенно воцарилось молчание. Близоруко щурясь, они смотрели в сторону Кобурна. Тот припал к грунту, мысленно проклиная Эккерта и шепча Эрике душераздирающие слова прощания. Что до Пэтси, то он воспользовался случаем, чтобы дать деру. Со звериным проворством он вскочил на ноги и пустился наутек. Двое инопланетян пытались его перехватить, но Эккерт, увернувшись, легко вспрыгнул на большой валун и соскочил с другой стороны. И с треском провалился. Там, где он только что стоял, зияла черная дыра с рваными краями, из которой

доносился отчаянный, переходящий по закону Допплера в басистый стон, крик. Видимо, Эккерт было еще очень долго лететь до дна.

– Я так и знал, что здесь есть тонкие заплатки, – заметила одна из горилл. – Мильдо опять решил сэкономить стройматериалы.

– Это к делу не относится, – раздраженно оборвал его безволосый. – Пойдемте-ка осмотрим те скалы.

Отряд, совсем как в прошлый раз, рассыпался по местности и двинулся на Кобурна. Это напомидало пластинки веера, сходящиеся к ручке. Кобурн неуклюже поднялся и побежал, инстинктивно держа курс на зеленое сияние ворот.

– Хватайте его! Убейте его! – закричал один из инопланетян. Кобурн нехорошо выругался, узнав гнусавый голос самого малорослого, которого уже успел окрестить про себя главным вредителем. Кобурн всегда хорошо бегал, но сейчас – подгоняемый страхом, что его схватят или что он провалится внутрь горы – он буквально летел по снежному склону, не чуя под собой ног. Инопланетяне плелись далеко позади, а зеленое сияние впереди все разгоралось, пока не обернулось уже знакомыми воротами. У одного из черных столбов по-прежнему лежала убитая горилла.

На первом этапе забега Кобурну казалось, что он вот так, не снижая скорости, может обежать вокруг всей планеты, но теперь – после первого же километра – силы быстро иссякали, а гиканье инопланетян слышалось прямо за спиной. Он доковылял до ворот, шагнул одной ногой за светящийся прямоугольник – и тут же выдернул ногу обратно. Гималайская зима голодным зверем впилась в его тело. Шумно дыша и захлебываясь соленым потом от изнеможения, он опустился на снег. Выбирать ему особенно не из чего – либо весьма скорая смерть в холодных снегах Эвереста подлинного, либо очень скорая смерть от рук инопланетян на Эвересте поддельном. Кобурн избрал последнее, в основном потому, что это избавляло его от необходимости снова вставать. Крики преследователей становились все громче.

«Вот и все. Эрика, — думал он. — Я любил тебя».

Потухшими глазами он огляделся по сторонам, пытаясь настроиться на философски-стоический лад, но зрелище уродливого тела мертвой гориллы не особенно успокаивало. Длинные шерстинки безжизненно шевелились на ветру. Под ними блеснуло что-то медное. Украшения? Кобурн дополз до бездыханного тела, запустил руку в шерсть и обнаружил застежку-«молнию», идущую от подбородка существа до его паха.

Его лицо просияло — он догадался. Подняв голову, он увидел скачущий по скалам авангард погони. Зеленокожие бежали впереди. У Кобурна было не больше минуты. Он расстегнул «молнию» на теле гориллы, сорвал с ее лица звериную маску и обнаружил внутри мертвого инопланетянина — такого же лысого и зеленокожего, как остальные. Шерстистый покров оказался маскировочно-защитным костюмом для нелегальных прогулок по Земле.

Подвывая от возбуждения и страха, Кобурн вытряхнул инопланетянина из его кокона. Крики преследователей, заметивших его действия, стали тревожнее.

Еще миг — схватят. Кобурн влез в мешковатую шкуру, натянул на голову шлем с обезьяньей маской и, не застегивая «молнии», нырнул в ворота как раз в тот момент, когда сильная зеленая рука попыталась ухватить его за шерсть на спине.

Ветер Гималаев, невероятно колючий и холодный, ворвался в распахнутую обезьянью шкуру. Кобурн неловко застегнул костюм руками в перчатках и поспешил ретироваться от ворот, которые с этой стороны представляли собой два обычных черных столба. Дул свирепый ветер, на неровном склоне было почти невозможно удержать равновесие, но убраться подальше было просто необходимо.

Инопланетяне в костюмах, более неповоротливые, чем их одетые по-летнему собратья, еще не подросли к воротам, но очень скоро они всем скопом ринутся ему вдогонку.

Кобурн побрел сквозь слепящие снежные вихри. Минут через десять он почувствовал, что ушел от погони, спустя

час стал абсолютно уверен, что больше никогда не увидит зеленокожих инопланетян. Правда, он начал подозревать, что вообще больше никогда никого не увидит. То был Эверест, грозный царь Гималаев, вокруг бесновались торжествующие стихии, а у Кобурна не было ни снаряжения, на знаний, чтобы найти дорогу к людям.

Он упрямо переставлял ноги, стараясь по возможности двигаться под гору и надеясь только на прочность отопительной системы костюма. Однако постепенно он начал выдыхаться. Он все чаще оступался и, упав, уже не торопился вставать. В конце концов дальнейшее продвижение стало бессмысленным. Кобурн сел на камень и стал ждать, пока снег заметет его с головой, и следа не оставив от его жалкого, бесплодного существования. Он отрешенно приготовился погрузиться в вечный покой...

Не прошло и тридцати секунд вечного покоя, как сверху на него внезапно опустилась грубо сплетенная сеть. Его швырнуло на снег.

Кобурн с испуганным криком попытался высвободиться, но жесткие веревки еще крепче впились в его руки и ноги. Он понял, что все же попался в руки инопланетян, и на этот раз его живым не отпустят. Импровизируя ругательства на галалингве, он отчаянно пытался встать на ноги, чтобы умереть стоя, как подобает мужчине, но сокрушительный удар по основанию черепа не позволил Кобурну осуществить даже это скромное желание. Погружаясь во тьму, он успел заметить, что атакующие были одеты в обычные земные горнолыжные костюмы...

О последующем временном отрезке Кобурн мало что помнил. Большую его часть он был без сознания, но иногда, полуочнувшись, понимал, что сеть с ним волокут по снегу. Когда к нему вернулся дар речи, он попытался было протестовать, но обнаружил, что рот обезьяньей маски намертво захлопнулся, и сказать что-либо членораздельно просто невозможно. Кобурн сдался и, откинувшись на спину, сосредоточил все усилия на том, чтобы уворачиваться от острых камней, в изобилии попадавшихся на дороге. Несколь-

ко минут спустя отряд остановился. Один из присутствующих откинул забрало своего лыжного шлема.

— Один есть! — крикнул он по-английски кому-то, кто был невидим Кобурну. — Мы поймали йети!

— Вот здорово! — отозвался женский голос.

Кобурн возмутился, что его считают животным и соответственно с ним обращаются, но при звуке этого голоса позабыл обо всем. Он сел и стал отчаянно дергать за язычок «молнии».

Женщина опустилась на колени перед ним.

— Мой йети, — выдохнула она. — Мой собственный йети!

Кобурн, наконец-то справившись с «молнией», сорвал с головы свою обезьянью маску.

— Эрика, — произнес он. — Моя собственная Эрика!

— Бог ты мой, — пробормотала она изумленно. Потом ее лицо расплылось в лучезарной улыбке, над которой не был властен даже холод: — Ах ты мой глупыш, ах ты мое чудо! А я ведь вправду поверила, что ты удрал в космос и позабыл обо мне.

— Ничего подобного, — ответил он, потянувшись к ней.

— Подожди, здесь не место, — она помогла Кобурну подняться на ноги. — Надо доставить тебя под крышу, а то еще замерзнешь. И ты нам объяснишь, как так вышло, что ты пустился догонять мою экспедицию в обезьяннем наряде. Не сомневаюсь, у тебя уже заготовлена какая-нибудь невероятная история.

Кобурн обнял ее за талию:

— Постараюсь что-нибудь придумать.

Георгий Реймерс

ГОРЫ ХРАНЯТ ТАЙНУ

В то время как некоторые из вас будут штурмовать межпланетные просторы или осторожно продвигаться по поверхности иных миров, необходимо, чтобы другие ваши товарищи продолжали исследование самых потайных уголков нашего земного шара в поисках не обнаруженных еще, вымирающих или неизвестных существ.

*Профессор Б. Эйвельманс. К советской молодежи.
Альманах «Мир приключений», 1961 год*

Глава 1

Аур сидел у отвесного обрыва скалы, опираясь на полусогнутые длинные волосатые руки.

Вокруг раскинулся горный пейзаж. В синеве неба белели заснеженные пики. Застывшими реками сползали с хребтов ледники. Из-под конечных морен вырывались бурные пенистые потоки.

Воды ревели и бушевали. То крутясь среди утесов, то срываясь водопадами в пропасти, они, наконец, достигали долины и вливались в стремительную реку. Но шум вод не достигал Аура. Здесь, на высоте, царила тишина.

Обычно Аур в это время спал в пещере или в каком-нибудь укромном месте, где его шерсть по цвету сливалась с окружающими камнями. Там, даже вблизи, его трудно было отличить от большого валуна.

День предназначен для сна, ночь — для охоты. Но на этот раз были причины, заставившие Аура нарушить установленный природой порядок. То, что он увидел ночью, охотясь за пищухами и выкапывая вкусные сочные корни, заставило его насторожиться.

В долине появились люди. Аур был стар, а поэтому вдвойне подозрителен и осторожен. Он видел людей. Они

ходят, подобно ему, на двух ногах и пригоняют на высокогорные пастбища яков и коз.

Когда перестают дуть свирепые холодные ветры и солнце растопит снега, наступает пора тепла и обилия пищи. Низины и горные склоны покрываются травой и яркими цветами. В это время из далекого, лежащего у подножия гор, загадочного мира приходят люди, поселяются в каменных хижинах и пасут своих животных до тех пор, пока снег снова не засыплет землю.

Люди очень могущественны. Они умеют строить жилища, из которых сверху идет дым, и заставляют служить себе даже солнце. Уходя за снежные вершины, оно оставляет им немного света и тепла. Темными вечерами люди сидят у своих хижин вокруг сияющих кусочков солнца, которые их освещают и обогревают.

Хотя люди не делали ему зла и не преследовали его, Аур старательно избегал встреч.

В холодное время Аур в поисках еды спускался с высокогорья в нижние долины, где было теплее и меньше снега. Там постоянно жили люди. Эти непонятные существа влекли его, но одновременно внушали страх. Осторожность зверя всегда брала верх над смутными проблесками разума и, не осмеливаясь приблизиться к их селениям, он уходил.

Постоянная борьба с хищными зверями сделала его сильным и ловким. Волки боялись мощных челюстей и сильных рук Аура, а также его умения метко швырять камни. Он легко уходил от волчьей стаи, быстро взбираясь по крутым скалам и каменным осыпям. Не следовало встречаться со злыми горными медведями, когда они голодны. Однако Аур гораздо проворнее любого из них, и чтобы не попасть медведю в лапы, ему нужно только не зевать. Страшнее всех был барс, но отличный слух и тонкое чутье всегда предупреждали Аура об опасности.

Пока детеныш не подрос, Аур хотел остаться в облюбованном месте, поэтому он не увел Улу с маленьким Иу на перевал при появлении в долине людей. Сейчас Улу с забавным мохнатым детенышем спала в пещере на подстил-

ке из кустарника. Аур должен был охранять их покой и добывать пищу.

Люди, которые вчера пришли в долину, были не такими, как пастухи. Их было много и с ними не было скота. Они поселились на берегу реки в белых колышущихся от ветра жилищах. Это насторожило Аура, инстинкт всегда предостерегал его от всего необычного. Притаившись, он с обрыва осматривал долину, ловил расширенными ноздрями воздух и напряженно прислушивался. Пока все было спокойно. Он уже собрался уходить в пещеру к Улу, но тут ветер принес снизу из ущелья какой-то незнакомый запах. Аур глубоко втянул воздух, фыркнул, потом осторожно приподнялся и выглянул за обрыв. От того, что он увидел, седая шерсть на загривке встала дыбом, желтые глаза загорелись. Окалив зубы, он тихо заворчал. Внизу, рядом с отвесной стеной, шел человек. Он нес в руках короткую темную палку.

Неожиданно из бокового распадка выскочил горный козел. Он быстро взбежал на утес и на мгновение замер, осматриваясь по сторонам. Человек вскинул палку, на ее конце что-то блеснуло. Козел высоко подскочил и упал с утеса. По ущелью прокатился гулкий удар.

Аура точно ветром сдуло с обрыва. Глухо рыча, он мчался на всех четырех конечностях, перескакивая через камни, через трещины ледника, не хуже козла взлетая на крутые склоны. Скорей к пещере! Прочь от опасного места!

Глава 2

Кандидат биологических наук Николай Петрович Орлов стоял на скальном выступе и смотрел с кручи вниз.

Широкоплечий, мускулистый, он скорее походил на спортсмена, чем на научного работника. В его собранной плотной фигуре чувствовалась сила и неистощимая энергия.

Видавшая виды армейская гимнастерка, такие же брюки, заправленные в шерстяные гетры, и крепкие горные ботин-

ки свидетельствовали о долголетней привычке молодого ученого к удобной военной одежде.

Тряхнув головой, он откинул со лба светлую прядь волос и приложил к глазам бинокль. Далеко внизу, на берегу реки, бежавшей по высокогорной долине, белели палатки базового лагеря.

После шести месяцев безрезультатных поисков йети – легендарного снежного человека, – экспедиция забралась в самый глухой, почти неисследованный уголок Гималаев. Люди устали. Орлов заметил – большинство из них теряет веру в успех поисков. Ему, как начальнику, было ясно, что теперь только крепкая товарищеская спайка да чувство долга заставляют людей безропотно переносить тяготы изнурительного похода.

Итак – последняя попытка. Вчера все способные к высокогорным восхождениям разбились на три группы. Две из них должны пройти по границам намеченного для обследования района, третья, под руководством Орлова, направлялась в центр узла горных хребтов.

На долю этой группы выпал самый тяжелый маршрут. Пики высотой более семи тысяч метров, мощные ледники и крутые, зачастую отвесные скалы требовали хорошей альпинистской подготовки.

Кроме Орлова и мастера спорта инструктора-альпиниста Рашида Благоева, в группу вошли альпинист зоолог Смирнов и неоднократно участвовавший в разных экспедициях проводник шерп Норбу. Пятым был Рекс – рослая немецкая овчарка.

Выйдя из лагеря с рассветом, они поднялись к леднику и остановились на ночлег около нагромождений конечной морены.

Сверху потянуло прохладой. Молодой ученый повел плечами. За целый день тяжелого пути белье намокло от пота и теперь неприятно холодило спину и грудь. Уложив бинокль в футляр, Орлов по привычке одернул гимнастерку. «Хорошо бы завтра перевалить через хребет», – подумал он, глядя на скалистый гребень, потом поднял лежащую у ног куртку, набросил ее на плечи и пошел к палатке.

Солнце опустилось за горы. На долину легли вечерние тени. Далеко, на юго-востоке, розовела в последних лучах величественная громада Дхаулагири.

Около палатки костер постреливал золотыми искрами. Синий ароматный дымок арчи, смешанный с запахом жареного мяса, стелился по склону.

Низкорослый, коренастый Норбу присел на корточках у костра и, шуря от дыма раскосые глаза, время от времени поворачивал шипящую на вертеле козлиную ногу.

Миша Смирнов устроился с наветренной стороны, где ему не мешал дым. Сидя на плоском камне, молодой зоолог старательно снимал шкурку с убитой пищухи.

Из палатки высунулась черноволосая курчавая голова.

– Ай, какой хороший шашлык! – Потянув носом воздух, Рашид аппетитно облизнулся и вылез наружу.

– Дорогой Миша, спасибо за угощение! Ты великий охотник! – с сильным кавказским акцентом воскликнул он и, подойдя к приятелю похлопал его по плечу.

Широкое добродушное Мишино лицо побагровело.

– Уйди! – огрызнулся он.

– Не бойся, твою крысу не съем! Козел лучше.

Миша с неприязнью взглянул на козлиную ногу. Впечатлительному юноше крепко запомнился полученный нагоняй.

Вчера утром, осматривая ущелье, он подстрелил горного козла. В прекрасном настроении Миша притащил свою добычу в базовый лагерь. Свежего мяса они уже давно не видели, и удачливый охотник естественно рассчитывал на похвалу. Однако дело обернулось совсем не так, как он ожидал.

Увидев козла, Орлов расвирепел. Он считал, что стрельба может распугать всех йети, обитающих в окрестностях, и тогда труды экспедиции пропадут даром. Начальник битый час перед всеми отчитывал Мишу за допущенную оплошность.

От этих воспоминаний у юноши даже уши зарделись от стыда. Настроение снова испортилось. «Всегда этот Рашид

со своей подначкой! Тыфу», — отплюнулся он. Сдернув с щухи шкуру, Миша бросил Рексу ободранную тушку.

Пес понюхал ее, фыркнул и с отвращением отвернулся.

Рашид потрепал Рекса по загривку.

— Скажи Мишке, пусть сам ест крысу, а мы с тобой съедим шашлык, — усмехнулся он, разглаживая черные усики.

— Смеешься, копченый абрек, а небось не отказываешься от козлятины, — проворчал в ответ зоолог.

К палатке подошел Орлов.

— Связывался с базой? — спросил он Мишу.

— Связался, — ответил тот. — Сообщили: группа Максимова вышла сразу после нас, а Либова — в полдень.

— Вечно он копается, — недовольно поморщился Орлов.

— Рацию убрал?

— Убрал. А вы хотели говорить?

— Ладно. В следующий раз.

Николай Петрович уселся около костра, вынул трубку и не спеша стал набивать ее табаком.

— Как думаешь, Рашид, вылезем завтра на перевал? — спросил он.

Тот взглянул на кручу.

— К вечеру вылезем. Дай-ка закурить твоего, крепкого, душистого.

Орлов протянул Рашиду табакерку, вытащил из костра ветку и, прикурив от уголька, с наслаждением затянулся.

— Хорошо здесь! Совсем как на Кавказе, — сказал он.

— Нет, там лучше, — возразил Рашид.

Старые знакомые, если можно так сказать о ровесниках, едва разменявших по третьему десятку, они сдружились еще во время службы на горной пограничной заставе.

Быстро темнело. Норбу подбросил в костер веток. Огонь вспыхнул с новой силой. Шерп, нанявшись проводником в эту экспедицию, впервые встретился с русскими. Особенное впечатление произвел на него Орлов. Могучего телосложения блондин, с военной выправкой, он казался ниже стройного высокого Рашида, однако это было не так. Стоило им встать рядом и оказывалось, что Орлов выше приятеля почти на полголовы.

Никогда не унывающий шутник Рашид и крепыш Миша тоже понравились шерпу. Одно было плохо – по-английски умел говорить только Орлов. С остальными приходилось объясняться «международным» языком жестов.

Тем временем козлятина изжарилась. Норбу расстелил на землю клеенку и положил на нее мясо.

Орлов протянул Мише охотничий нож.

– Твоя добыча – тебе и делить, – холодно сказал он, а сам незаметно подмигнул Рашиду.

Миша тяжело вздохнул и снова покраснел.

– Хватит уж, Николай Петрович! Рашид весь день издевался, а теперь и вы...

– То-то же. Будешь знать, когда стрелять, – усмехнулся Орлов.

Увидев, что начальник «сменил гнев на милость», Миша повеселел и принялся резать жаркое.

Глава 3

Ночью был заморозок. Иней посеребрил землю. Горные дуга искрились в лунном свете. Ни один звук не нарушал тишину, только чистый прозрачный воздух, пронизанный голубыми лучами, казалось, тихо звенел, словно кто-то осторожно прикасался к тонкой, туго натянутой струне. В глубоком темно-фиолетовом небе сверкали звездные россыпи. Горы застыли в спокойном сне. В долинах лежал туман. Ночь жила скрытной таинственной жизнью.

Вот из-за скалы показалась лобастая голова матерого волка. Двумя светлячками блеснули зеленые огоньки глаз. Неловко, как призрак, волк двинулся вперед по чуть заметной звериной тропе. Чуткий нос все время сообщал о происходящем. На полянке среди валунов, в траве рассыпаны катышки помета, здесь днем паслись горные козлы. Около небольшого бугорка зверь снова принюхался, – тут, под землей, спит жирный сурок. Хищник покосился на нору и продолжил путь: добыча была недоступна. Обнюхав обло-

мок скалы, он узнал оставленную лисой отметку. По неписаному закону собачьей породы волк тут же оставил свою и, осторожно ступая, пересек каменную осыпь. Обнаружив след барса, он пошел было за ним, надеясь поживиться остатками добычи, но вдруг остановился: резкий запах ударил в ноздри. Серый разбойник оскалил клыки и метнулся прочь. Здесь недавно прошли люди. Беззвучно, как тень, спускаясь по склону, поросшему стелющимся кустарником, он заметил около скального выступа широкоплечую, коренастую фигуру с заостренной головой и длинными руками. Волк бросился в сторону и растаял в полумраке ночи. Он боялся этих животных, так похожих на людей, и старался не попадаться им на глаза.

Из-за скалы Аур смотрел на залитую лунным светом долину. Поземный туман скрывал стоянку недавно пришедших людей. Йети хотел узнать, ушли они или нет, однако, спуститься вниз не осмеливался, особенно после того, что недавно увидел в ущелье.

С гор тянул легкий ветерок. Чутье предупредило: там волк, но Аур и ухом не повел. Он презирал этих зверей и не считал нужным уделять им внимание. Легкий шорох известил о том, что волк, увидев йети, скрылся. Так и должно было случиться.

Аур вышел из-за прикрытия и мягкими, крадущимися шагами пошел разыскивать съедобные растения. Около каменной осыпи какой-то новый запах заставил его насторожиться. Аур опустил на четвереньки и обнюхал землю. Сомнений не было: здесь прошли люди. Остановившись в нерешительности, старый йети долго прислушивался и настороженно всматривался в темноту. Слишком необычно было присутствие людей в этих высокогорных местах. Нужно узнать, куда они направились.

Аур осторожно пошел по следу. На небольшой ровной лужайке он замер на месте. Невдалеке белела палатка. Тонкий слух йети уловил дыхание спящих людей. Не спуская глаз с опасного места, Аур начал медленно пятиться. Но тут, сзади, налетел легкий порыв ветра. Раздалось ворчанье, и какой-то серый зверь, похожий на небольшого

волка, выскочил на лужайку. Подняв кверху морду и пригнувшись, он направился в ту сторону, где спрятался за камнем Аур. Старый йети насторожился: такого еще не случалось. Небольшие животные всегда скрывались или, по крайней мере, уступали ему дорогу. Этот же, казалось, искал встречи. Тогда Аур прибег к последнему средству, которое безотказно отпугивало всю мелочь. Выпрямившись во весь рост и размахивая руками, он издал пронзительный крик. Однако странный зверь вместо того, чтобы обратиться в бегство, кинулся вперед. Послышались голоса людей. Мешкать было некогда.

Злобно зарычав, Аур бросился наутек вверх по склону. Но противник оказался храбрым и проворным. Видя, что остановить йети не удастся, он без колебаний вцепился в обросшую густой шерстью ногу.

Аур молниеносно обернулся. Его руки, как стальные клещи, схватили зверя. Оторвав противника от ноги, он поднял его и со страшной силой ударил о камень. В темноте раздался громкий визг. Со стороны лужайки, приближаясь, мелькали огоньки и слышались человеческие голоса. Не глядя на поверженного врага, Аур быстро убежал в горы.

Глава 4

Сложенная из камней хижина, как птичье гнездо, прилепилась к подножию скалы около быстрой речки.

У порога, скрестив ноги, сидел старый шерп. Каждое лето он пригонял свое стадо в этот чудесный уголок.

Невдалеке от его жилища зеленела роща, на полянках цвели кусты великолепных розовато-пурпурных рододендронов. Грациозные нектарницы, поблескивая ярким оперением, перелетали с цветка на цветок. На лужайке, густо поросшей голубыми и лиловыми примулами, паслись козы.

Старый шерп изредка посматривал на тропинку, выходящую по берегу речки. Он ожидал прихода родственников из деревни, расположенной в нижней долине.

Шорох скатывающихся камней заставил его обернуться. Сверху спускалась группа людей. С ними бежала большая серая собака. Когда они подошли, старик внимательно оглядел их умными, не потерявшими живого блеска глазами, с достоинством поклонился и жестом пригласил сесть. С чисто восточной сдержанностью он не выказал никакого удивления по поводу неожиданного прихода европейцев.

Гости сбросили рюкзаки и расположились на лежащих у входа ковриках. Старый шерп угостил их чаем.

Рашид отстегнул от пояса фляжку и подлил каждому в пиалу клюквенного экстракта.

Потягивая душистый напиток, путники завели с хозяином разговор о снежном человеке. Сначала Норбу переводил с шерпского языка на английский, затем Орлов, уже по-русски, объяснял друзьям, что говорит старик.

Такой «двухступенчатый» разговор пастуха вполне устраивал. Ему спешить было совершенно некуда. Добродушно улыбаясь, он охотно отвечал на расспросы.

Да, он видел йети и слышал его крик. Прошлым летом ночью его разбудил резкий визг. Старик даже воспроизвел этот звук, чем вызвал раздражение Рекса. Пес угрожающе зарычал. Едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, Рашид взял его за ошейник и подтащил к себе.

Опасливо поглядывая на собаку, шерп рассказал дальше, что, выглянув в окно, страшно перепугался.

На лужайке стояло похожее на человека существо. Пастух догадался, что это был йети. Луна светила ярко и он успел заметить: покрытый темной шерстью зверь был коренастый, с широкой грудью и заостренной кверху головой.

Рассматривать йети он не стал, это не сулило ничего хорошего. Встреча с йети обязательно приносит несчастье. Старик до утра молился и, по его мнению, только благодаря этому остался жив и здоров.

Заинтересованный рассказом, молодой ученый спросил, куда нужно идти, чтобы встретить йети. Старый пастух удивленно посмотрел на Орлова. Он считал, что как и вся нечисть, йети живут в самых диких скалах. Туда можно попасть, поднимаясь вверх по ущелью к истокам реки, но не-

понятно, зачем гости хотят его увидеть, неужели им не терпится покинуть этот мир?

Неодобрительно взглянув на Норбу, старик что-то ему сказал на своем языке. Тот довольно резко ответил и, заметив вопросительный взгляд Орлова, перевел:

— Он спрашивает: зачем я веду вас искать йети? Шерпам не следует этого делать.

— Ну, а ты?

— Я ему сказал, что обещал идти с вами до тех пор, пока буду нужен, — с достоинством ответил проводник.

— А если мы встретим йети — не испугаешься?

Норбу задумался.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Наверное, испугаюсь, но не убогу. Я буду с вами, что бы ни случилось.

Орлов почувствовал признательность и уважение к простому честному человеку. «Этот в беде не покинет», — подумал он.

Поблагодарив гостеприимного хозяина, друзья собрались идти дальше.

Уже надевая рюкзак, Николай Петрович заметил, что пастух все время посматривает на фляжку. Орлов взял ее у Рашида и подал старому шерпу.

— Скажи: мы просим принять от нас этот подарок, — обратился он к Норбу.

Старик обрадовался и поблагодарил их. Потом прошел в хижину и вынес оттуда маленькую, искусно вырезанную из дерева статуэтку. Передавая ее Орлову, он сказал, что это тот самый святой, который спас его от несчастья после встречи с йети. С ним надо обращаться почтительно, тогда он отвратит от путников все неприятности и беды.

Орлов с улыбкой поблагодарил старика за подарок, и, распрощавшись с хозяином, друзья направились вверх по реке.

Глава 5

Близилося утро. У горизонта, на посветлевшем зелено-вато-сиреновом небе отчетливо обозначился черный гребень хребта.

В кустах пискнула проснувшаяся пичужка. Птаха встрепенулась, повертела головкой и вдруг испуганно сорвалась с ветки. Рядом, из зарослей арчи, высунулась большая кошачья голова. Осторожно раздвинув кустарник, на поляну вышел барс.

Зверь был голоден, а поэтому особенно свиреп. Неслышно ступая, он поднялся по склону к скалам. Там могли ночевать горные козлы.

Под обрывом барс присел на задние лапы и, выпрямившись, как стальная пружина, прыжком взлетел на скальную площадку. Здесь он остановился, поднял морду, принюхался и внезапно прижался к земле.

Теперь он казался уснувшим, лишь подрагивающий кончик хвоста да горящие глаза выдавали нетерпение зверя. Долетевший запах был очень слаб, но барс понял: где-то недалеко находится большое, похожее на человека существо. Можно не доверять зрению, слуху, но чутье еще никогда его не обманывало.

Хищник был в нерешительности. Ему не приходилось нападать на этих животных, и он трусил. Однако голод заставил забыть осторожность. Распластавшись, барс пополз, извиваясь между камнями, как пестрая змея.

Движения зверя становились все медленнее, медленнее... Около входа в пещеру он притаился, лоя расширенными ноздрями теплый возбуждающий запах. Добыча была рядом, в темноте пещеры слышалось дыхание животных и причмокивающее посасывание.

Барс осмелел – там была слабая самка с детенышем. Прижавшись к стенке, он тихонько, шаг за шагом, подкрадывался к добыче. Вдруг из темноты вылетел камень и сильно ударил его в голову.

Оторопевший хищник отскочил назад и зашипел, как рассерженный кот. В этот момент второй удар пришелся прямо по носу. Разъяренный зверь взревел от боли и бросился вперед, в пещеру.

Аур почувствовал себя в безопасности только после того, как забрался под защиту скал. Ворча и вздрагивая от возбуждения, он уходил все дальше и дальше в горы.

После схватки с небольшим, но видно очень злобным зверем, у старого йети пропал аппетит. Сейчас ему было не до еды. Аур понимал, что напавший на него зверь пришел в горы вместе с людьми, которые неизвестно зачем забрались в места, где он считал себя хозяином.

Старый йети инстинктивно чувствовал: его спокойной жизни пришел конец. Нужно немедленно уводить Улу с Иу подальше от опасного соседства с людьми.

Уже светало, когда он поднялся на скалистое плоскогорье. Пещера теперь была недалеко.

Около ручейка Аур встал на четвереньки, прильнул губами к ледяной струе, но тут же поднял голову. Он услышал хриплое рычание и визг. Сорвавшись с места, Аур помчался туда и, выскочив на площадку, увидел, как из пещеры выкатился живой клубок. Улу злобно визжала, отбиваясь от барса. Старый йети громадным прыжком бросился на хищника и вцепился ему в горло.

Улу, вырвавшись из когтей, с ожесточением рвала барса крепкими зубами. От пестрой шкуры хищника полетели клочки. Когда с ним было покончено, Аур поднял изуродованный труп зверя и сбросил его под обрыв. Потом опустился на корточки и принялся зализывать раны жалобно повизгивающей Улу.

Восходящее, еще невидимое солнце метало из-за гор раскаленные стрелы лучей.

Над хребтом появилась сияющая корона. Она разгоралась все ярче, ярче, и вот медленно, величаво выплыл ослепительный диск. Вспыхнули ледяные грани вершин. Белые от инея травянистые лужайки заискрились. Ночевавшие на перевалах облака легко снялись и поплыли над туманной долиной, купаясь в голубом воздухе. По снежному

склону поднимались две бурые лохматые фигуры. Первым шел Аур, за ним, прижимая к себе уцепившегося за шею детеныша, спешила Улу. Они уходили через хребет на север.

Глава 6

Долина, по которой шла группа Орлова, постепенно суживалась, подъем становился круче. Когда стемнело, друзья разбили лагерь на берегу реки и заночевали.

На другой день они вышли рано утром, но скоро их путь преградила отвесная скальная стена.

Вырываясь сверху из щели, река стометровым прыжком спадала в долину. Грохот водопада заглушал все звуки.

Путники внимательно осмотрели стену и убедились: она неприступна. Чтобы пройти к истокам реки, нужно было подняться по боковому склону выше водопада. Не теряя времени, маленькая группа пошла в обход. Друзья выбрали самое удобное для подъема место, попарно связались веревками и начали трудное восхождение.

Орлов с Рашидом, поднимаясь первыми, на крутых местах забивали крючья. Вслед за ними шли Миша и Норбу. Рекса усадили в мешок и подтаскивали на веревке от площадки к площадке.

Выветренная порода поминутно осыпалась. Каждый шаг приходилось делать со всеми предосторожностями. Часто отдыхая, то приютившись на выступе, а то и просто повиснув на веревке над пропастью, друзья, наконец, выбрались на каменистую площадку. Дальше подъем уже был не таким крутым.

Измученные путники сбросили рюкзаки и присели.

Спугнутые появлением людей, недалеко поднялись два коршуна. Миша пристально смотрел, как птицы, не желая улетать, кружатся в воздухе. Пытливый зоолог заинтересовался их поведением.

— Там что-то есть, — проговорил он, вставая.

– Какая–нибудь дохлятина, – предположил Рашид. – Сиди отдыхай.

Усталому юноше и самому не хотелось двигаться, но профессиональный интерес победил. Отцепив от пояса веревку, связывающую его с Норбу, Миша полез к месту, откуда слетели птицы.

Там между камнями оказался труп барса. Запаха падали не чувствовалось, зверь погиб совсем недавно. Миша присел, чтобы получше рассмотреть, и его глаза округлились от удивления.

Барс был так растерзан и изуродован, что зоолог только диву дался.

– Идите сюда! Быстрее! – позвал он спутников.

Те подбежали.

Случай действительно был из ряда вон выходящий. Вряд ли кто может похвастаться, что находил в горах растерзанного барса.

– М-да. Кто же его так отделал? – подивился Орлов.

Норбу вытащил из пасти зверя большой клоч бурой шерсти, вырванный вместе с мясом, и лаконично сказал:

– Йети.

– Не может быть! – воскликнул молодой ученый. – С барсом ему не справиться!

– Один – нет, а два – справятся, – убежденно ответил шерп.

– Но здесь не видно следов борьбы!

– Там надо смотреть, – указал Норбу на кручу. – Он упал оттуда.

Орлов порывисто обернулся к друзьям.

– Пошли! – крикнул он и бросился вверх по склону, куда указал проводник.

Все поспешили за ним.

На ровной, как стол, площадке, у входа в пещеру, валялись окровавленные клочки пестрой барсовой шкуры и бурой шерсти, такой же, как та, которую Норбу вытащил из пасти зверя.

– Караульте здесь, – шепнул Орлов спутникам, а сам, вынув карманный фонарь, хотел было лезть в пещеру, но крепкая рука Рашида сжала ему плечо.

Николай Петрович показал другу кулак. Однако на Рашида это не подействовало.

– Не спеши на тот свет, – сказал он, не выпуская Орлова и, размахнувшись, бросил в пещеру камень. Раздался удар о противоположную стену, камень покатился по земле.

– Вот теперь – пойдём. Хозяева, видно, сбежали.

Молодой ученый включил фонарь и все осторожно полезли под свод.

Небольшая пещера оказалась пустой. В ней валялись обглоданные кости мелких животных, а в углу из ветвей арчи было сооружено подобие настила или, скорее, большого гнезда. От резкого неприятного запаха спирало дыхание.

Миша вынул фотоаппарат со вспышкой и сделал несколько снимков.

Когда все вылезли наружу, Орлов снял вязаную шапочку и обтер рукавом лоб.

– Черт возьми! Куда же они делись? – с досадой проговорил он. – А ну-ка, давайте Рекса!

Миша развязал мешок и выпустил пса на поиск. Рекс взял было след, но вскоре начал метаться. По склону хребта недавно прошла гроза, дождь смыл следы.

Раздосадованные неудачей, друзья остановились, не зная, что предпринять.

Орлов спросил проводника, где, по его мнению, искать ушедших животных. Норбу полагал, что их теперь не найдешь. Если йети ушли, то обратно не вернуться.

– Сообщим обо всем на базу и пойдём дальше по маршруту, – решил Николай Петрович.

Миша быстро развернул походную рацию и вызвал базовый лагерь.

Все собрались вокруг него.

Из репродуктора слышался голос радиетки:

– Утес, я База! Из группы Максимова сообщили: прошлой ночью неизвестное животное убило собаку. Считают,

что это был йети, слышали его крик. Ушел в вашу сторону. Как поняли?

Орлов схватил микрофон.

– База, я Утес! Вас понял! Благодарю. – Передав свое сообщение, он выключил рацию.

Глаза Николая Петровича блестели от радостного волнения. Шестимесячные напряженные поиски дали первые результаты. Уже две группы: его и Максимова, нашли следы снежного человека. Окрепла поколебавшаяся было надежда на успех экспедиции.

Энергичный молодой ученый был готов идти в какие угодно дебри. Они должны, обязательно должны найти йети!

– Ну, друзья... – сказал он вставая. – Снежный человек где-то близко! Теперь все зависит от нас!

К полудню путники с трудом добрались до обрыва, с которого низвергался водопад. Наскоро перекусив, они вошли в ущелье.

Там было темно, холодно и сыро. С отвесных стен падали капли и сбегали прозрачные струйки. Мертвые скалы, казалось, плакали, тоскуя по солнечному свету, жизни и теплу. Бурный поток, то скрываясь под каменными завалами, то вырываясь на свободу, стремительно мчался по крутому скату.

Перелезая через осыпи, местами переходя реку по поясу в ледяной воде, друзья после двухчасового изнурительного пути выбрались на сухой бережок.

– Привал, ребята! – сказал Николай Петрович.

Все, тяжело дыша, расселись по камням.

Орлов оглядел спутников.

Рашид сидел, забросив ногу на ногу, и, как ни в чем не бывало, попыхивал коротенькой трубкой.

По внешнему виду Норбу трудно было определить его состояние. Сдержанный шерп не проявлял свои чувства. Выражение его лица всегда оставалось непроницаемым.

Миша выглядел неважно. Парня бил озноб. Плотнo запахнув теплую куртку, он сидел, безучастно глядя куда-то в пространство.

Николай Петрович отстегнул фляжку и налил в походный металлический стаканчик немного спирта.

— Давайте-ка по маленькой, а то как бы не простудиться, — предложил он.

Все, кроме Миши, охотно выпили.

Рашид посмотрел на зоолога.

— Пей, дорогой, если не хочешь свалиться, — посоветовал он.

Тот поднес стакан ко рту, но тут же опустил руку и с отворачиванием сплюнул.

— Не могу, противно!

— А я говорю — пей! Лучше будет!

Миша решился. Зажмурив глаза, он залпом проглотил обжигающую жидкость и закашлялся.

Орлов покачал головой и вопросительно взглянул на Рашида. Тот махнул рукой.

— Не страшно, пройдет. Это горная болезнь.

Николай Петрович взглянул на альтиметр.

— Да, забрались мы выше пяти тысяч метров, — сообщил он. — Скоро выйдем к истокам реки.

После короткого перекура друзья двинулись дальше. Подъем становился все круче. Но вот, обойдя скальный выступ, они вышли из ущелья и остановились. Перед ними открылся суровый пейзаж.

На дне обширной котловины синело озеро. Причудливые пики, похожие на зубы гигантского дракона, отвесно обрывались в воду. С перевала стекал ледник. Отколовшиеся от него ледяные глыбы плавали по озеру, как небольшие айсберги. Кругом было пустынно и дико. Никаких признаков жизни, только редкие чахлые травы да лишайники прозябали на этих каменистых берегах. Вечер еще не наступил, но солнце уже скрылось за высоким хребтом и лиловые тени подчеркивали мрачность фантастического, словно перенесенного с другой планеты, пейзажа. Позади путников зияла узкая щель, будто сказочный великан ударом меча рассек горный хребет, чтобы дать выход воде из этого жуткого места.

Даже выдавший виды Рашид не мог удержаться от восклицания.

– Проклятое Аллахом место! – не то в шутку, не то серьезно произнес он.

Норбу тронул Николая Петровича за рукав и указал на Смирнова. Миша сидел, привалившись к валуну. Он как-то ссутулился, обмяк. На побледневшее лицо легли синеватые тени. Его голубые, с живым блеском глаза сейчас потускнели и казались выцветшими. Свесившаяся челка прилипла ко лбу, покрытому бисеринками пота.

После перекура в ущелье он почувствовал себя совсем плохо. Разболелась голова, затошнило, появилась неприятная слабость. Поминутно ополаскивая ледяной водой пересыхающий рот, Миша изо всех сил крепился и шел. А теперь крепкого парня свалило кислородное голодание.

– Как себя чувствуешь? – обеспокоенно спросил Орлов.

– Ничего. Вот только немного отдохну...

– Где уж там «ничего»! Раньше чем через сутки он не пойдет. Нужно привыкнуть к высоте, – заявил опытный в этих делах Рашид.

Орлов задумался. Запасов пищи в обрез. Досадно терять сутки на отдых.

– Вот что: я и Рашид осмотрим перевал, а завтра вернемся за вами, – решил Николай Петрович.

У бедного Миши глаза наполнились слезами. Он мучился, что невольно задерживает поход группы, но двинуться с места сейчас не мог. Орлов понял его состояние и, чтобы успокоить вконец расстроенного парня, сказал:

– Вам нужно остаться еще и потому, что йети может прийти к озеру. Караульте его здесь.

Норбу после быстрого подъема тоже чувствовал себя неважно и в душе был доволен решением начальника.

Ни слова не говоря, он вытащил из рюкзака палатку и стал ее устанавливать.

Чтобы идти налегке, Орлов и Рашид взяли с собой только самое необходимое.

– Пошли, Рекс! – поманил пса Николай Петрович.

Распрощавшись с Мишей и Норбу, они направились к леднику.

Тяжелый подъем изрядно измотал уставших за день друзей, а тут еще Рекс провалился в оказавшуюся под снегом трещину ледника.

Чертыхаясь по-русски и по-азербайджански, Рашид полез за визжащим где-то внизу псом. Орлов, потихоньку отпуская веревку, страховал спуск товарища.

— Ну как? — крикнул он, заметив, что веревка ослабла.

— Все в порядке! Вытаскивай! — донеслось из глубины.

Появившись на поверхности, Рекс запрыгал от радости, бросился Николаю Петровичу на грудь и чуть не сбил его с ног. По счастливой случайности пес отделался только сильным испугом и небольшими ссадинами.

В глубине трещины раздались удары — Рашид вырубал ступени в отвесной ледяной стене.

Выбравшись наверх, он бросил ледоруб и в изнеможении повалился. Орлов сел рядом.

Начало подмораживать. В ледяных гротах все реже и реже раздавался стеклянный звон падающих капель. Причудливые ледяные столбы отсвечивали зеленоватыми, голубыми и розовыми тонами. Глубокие синие тени придавали пейзажу необычный сказочный колорит. Но друзьям было не до красот. Они обеспокоенно поглядывали на хребет, из-за которого выползала багровая в лучах заката зловещая туча. Следовало поторапливаться, чтобы до наступления темноты и непогоды выйти на перевал. Приятели, не теряя времени, полезли вверх.

Внезапно Рашид остановился.

— Смотри! — крикнул он Орлову, указывая на гребень.

Оттуда, с нависшего карниза закованной в лед вершины, беззвучно сорвалась громадная снежная глыба. Скользя вниз по крутому скату, она долетела до обрыва и упала в пропасть. Высоко в небо взметнулся столб снежной пыли. Растекаясь над хребтом пламенеющим в лучах заката облаком, снег начал медленно оседать. Только сейчас прокатился глухой гул, завершившийся тяжелым ударом.

— Вот это да-а! — только и произнес Николай Петрович.

– На лавине хорошо спускаться. Сам испытал, – заявил Рашид.

– Помню. То-то ты два месяца провалялся в больнице!

– А что мне пара месяцев, если проживу сто пятьдесят лет.

– Почему же так много? – улыбнулся Орлов.

– Потому, что мои земляки живут по столько. Разве я хуже?

Несмотря на усталость, приятели нашли еще в себе силы пошутить.

Перевал встретил их завыванием ветра и метелью. Отыскав под защитой скалы относительное затишье, альпинисты кое-как установили палатку, залезли в нее и забылись тяжелым беспокойным сном.

Глава 7

Наутро друзья почувствовали себя значительно бодрее. Рашид первым вылез из палатки и огляделся. Небо прояснилось, ветер стих. Девственная белизна свежевypавшего снега слепила глаза.

Раздевшись до пояса, закаленный горец с ожесточением принялся растираться снегом.

Орлов смотрел из палатки, как под смуглой кожей Рашида играют крепкие мускулы, а на спине дрожат капельки. Сам он сегодня был не способен на подобный подвиг. От одного вида полуголого приятеля у молодого ученого пробежал по спине озноб.

– Ну, как ты меня находишь? – спросил Рашид.

Николай Петрович, зябко поеживаясь, выбрался наружу.

– Молодец все же ты! – с хорошей завистью похвалил он друга и, захватив пригоршню снега, начал растирать лицо.

Рашид натянул рубашку, свитер, заправил их в брюки и огляделся, ища Рекса.

– Погляди, пес что-то нашел! – тронул он Орлова за плечо.

Тот поднял голову. Фыркая и тыкаясь носом в снег, Рекс что-то вынюхивал. Приятели направились туда.

– Николай! Что это? – воскликнул подошедший первым Рашид.

На выпавшем за ночь снегу отчетливо выделялись характерные пятипалые отпечатки, с отставленным во внутреннюю сторону хорошо развитым большим пальцем. Рядом виднелись следы меньшего размера. У Орлова даже дух перехватило от волнения.

– Проспали! Позорно проспали двух йети! – с отчаянием крикнул он, схватившись за голову.

– Да, они прошли недавно. Но как же их прозевал Рекс? – почесывая затылок, недоумевал Рашид.

– Что Рекс! Ветер был не с их стороны, потому и не учуял. Какая досада! – и, обычно сдержанный в выражениях, Орлов на этот раз крепко выругался. Приятели опустили на колени, чтобы лучше рассмотреть следы.

– Тут были взрослый и молодой! – сказал Николай Петрович.

– А может быть, он шел со своей Зулейкой, – предположил Рашид.

– Может быть и так. Давай-ка за ними!

Друзья быстро сняли палатку и бросились в погоню.

Цепочка следов пересекла перевал, а затем пошла вверх.

– Черт побери! – ворчал Орлов. – Куда же их понесло?

– Прямо к шайтану в зубы, – ответил Рашид, указывая на острые оледенелые клыки хребта.

С трудом карабкаясь по крутому фирновому склону, они выбрались к острой, как нож, скальной перемычке, соединяющей два пика. Ее скаты были почти отвесны, на них едва удерживался снег. Друзья связались веревкой. Орлов взял Рекса на руки и осторожно пошел вперед. Рашид, следуя за ним, страховал приятеля.

До конца опасного перехода осталось несколько шагов, как вдруг, поскользнувшись, Николай Петрович сорвался, вскрикнул и покатился вниз. Рашид моментально бросился с перемычки в другую сторону. Рывок! Падение прекра-

тилось. Оба лежали на противоположных головокружительных скатах.

– Николай, ты цел? – крикнул Рашид.

– Цел!

– А Рекс?

– Тоже.

– Лежи, не двигайся!

Рашид, ловко подтягиваясь, поднялся по веревке кверху и закрепился на перемычке.

– Лови! – бросил он крепкий запасной шнур.

Орлов поймал конец шнура и обвязал Рекса вокруг туловища.

– Готово! Тащи!

Когда они выбрались, Николай Петрович с благодарностью взглянул на Рашида и крепко пожал ему руку.

Скоро альпинисты вышли на обширное снежное плато. Следы вели к северо-восточным вершинам. Друзья остановились.

– Наверное, йети ушли за хребет, – предположил Николай Петрович.

Рашид взглянул из-под ладони.

– Да, больше им идти некуда, – согласился он.

– Вот что: возвращайся быстро назад и веди остальных, а я с Рексом пойду по следу. Буду вас ждать вон у той седловины, – указал Орлов. – Перейти хребет можно только там.

– Нет, генацвале! Я от тебя не уйду. Ты имеешь привычку соваться к шайтану в пасть, – решительно возразил Рашид, вспомнив, как Орлов хотел один лезть в пещеру.

Николай Петрович опешил. В экспедиции еще не было случаев неподчинения.

– Да пойми же! Нельзя тех оставить у озера, и еда у нас с тобой кончается, – сдерживая нарастающее раздражение, попытался он урезонить Рашида.

– Так не пойдет, – стоял на своем Благоев. – Одному тебе идти нельзя.

Орлов начал терять терпение.

– Что же ты предлагаешь? – резко спросил он.

– Вернемся к озеру, как договорились, и пойдем все вместе.

– Черт побери! Неужели ты думаешь, что йети будут нас дожидаться!

– Не кричи! Найдем других. А подыхать из-за них не будем.

Молодой ученый был вне себя от неожиданного упрямства приятеля, хотя в душе и чувствовал, что тот рассуждает здраво. С усилием овладев собой, Орлов решился на последнее средство. Сощутив глаза, он пристально посмотрел на Рашида злым, колючим взглядом и процедил сквозь зубы:

– Я понял. Ты боишься один идти через ледник.

Удар попал прямо в цель.

Болезненно самолюбивый горец побледнел и сжал кулаки.

– Ну, знаешь!.. – задыхаясь от гнева, проговорил он. Потом опомнился, сорвал рюкзак и, вытащив оттуда пакет с оставшейся пищей, бросил его к ногам Николая Петровича.

Ни слова больше не говоря, Рашид забросил рюкзак за плечи, повернулся и быстро, почти бегом, зашагал прочь.

– Рашид! – крикнул ему вслед Орлов и почувствовал, как волна жгучего стыда заливает румянцем щеки.

Не оборачиваясь, обиженный до глубины души, горец уходил к перевалу.

– Рашид, друг дорогой! Прости! – прошептал Николай Петрович. Потом нагнулся и поднял лежащий на снегу маленький кулек.

Вечерние сумерки сгустились, когда Орлов добрался до конца плато. После утомительной ходьбы по рыхлому подтаявшему снегу болели ноги.

Досадуя, что до наступления темноты ему не удалось догнать загадочных животных, молодой ученый принялся устанавливать маленькую палатку.

Тяжело дыша и вывалив розовый язык, Рекс улегся рядом на снег.

– Ну вот, ночлег и готов. Так что ли, Рекс? – усмехнулся Николай Петрович.

Общительный по натуре, он, за неимением собеседника, разговаривал с умной овчаркой. Услышав свое имя, Рекс насторожил уши и вильнул хвостом.

Орлов развязал рюкзак и огорченно взглянул на остатки еды. Четыре сухаря и несколько плиток шоколада, да еще и курево кончилось...

– Ничего не поделаешь, дружище. Придется подтянуть животы, – сказал молодой ученый и дал Рексу сухарей. Шоколад он решил оставить на завтрак.

После скудного ужина Орлов с Рексом забрались в палатку и прижались друг к другу. От переутомления и разряженного воздуха Николай Петрович никак не мог уснуть. Заложив руки за голову, он лежал и смотрел через щель палатки на мерцающую холодную звездочку. Недавняя ссора с Рашидом не выходила из головы. Молодого ученого мучила совесть.

– Нехорошо получилось. Экая я все-таки свинья! – проворчал он вслух.

Незаметно к нему подкралось щемящее чувство одиночества. Вспомнилось уютное кресло у письменного стола, ряды поблескивающих золотом томов на полках в кабинете... Потом возникли родные образы. Как бы снова ощутил он прощальный поцелуй жены и нежное щекочущее прикосновение пальчиков дочки.

Лола держала на руках маленькую Лидочку, похожую в своей меховой шубке на забавного медвежонка. Она взяла дочку за руку и махала ее маленькой ручонкой.

– Прощайся с папой. До свидания! До свидания! – шептала улыбаясь Лола, а у самой на ресницах дрожали слезы. От этих воспоминаний стало еще тоскливее.

Обнимет ли он своих любимых или останется навсегда в этих суровых горах?

– Тьфу! – встряхнулся Николай Петрович, отгоняя минутную слабость. Придет же в голову такое!

Погладив вскочившего было Рекса, он натянул на голову капюшон мехового костюма и повернулся на бок.

Глава 8

Восход застал Орлова бодро шагающим вверх к седловине. Ночью на высокогорье сильно подморозило. Идти было легко, ноги не проваливались. Рекс уверенно тянул за поводок. Около гранитного утеса он остановился и принюхался. Николай Петрович заметил на скальной площадке несколько клочков бурой шерсти. Дальше следы были значительно свежее.

«Здесь они отдыхали», — отметил про себя Орлов.

Петляя между торчащими по склону каменными кинжалами, Рекс вел вверх. После полудня, выйдя на седловину, Николай Петрович снял светофильтровые очки и осмотрелся. Вдали тонуло в легкой дымке холмистое зеленое плоскогорье. Прямо под ногами, в глубине пропасти раскинулся обширный, заваленный снегом горный цирк.

Дул пронизывающий ветер. Небо затягивалось облачной пеленой. Солнце просвечивало сквозь нее тусклым расплывчатым пятном. Опасаясь, что начавшаяся поземка заметет следы, Орлов решил нарушить уговор. На листке блокнота он написал друзьям, что идет дальше и просит их следовать за ним. После этого сложил на видном месте каменный тур, вложил в табакерку листок и спрятал ее под камни.

— Ну, Рекс, пошли! — сказал он.

Умный пес вильнул хвостом и устремился вперед. Цепочка следов, спускаясь с седловины, пересекала забитый снегом крутой кулуар. Подойдя к его краю, Рекс, повизгивая, остановился. Орлов понял опасения собаки. Пес инстинктивно чувствовал опасность перехода через подтаявший за день, едва державшийся в желобе снег. Йети перешли опасное место ночью при морозе, не рискуя вызвать обвал. Николай Петрович остановился в раздумье. Другого пути в обход желоба не было. Ждать, когда подморозит, было равносильно прекращению поисков. Скоро должна разыгаться пурга, и тогда следы заметет. Орлов не мог допустить мысли о прекращении преследования. Вся его

волевая натура бывшего офицера-пограничника протестовала против этого, тем более, что на поиски другого йети времени не оставалось. Сейчас от его решения зависел успех экспедиции. Все эти мысли быстро промелькнули в голове и заставили молодого ученого пойти на риск.

– Вперед, Рекс! – скомандовал Орлов.

Осторожно ступая, они направились через желоб. Противоположная сторона медленно приближалась. Уже были отчетливо видны следы выбравшихся на склон йети, как вдруг снег под ногами шевельнулся. Николай Петрович с ужасом почувствовал, что скользит вниз.

Снежная глыба, на поверхности которой находился человек с собакой, медленно тронулась по кулуару. Увлекая за собой все новые и новые массы, она росла, с каждой секундой увеличивая скорость падения; и вот громадная лавина, грохоча и сметая все на своем пути, тяжело рухнула на дно горного цирка. Последнее, что увидел Орлов, были мелькающие в бешеном хороводе скалы. Потом что-то тяжело ударило в грудь, и он провалился в черную немую мглу.

Глава 9

Аур и Улу не стали спускаться с перевала к озеру, там не было пищи. Они пересекли плато и, не доходя до седловины, остановились на отдых. На этой высоте, среди голых скал, снега и льда ничего не росло. Не было здесь пицух и жирных сурков; только изредка, спасаясь от преследования волчьих стай, сюда забегали горные козлы.

Суровая природа не баловала йети. Живя на высокогорье, они привыкли к лишениям и легко обходились без пищи по несколько суток, поэтому днем семья Аура спала, нежась на согретой солнцем каменной площадке. Они тронулись в путь, когда стало смеркаться. Аур вел семью к зеленому холмистому плоскогорью. Спустившись на альпийский луг, йети до утра утоляли голод съедобными расте-

ниями и ловили мелких грызунов. С восходом солнца они спрятались в укромном месте среди скал.

Чтобы не дать кому-либо застать себя врасплох, Аур время от времени осторожно выглядывал из-за камней. Уже перешло за полдень, как вдруг, на седловине, через которую они прошли этой ночью, острые глаза Аура заметили человека. Он шел с перевала вниз, направляясь в их сторону. Старый йети проворно вскарабкался на скалу. Теперь был хорошо виден и сам человек и бежавший впереди него, похожий на волка зверь, точно такой же, как тот, что напал на Аура. Глаза йети злобно засверкали. Оскалив зубы, он тихо зарычал. Сомнений не было, их преследовали. Нужно немедленно уходить. Опустившись на зад и отталкиваясь длинными руками, он быстро скатился по снегу вниз, к тому месту, где спала Улу с маленьким Иу. Аур разбудил ее гортанным звуком, означающим опасность, и когда увидел, что она уходит, снова залез на скалу. Он остался для того, чтобы отвлечь внимание человека на себя. Ему легче будет уйти от него, чем Улу, несущей детеныша.

Человек с небольшим серым зверем приблизился к желобу, остановился было у его края, но затем пошел вперед. И тут йети увидел, как преследователи, чуть видные за клубами снежной пыли, пронеслись мимо скалы и исчезли в глубине котловины.

Животные, попавшие в лавину, почти всегда погибают, но осторожность заставила Аура спуститься вниз и узнать, живы ли они? Нужно ли их опасаться?

У подножия обрыва высился громадный снежно-каменный завал. Около него Аур заметил неподвижно лежащего на спине, полузасыпанного снегом человека. Серого зверя нигде не было, его, очевидно, погребло лавиной. Старый йети подкрался к преследователю, но тут же отскочил. Человек приподнял веки и взглянул, затем зажмурился, пошевелил головой, застонал и, снова открыв глаза, изумленно уставился на Аура.

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом человек сделал попытку встать, но со стоном упал обратно.

Йети отскочил еще дальше и хотел было скрыться, но, поняв, что его преследователь беспомощен, остановился, наблюдая за ним издали.

Вдруг раздался голос человека. Непонятные звуки речи вызвали в душе старого йети целую бурю каких-то новых незнакомых чувств. Голос манил к себе и с непреодолимой силой вызывал в мозгу полуживотного сложные ассоциации, похожие на мысли разумного существа. Аур теперь не боялся этого человека, наоборот, его влекло к нему сильное незнакомое чувство. Он понял, что должен помочь попавшему в беду, но не знал, как это сделать. В сильном волнении йети метался, издавая гортанные звуки, страдая от невозможности понять речь. Случайно он взглянул вверх и заметил далеко, на краю желоба, людей. Внезапно что-то оседало Аур, и он, не колеблясь, бросился к ним. Люди были еще на том же месте, когда йети, недалеко от них, осторожно выглянул из-за валуна. Они рассматривали снег и о чем-то переговаривались. И тут Аур решился на, казалось бы, невозможные для него действия – он резко крикнул. Люди, как по команде, обернулись, йети крикнул снова и, когда они побежали в его сторону, стал спускаться. Искусно прячась за камнями, заманивая людей криками, он вел их к лежащему внизу беспомощному человеку.

У завала Аур снова взглянул в широко раскрытые глаза раненого, спрятался за утесом и в последний раз пронзительно крикнул. Люди сбегали вниз и, услышав стон, склонились над лежащим.

Аур, быстро пробираясь между скалами, догонял ушедшую Улу. У вершин злобно завывал ветер. В горах начиналась пурга.

Виктор Рожков

ПЛАТО ЧЕРНЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Старый пастух

Стоянка пастухов – две большие, обтянутые кошмой юрты – располагалась в нескольких километрах от главной базы альпинистов, и вскоре Кратов увидел огонь большого костра и сидящих вокруг него людей.

Пастухи – шумный, говорливый народ – радушно встретили Кратова.

Немного поговорив с ними, Кратов отошел к юрте, где у входа, ссутулившись, сидел Кунанбай. Это был глубокий старик с длинной седой бородой, с умным выразительным лицом. На вопрос о своих годах Кунанбай отвечал уклончиво («Может, сто, может, больше»), но, обладая прекрасной памятью, приводил столь давние случаи из своей жизни, что можно было с уверенностью сказать: человек этот прожил на земле значительно более века.

– Посоветоваться к тебе пришел, – без обиняков сказал Кратов, зная, что старик любит прямой деловой разговор.

– Какой совет нужен, говори, – поднял голову Кунанбай, дружелюбно глядя на Кратова задумчивыми светло-желтыми глазами.

– Вот уже дважды за последний месяц люди видели в горах непонятные следы, – начал Кратов. – Встречались ли тебе раньше такие?

– Следы? – насторожился Кунанбай.

– Да, – подтвердил Кратов. – Это не так уж далеко отсюда, в долине реки Балянд-су.

Он рассказал Кунанбаю, что следы видели охотники, а также группа альпинистов, возвращавшихся после неудачного похода в Бледные горы. Можно было принять эти следы за медвежьи, но охотники ясно видели отпечатки только двух лап с четырьмя малыми пальцами и одним большим, немного сдвинутым на сторону.

Кратов пригладил светлые, коротко стриженные волосы, потер ладонью высокий загорелый лоб и, усмехнувшись, добавил:

– Чего не померещится в горах усталому человеку! Но я получил задание еще раз попытаться пройти к Бледным горам и выяснить все, что можно, об этих следах. Ты понял меня, Кунанбай?

Старик чуть качнулся вперед, устало прикрыл глаза.

– Идут разговоры о каких-то «снежных людях», – как бы вскользь заметил Кратов, – и многие утверждают, что это их следы. Мне бы хотелось знать, что думаешь ты об этом, Кунанбай?

– В старину говорили: хочешь догнать ветер – седлай двух коней. Хочешь найти чудо – седлай трех: первый повезет тебя, два других – твое терпение. Если ты пойдешь в Бледные горы с сомнением, не будет у тебя удачи. Людям надо верить: один ошибся, второму показалось, но много глаз видели эти следы.

– Прости, Кунанбай, – перебил его Кратов, – но, по-моему, это сказки...

– Сказки, говоришь ты? – переспросил старик, и глаза его блеснули живо, по-молодому. – Я ходил в горы еще тогда, когда твой отец был грудным младенцем. Снежный человек есть! – повысив голос, воскликнул Кунанбай. – Он рождается среди снега и камня, знает тайну черного дерева. А Бледные горы хранят эту тайну.

– Подожди, Кунанбай, расскажи по порядку, – попросил Кратов. – Что это за тайна черного дерева, откуда ты слышал о ней?

– Народ говорит, – негромко, с оглядкой, пояснил старик, – снежные люди бывают там, куда нам нет дороги. Там, на вершинах Бледных гор, есть черное дерево; дым его может исцелить любую болезнь и продлить жизнь...

– Кто тебе говорил об этом? – настаивал Кратов.

– В горах ходят разные люди, все они знают о черном дереве и снежном человеке, – уклончиво ответил Кунанбай. – Индусы и шерпы зовут его «йети», китайцы – «миге» – дикий человек...

– Не будем спорить, Кунанбай, – поднялся Кратов. – Я думаю начать поиски этих следов с долины Балянд-су.

– Ты решил пробраться к поясу Бледных гор? – бесстрастно спросил Кунанбай.

– Да! – нахмурившись, подтвердил Кратов. – Поищем там, осмотримся, есть же где-нибудь проход...

– Много людей пытались пройти туда, – задумчиво произнес Кунанбай. – Ой много! Одни возвращались с полдороги, другие оставались навсегда в горах...

– Ты не советуешь мне идти? – прямо спросил Кратов.

– Как я могу советовать, когда ты уже решил. Подбери надежных людей, и да сопутствует успех твоим помыслам!

– Спасибо, Кунанбай! – поклонился Кратов и, улыбнувшись, добавил: – Если я увижу снежного человека, обязательно расскажу тебе об этом. Прощай!

– Коню – добрые копыта, песне – вечность, смелому – удача! – ответил пословицей старик. – Прощай, друг!

Он долго задумчиво смотрел вслед Кратову, и в глазах его была тоска, словно Кунанбай жалел, что сам не может идти в горы с этим человеком.

Встреча

На восьмые сутки своего пути горный отряд экспедиции профессора Самарина вышел к долине реки Балянд-су. Солнце только что спряталось за гребень ближайшей горы, но багрово-красные отсветы его лучей еще долго бродили по небу, и нежная розовато-светлая дымка висела над долиной. С ревом, грохотом мчалась река среди огромных коричневых валунов, и у края ледника, отступавшего, казалось, перед ее бешеным напором, резко сворачивала влево.

Здесь на одной из каменистых площадок, хорошо защищенной от ветра глыбами грязно-серого льда, решили устроить привал.

Профессор Самарин, веселый, общительный человек, был на этот раз необычно задумчив. Молча сняв рюкзак, он отошел в сторону и за все время, пока ставили палатки и готовили ужин, не прооронил ни слова.

Худощавое энергичное лицо с открытым взглядом светло-серых глаз было сумрачным. Казалось, какая-то тревога гнетет старого ученого.

— Я думаю о судьбе группы Кратова, ведь маршрут ее проходил где-то здесь. Во всяком случае, они обязательно должны были побывать в долине, — сказал он своему помощнику Андрею Стогову — молодому плечистому здоровяку, одетому в короткую альпинистскую куртку.

Не одного Самарина занимала эта печальная, а вернее, трагическая история, так как поиски бесследно исчезнувшей группы Кратова не дали никаких результатов.

— До сих пор я не верю в их гибель, — задумчиво продолжал Самарин. — Никто и никогда не мог упрекнуть Кратова в безрассудном риске, а его осведомленности и знанию этих мест позавидует любой из нас.

— Если не ошибаюсь, — спросил Стогов, — группа Кратова имела задание разведать подходы к скалистому поясу Бледных гор после той на шумевшей истории со следами снежного человека?

— Да, вот вам еще одна загадка здешних гор, — усмехнулся Самарин. — Гм... Если все это не вымысел, в наш век, век атомной энергии и сверхдальних ракет, войдет человек в самом что ни на есть первобытнейшем состоянии.

После того как стихли разговоры и улеглось оживление, вызванное словами профессора, Стогов придвинулся к нему и негромко спросил:

— А что, если Кратову действительно удалось увидеть снежных людей, ведь он не мог рассчитывать на любезный прием с их стороны, как вы думаете?

— Ну, батенька, это уж слишком! Вы, — так сказать, перепантазировали. Давайте-ка отдыхать, друзья!

В темноте едва угадывались контуры ближних гор. Прохладный сырой ветер лениво веял над сонной долиной, затухающий костер подслеповато мигал багрово-синими огоньками, и только одна Балянд-су шумела среди валунов, нарушая покой редкой здесь погожей ночи.

Наутро, миновав изрытую, в каменистых россыпях речную пойму, отряд профессора Самарина вышел к краю лед-

ника. Справа непокорно, дико вздымались гребенчатые уступы вершин, окруженные редкими красноватыми облаками. Слева поблескивали обрывистые бока гигантского каменного уступа, а еще дальше лежали узкие поля фирнового льда, отливающего светло-золотистыми отблесками яркого солнца.

Путь отряда проходил мимо этих полей, к террасе из буро-серых скал, замкнувших в огромную подкову склоны ледника. Каждый шаг давался с трудом. На острых, изрезанных трещинами камнях скользили ноги, но стоило немного отступить в сторону, как человек по колено проваливался в мелкозернистую россыпь фирна, выбраться откуда стоило немалых усилий.

Путь был так тяжел, что почти не оставалось времени для того, чтобы разглядывать окружающий ландшафт, и вначале никто не обратил внимания на странный предмет, чернеющий метрах в двухстах у засыпанного снегом каменистого склона. Издали он напоминал большой матерчатый мешок или тюк, случайно оставленный кем-то в этом пустынном краю.

Каково же было удивление Самарина и его спутников, когда они увидели, что этот странный предмет движется. В горах, особенно на большой высоте, где в разреженном воздухе, несмотря на его прозрачность и чистоту, преломление лучей создает порой самые фантастические и причудливые миражи, все это могло показаться обманом зрения.

Но через некоторое время, когда все убедились, что в их предположении нет ошибки и темный предмет продолжает двигаться, Самарин приказал свернуть к кромке каменистого склона.

— Товарищи, — отрывисто вскричал Стогов, опуская бинокль, — да там человек! Ей-богу, человек! — И, уже не разбирая дороги, рискуя ежеминутно провалиться в трещину или в один из узких клинообразных колодцев, что так густо усеяли основание ледника, бросился вперед, увлекая остальных.

Рассказ Андросова

По хрупкому ледяному насту полз человек. Судорожно, словно повинаясь какой-то невидимой воле, человек выбрасывал вперед руки, цеплялся за выступы льда и медленно подтягивал вперед тело, чтобы через минуту повторить все это вновь.

Вид его был страшен. меховая куртка с разодранными в клочья рукавами, лицо, заросшее грязно-серой бородой, обмороженные щеки и уши...

Но больше всего поражали глаза. Широко открытые, горящие лихорадочным яростным блеском, способным, казалось, растопить ледяную плиту, по которой он сейчас полз. Не замечая того, что возбужденные, жестикулирующие люди окружили его, человек продолжал двигаться вперед резкими судорожными рывками до тех пор, пока Стогов не преградил ему путь, придержав за плечи. Незнакомец попытался подняться, заговорил что-то быстро, неразборчиво и вдруг, сникнув, упал на бок, широко раскинув руки.

— Ну что, как он? — нетерпеливо спрашивал Самарин врача экспедиции.

— Видите сами, — недовольно отвечал врач, быстро распаковав рюкзак с медикаментами. — Обморожен, без сознания, ушибы и кровоподтеки по всему телу. Не понимаю, как он полз! Что-то невероятное!

— Несомненно, он из группы Кратова, — сказал Самарин. — Я не знаю там всех, но он только оттуда, других людей здесь не может быть!

— А снежные люди? — робко и неуверенно спросил кто-то из геологов.

— Не говорите нелепостей! — рассердился Самарин. — Объявляю дневку. Ставьте палатки, радисту немедленно связаться с базой!

Несмотря на добрый, покладистый характер Самарина, в экспедиции знали, что в делах службы он строг и взыскателен.

Поэтому после его слов все быстро принялись за устройство лагеря.

Погода в горах, особенно здесь, среди неприступных вершин горного Памира, настолько переменчива, что никогда нельзя предугадать ее капризов. Так было и на этот раз. Сообщив на базу свои соображения и догадки о найденном человеке и вызвав санитарный самолет, Самарин решил, что завтра они смогут двигаться дальше. Но разыгравшаяся метель сорвала все его планы.

Больше всего Самарина беспокоило состояние больного.

Он бредил, метался, рвал на себе одежду и, несмотря на все усилия врача, не приходил в сознание.

Только к вечеру второго дня, когда, вслушиваясь в завывания метели, Самарин, Стогов и доктор уже готовились ко сну, больной, лежавший до этого в забытии, открыл глаза и в первый раз осмысленно и недоуменно огляделся вокруг.

— Где я? — спросил он, облизывая сухие, потрескавшиеся губы. И после того, как Самарин коротко сообщил о том, как они нашли его, долго лежал молча, словно заранее подыскивая слова для предстоящего большого разговора.

— Фамилия моя Андросов, — медленно начал он. — Я из группы Кратова...

— Что с Кратовым? — быстро спросил Самарин.

— Вы знаете, зачем мы вышли к скалистому поясу Бледных гор, об этом много говорили в свое время, — как бы не слыша вопроса, продолжал Андросов. — Никто из нас, пожалуй и сам Кратов, не верил в существование этих следов, слишком уж фантастической казалась вся эта история. Все мы не новички в горах, а о Кратове и говорить нечего, но на этот раз нам не повезло. Мы много раз пытались подняться на первый уступ террасы или хотя бы пройти до половины ущелья, но каждый раз ни с чем возвращались обратно. Надо вам сказать, что во время наших поисков мы нигде не видели ничего похожего на следы, и Кратов не раз честил тех, кто так упорно твердил о существовании снежного человека. Это продолжалось до тех пор, пока Кратов не предложил нам смелый, но рискованный план.

Левый гребень ущелья был единственным местом, по которому можно было пробраться вверх, но путь словно нарочно преградили рыхлые снежные карнизы. Достаточно было небольшому камню сорваться вниз, как это сразу бы вызвало лавину.

— Но Кратов все-таки решил идти карнизом? — заинтересованно спросил Стогов.

— Да! — подтвердил Андросов.

Было заметно, что рассказ утомил его. Он дышал тяжело, прерывисто, пальцы беспокойно ощупывали одеяло, словно это была не мягкая ворсистая ткань, а бугры и впадины ледяного поля.

— ...Когда мы начали подъем, Кратов и Зимин шли в первой связке, а я с Паньковым следовали за ним. Расщелина — выход на скальную территорию виднелась метрах в трехстах впереди... Мы уже миновали половину пути, когда Кратов вдруг негромко свистнул и предостерегающе поднял руку. Как я вам уже говорил, он шел первым и к тому времени выбрался на высокий ступенчатый порог, наискось прорезающий ущелье. Напарник его, Зимин, подбирая веревку и услышав свист, остановился. Остановились и мы. Ведь мы находились ниже его и не могли видеть того, что видел Кратов, стоя на уступе порога. Вначале он обеспокоенно вглядывался вперед, потом резко и как бы испуганно отступил к краю порога. Я хорошо запомнил эту минуту. Он крикнул что-то неразборчивое, словно предупреждал нас, и это было последним, что я услышал от Кратова. Вверху замелькали какие-то тени, раздался дикий, раздирающий душу вой, грохот, и, подхваченный вихрем лавины, я сразу же потерял сознание...

Андросов умолк и попросил пить. Зубы его стучали о край эмалированной кружки, и Стогов, поправляя изголовье, ощутил жар, охвативший тело больного.

— Что же было потом? — осторожно осведомился Самарин, с трудом сдерживая волнение.

— Плохо помню, — ответил Андросов. — Видно, потому, что я стоял ниже всех, меня выбросило к подошве склона. Я ползком добрался до нашей временной базы и здесь вновь

потерял сознание. Больше недели жил там: ждал, может быть, вернутся наши, потом решил ползти, выбраться отсюда... Андросов хотел, видимо, еще что-то сказать, но голова его бессильно откинулась набок, и он медленно опустил вздрагивающие веки.

– Обморок? – тревожно привстал Самарин.

– Да, кажется, так. – Врач взял руку Андросова и, слушая пульс, сердито добавил: – Напрасно мы утомляли его разговорами.

– От этих разговоров, доктор, – строго сказал Самарин, – зависит, может быть, судьба его и наших товарищей. Как знать, а вдруг где-нибудь и Кратов ползет вот так, как он.

– Он же был у базы, а Кратов...

– Вы впервые в горах, доктор, и еще не знаете хорошо здешних людей...

– Он ошибся! – громко и отчетливо проговорил вдруг Андросов, не открывая глаз.

Стогов, Самарин и доктор недоуменно переглянулись.

– Ошибся Кратов! – продолжал тем же размеренным, странно безразличным голосом больной. – Он увидел первый, а я потом!

– Что вы увидели? – настороженно переспросил доктор, опуская руку на пылающий лоб больного.

– Кратов не верил, а между тем это они, да... и потом на скале у расщелины, я сам видел!.. – уже бессвязно и хрипло произнес Андросов.

– Бредит! – заключил врач. – Придется делать укол.

– Да, да! Поторопитесь! – склонив голову, Самарин задумчиво потер лоб короткими сильными пальцами.

Метель не прекращалась. Снег шуршал по брезентовым стенам палатки, как шуршат осенью гонимые ветром листья.

Слова больного, несмотря на всю бессвязность, насторожили Самарина, и он долго, мучительно думал над ними, прислушиваясь к шуму метели...

Новый маршрут

Санитарный самолет прилетел на вторые сутки, когда стихла пурга и ничто, кроме вереницы высоких сугробов, густо покрывших долину, не напоминало о вчерашнем ненастье.

Выполняя просьбу Самарина, переданную им по радио в главную базу, самолет перед посадкой долго кружился над долиной, взмывая вверх, скользил вдоль отвесных скальных террас, нырял в темноту горных распадов.

Сразу после посадки, поздоровавшись с летчиком, Самарин позвал его с собой.

Они вышли на гребень ледяного плато, откуда как на ладони была видна долина с чернеющей впадиной ущелья.

— Значит, вы хорошо осмотрели эту местность? — пытливо спросил Самарин, показывая рукой на ледник и уходящие к горизонту гряды скалистых уступов.

— Да, во всяком случае, я старался сделать это как можно тщательнее. Вы же знаете, профессор, что там нагромождено.

— Знаю, мой друг. И вы нигде не замечали ничего, что указывало бы вам на присутствие в тех местах человека?

— Нет, не замечал.

— А в ущелье?

— Оно слишком узко, чтобы там прошел самолет, а тень от скал и снежные карнизы почти до половины закрывают его.

— Ни сверху, ни снизу... — задумчиво проговорил Самарин. — Горы умеют беречь свои тайны. Что ж, пожелаю вам счастливого пути!

Вечером, после того, как радист, окончив переговоры, вручил Самарину несколько радиogramм, тот вызвал к себе Стогова и командира группы альпинистов, следовавших вместе с отрядом.

— Обстановка сложилась так, товарищи, — начал Самарин, расстилая перед собой карту, — что нам на время придется отложить наши изыскания. Мы не имеем права двигаться

вперед, пока не выясним причины этого обвала, о котором говорил Андросов. Это не только законный, но, если хотите, и научный интерес. Что увидел Кратов, поднявшись на ступенчатый порог ущелья, что так удивило и даже напугало его? Потом эти тени и вой перед лавиной! Андросов бредил, но некоторые моменты его рассказа насторожили меня. Ущелье, по которому они пытались проникнуть на скальный пояс, называется Ущельем скользящих теней. Охотники бывали там и, видимо, не зря так называли его.

– Чертовщина какая-то, – усмехнулся Стогов. – Дорого бы я отдал, чтобы побывать там!

– Должен разочаровать тебя, Андрей Иванович, – мягко, с подкупающей добротой произнес Самарин. – В штурмовой группе пойду я, ты останешься с отрядом.

– Но позвольте, почему?! – возмутился Стогов.

– Об этом поговорим на месте.

– Значит, идем к ущелью? – спросил командир альпинистов Редько, строгий немногословный человек с продолговатым шрамом на бледном лице.

– Да, вот подтверждение. – Самарин показал одну из радиограмм. – Выходим завтра, давайте наметать маршрут.

Он придвинул фонарь, и все трое склонились над картой...

Как и следовало ожидать, сообщение Андросова вызвало большой интерес в ученом мире. После того как он был доставлен в город и здоровье его улучшилось, врачам больницы, где лежал Андросов, приходилось выдерживать целые сражения с посетителями, стремившимися под разными предлогами проникнуть к отважному альпинисту. К нему шли корреспонденты областных и центральных газет, секретари ученых обществ, о нем писали, говорили по радио, на его имя ежедневно поступали десятки телеграмм и запросов. На ближайшие дни было назначено заседание выездной сессии Академии наук.

Профессор Саламатов – крупнейший знаток и исследователь Памира выступил со статьей, в которой пытался проанализировать события последних дней.

«Высокогорные районы нашей страны – Памир и Тянь-Шань – хранят еще немало загадок, – писал Саламатов. – И нет ничего удивительного, что общественность проявляет такой интерес к сообщению альпиниста Андросова. Поскольку мнения в этом вопросе резко разделились, я, не пытаясь мирить спорящих, выскажу свои взгляды.

Существует ли в действительности так называемый снежный человек?

Есть факты, приведенные альпинистом Андросовым, человеком мужественным и безусловно правдивым; но он сам говорит, что видел снежных людей в полузабытьи, когда полз по склону ледника, и нет ничего удивительного, что все это могло показаться ему. С другой стороны, природные условия этой части горного Памира, гигантские ледники и недоступные для восхождения скальные террасы допускают, что там сохранились в полной изоляции от цивилизованного мира первобытные люди, приспособившиеся к суровому климату. Думаю, что единственно правильный, достоверный ответ на эти вопросы даст экспедиция профессора Самарина, горный отряд которого приступает с завтрашнего дня к штурму скального пояса Бледных гор. Условия там исключительно тяжелые, и, видимо, никогда еще нога человека не ступала по склонам и карнизам этих отвесных пятисотметровых стен. Нависшие над ними скальные уступы исключают применение вертолетов, но будем надеяться, что мужество и настойчивость наших людей принесут победу отечественной науке».

Ущелье скользящих теней

Мастер спорта Редько, возглавлявший группу альпинистов в экспедиции профессора Самарина, был большим знатоком своего дела. Он участвовал в восхождении на одну из величайших вершин Памира – Хан-Тенгри, имел за плечами еще несколько не менее трудных горных штурмов, но

он удивленно присвистнул, когда отряд Самарина вышел к Ущелью скользящих теней.

– Ловушка! – определил одним словом Редько, с интересом осматривая мощные снежные стены и карнизы с черными пятнами отвесных скал.

– Не понимаю, чем руководствовался Кратов, выбирая такой маршрут, – недоуменно произнес Самарин. – По этому гребню невозможно пройти, не вызвав обвалов.

– Не совсем так, – нахмурился Редько. – Я знаю Кратова, и раз он начал здесь подъем, у него, безусловно, были на это свои соображения.

– Что же вы предлагаете? – спросил Стогов.

Их окружили остальные участники экспедиции. Все они с интересом ожидали слов Редько, зная, что мнение его в этом вопросе будет решающим.

– Предлагаю перед подъемом вызвать обвал, этим мы избавимся от главной опасности. Затем штурмовой группе добраться до ступенчатого порога, о котором говорил Андросов и, так как он наискось перерезает ущелье, дальнейший путь продолжать под его прикрытием.

– Да, но в лучшем случае порог даст нам возможность подняться только до половины ущелья, а что делать потом?

– Увидим на месте. На первый раз и этого будет много.

– Я согласен! – подытожил Самарин. – Назначаю состав штурмовой группы: командир Редько, затем Панин, Смольков и я. Тебе, Андрей Иванович, держать связь с главной базой, остаешься здесь за меня.

Зная, что Самарин никогда не меняет своих решений, Стогов вздохнул и безнадежно развел руками, словно подчеркивая свою обиду на профессора.

Обвал вызвали без особого труда. Подняв карабин, Стогов выстрелил. Стены ущелья, ближние и дальние горы откликнулись мощным громогласным эхом, и сейчас же с одного из карнизов сорвалось облако снежной пыли. Медленно нарастая, оно катилось вниз по ущелью, воздух дрожал от грохота камнепада, вызванного лавиной...

Дождавшись, пока осядет снег, Самарин сделал еще несколько распоряжений, и штурмовая группа тронулась в путь. По предложению Редько шли в общей связке: он первым, за ним Самарин, следом Панин и Смольков, молодые, но бывалые альпинисты.

Самарину казалось, что он поднимается по длинному темному коридору, стены которого постепенно сходятся одна с другой, грозя вскоре преградить дорогу...

Рассчитывая каждый шаг, двигались альпинисты в настороженной тишине ущелья.

Через несколько часов тяжелого изнурительного пути Самарин и его спутники выбрались к ступенчатому порогу. Ступенчатый порог был волнистым наслоением каменных глыб, размежеванных полосами светло-голубого льда. Большая часть его уже осталась пройденной, когда все ясно услышали пронзительный многоголосый вой, сейчас же поглощенный гулом второй лавины. Предусмотрительность Редько спасла альпинистов. Не будь они сейчас под прикрытием порога, их в секунду смяло бы и унесло вниз, как это было с группой Кратова. Поэтому все с нетерпением ждали той минуты, когда осядет снежная пыль и они смогут двигаться дальше.

Когда к вечеру альпинисты выбрались на верхний край порога, глазам их предстало дивное зрелище. Агатовые, словно отполированные, стены отражали на своей поверхности лучи заходящего солнца, и легкие, прозрачные тени веером разбегались от них, скользили по ущелью. Они мелькали в распадах, расщелинах, на снежных склонах и обнажениях фирнового льда, достигая светло-розовых облаков, низко плывущих над хаосом обрывистых вершин. Круговорот теней создал впечатление, что весь воздух в ущелье вращается как в гигантской воронке. От этого кружилась голова, было тревожно и вместе с тем хорошо стоять вот здесь, в последние минуты уходящего дня.

Возможно, что альпинисты долго бы еще любовались этим зрелищем, но вновь раздался пронзительный гортанный крик, принадлежащий, без сомнения, живому существу.

— Смотрите! — взволнованно воскликнул Самарин. — Это, безусловно, оттуда! — Он указал на темный овал пещеры, служившей естественным входом на первую ступень скального пояса.

Крик повторился еще и еще с равными промежутками. Теперь он был не таким злобным, как раньше, в нем слышались жалоба, тоска.

Показав на минуту край огромного темно-багрового диска, солнце скрылось за уступом зубчатой вершины, и тени, промчавшиеся в последний раз по стенам ущелья, растаяли в надвигающихся сумерках. Осыпь мелких камней градом застучала по ледяному склону, и темная человекообразная фигура возникла на краю пещеры. Несколько минут человек или существо, похожее на него, стояло на месте, потом взмахнуло непомерно длинными конечностями, склонилось над обрывом, словно пытаясь получше разглядеть альпинистов, и исчезло так же внезапно, как и появилось.

Самарин и его спутники, как зачарованные, стояли на месте, боясь шелохнуться.

В пещере

Ночь прошла спокойно, но почти никто из альпинистов не спал. Долго перешептывались Панин и Смольков. Откинув полог палатки, лежал с открытыми глазами Самарин. Подложив руки под голову, едва слышно насвистывал что-то Редько.

Плотные темно-бурые облака вереницей плыли над ущельем. Влажный порывистый ветер доносил из долины тревожный шум горных потоков.

Как только взошло солнце, альпинисты, наскоро закончив немудреный завтрак, вплотную подошли к отвесной стене перед входом в пещеру. Это была обледенелая гранитная глыба, покрытая сеткой мелких продолговатых трещин, при первом же взгляде на которую Редько понял, что

взять ее в лоб будет невозможно. Влево за ледяными карнизами зияла пропасть, а над ней громоздились каменистые уступы с острыми зубцами, напоминающие перевернутую вверх пилу.

– Вот она, дорожка! – хмуро проговорил Редько, показав на уступы. – Вчетвером тут делать нечего. Разрешите, профессор, мы с Паниным попытаемся?

– Нет уж, милейший, – усмехнулся Самарин, – пытаться будем мы с вами. – И, повернувшись к молодым альпинистам, закончил: – Вам, друзья, быть здесь наготове, как говорится, в случае чего – поможете!

Редько согласно кивнул головой, и, проверив снаряжение, они молча двинулись к пропасти, на краю которой громоздились гранитные уступы. Вбивая скальные крючья, подтягивая друг друга за связывающую их веревку, Редько и Самарин поднимались вверх.

Метров за двадцать до вершины карниза увидели глубокую извилистую трещину и уже по ней после многочасовой нечеловечески трудной работы, поминутно рискуя сорваться, они выбрались ко входу в пещеру.

Вход, или, вернее, высокая узкая щель с полукруглым, словно нарочно отесанным сводом, была теперь совсем рядом.

Немного отдышавшись, Самарин уже направился ко входу, как вдруг Редько остановил его, придерживая за локоть.

– Посмотрите, профессор, – указал он на грудку камней, на которую они вначале не обратили внимания.

Самарин оглянулся и удивленно отступил назад. Ему, человеку, проведенному столько лет в горах, хорошо было известно, что на такой высоте не могло быть никакой растительности. А между тем среди камней лежали толстые ветви и обломки ствола необычного на вид темного дерева. Дерево было сучковатым, с бугристыми иссиня-черными, точно покрытыми лаком, наростами, и профессор, отлично знакомый с флорой Памира, мог твердо сказать, что ничего подобного он не встречал во время своих экспедиций и походов по этому краю.

– Как вы думаете, – спросил он у Редько, – каким образом попали сюда эти сучья, не могло же их занести ветром?

Редько к этому времени, осматривая камни, отошел в сторону и поманил к себе профессора.

– Вот, – указал он на остатки потухшего костра и покрытую копотью плоскую гранитную глыбу, – здесь разводили огонь, и заметьте, профессор, недавно. Это поинтересней вашей находки.

– Ого! – удивился Самарин. – А ну-ка, ну-ка, дайте мне. – Он долго разглядывал находку, ощупывал пальцами и даже пытался сплющить ее.

– Банка новая, попала в костер недавно, – заключил он. – Безусловно, здесь были люди, но откуда?

Редько хмуро пожал плечами, немного подумав, сказал:

– За это время в здешних местах не проходило ни одной альпинистской группы, да и вообще о восхождении на скальный пояс было бы известно.

– Вы полагаете, – насторожился Самарин, – что Андросов ошибся и из их группы еще кто-нибудь остался в живых?

– Человек, побывавший здесь, – умелый, опытный альпинист, – неторопливо проговорил Редько. – Но он пришел сюда не нашим путем. Без скальных крючьев сюда не подняться, а мы обязательно заметили бы их в стене.

Самарин огляделся и, видя вокруг отвесные гладкие скалы и массивные неприступные карнизы, только удивленно развел руками.

– Я не берусь спорить с вами, но, по-моему, другой дороги нет!

– Видимо, есть, – как бы про себя заметил Редько, – и, возможно, мы еще узнаем об этом. Идемте, профессор!

– Да, да, – заторопился Самарин, – идемте. – И, поправив рюкзак, первым ступил под своды пещеры.

Бурые ребристые стены и такой же потолок подпирали колонны из прозрачных сталактитов, похожих издали на гигантские оплывшие свечи. В пещере царил полумрак, но Самарин разглядел несколько темных фигур у противоположного входа, ведущего на вторую ступень террасы.

— Вы видите? — вполголоса спросил он у Редько. — Вон там, впереди?

— Вижу. Идемте туда!

Но не успели они сделать и трех шагов, как раздался уже знакомый им вой и камень с силой ударился в стену над их головами.

Самарин хотел только одного: увидеть наконец вблизи этих таинственных снежных людей, и, не думая об опасности, он бросился вперед.

— Стойте! — закричал Редько, видя, как несколько коренастых длинноруких фигур метнулось навстречу Самарину.

Редько в два прыжка догнал его и, схватив за рукав, с силой отдернул в сторону. Камни градом застучали вокруг, и один из них, отскочив рикошетом от стены, ударил Самарина.

— Смотрите! — воскликнул он, показывая Редько острый выщербленный камень, вделанный в обломок темного дерева. — Это же топор, настоящий топор каменного века! Вы только подумайте!

Редько, не разделявший восторгов профессора, увлек его к подножию сталактитовой колонны. Достав бинт, он наскорю разрезал куртку, из-под которой сочилась кровь, и, забинтовав Самарину плечо, осторожно выглянул из-за ледяного выступа.

Тусклый свет, едва проникавший в пещеру, не мог рассеять ее полумрак, и Самарин пожалел, что не захватил с собой карманный фонарь. Как бы он нужен был сейчас! На минуту, на один момент осветить площадку перед сталактитовой колонной, куда уже вползали снежные люди.

— Вот что, — сказал молчавший до этого Редько, — пугнука я их, профессор!

— То есть как это пугну? — возмутился Самарин. — Мы на пороге открытия, а вы хотите... — не договорив, он резко отдернул голову. Камень величиной с арбуз, пролетев рядом, с гулом ударился о хрупкую поверхность сталактита, и часть его, образуя основание колонны, звонко, как стекло, рассыпалась на кусочки.

Тогда Редько, уже не слушая больше Самарина, выхватил ракетницу и, вскинув руку, нажал курок. Вспыхнул ослепительно яркий свет. Ожили, заискрились многоцветными огнями ледяные оплывы сталактитов, и, ударившись в сводчатый потолок пещеры, ракета рассыпалась сотнями быстрых светло-огненных пчел.

— Теперь пошли! — крикнул Редько и, размахивая ледорубом, бросился вслед за снежными людьми, мохнатые тени которых уже мелькали у выхода на вторую террасу.

Вместе с подросшим Самариным Редько выскочил на открытую скальную площадку. Вокруг было пусто, лишь пронизывающий ветер гнал плотные, непривычно близкие облака. По стволу гигантского обугленного дерева, переброшенного над пропастью к уступам второй террасы, перебежал последний из снежных людей, и тогда Самарин, не раздумывая, последовал за ним.

— Что вы делаете, профессор?! — с отчаянием воскликнул Редько, видя, как, неловко размахивая руками и чуть не сорвавшись вниз, Самарин уже перебежал на противоположную сторону террасы. Едва он успел скрыться в узкой расщелине, как сверху посыпались мелкие камни, а вслед за ними ринулись вниз несколько светло-зеленых ледяных глыб.

Когда улеглась снежная пыль, бледный от волнения Редько увидел, что лавина не только унесла с собой черный ствол, но и обломала края гранитных карнизов.

Двое суток жил Редько в пещере. По несколько раз в день подходил он к краю пропасти, звал, кричал, стрелял из ракетницы, но все было напрасно, Самарин не появлялся.

Иногда он начинал упрекать себя, почему не последовал за профессором, но сейчас же голос рассудка подсказывал ему, что он поступил правильно. Самарину, безусловно, нужна будет помощь, а чем он мог помочь, если бы подобно профессору очутился по ту сторону пропасти, отрезанный от живого мира? Единственный выход был в том, чтобы поскорее спуститься в долину и, взяв с собой людей, немедленно возвратиться обратно.

Да, да, он так и поступит.

Редько, взяв обутленную головню и выбрав на стене место посветлей, вывел крупными буквами: «Я пошел за людьми, держитесь!» – рассчитывая, что Самарин, если вернется сюда, обязательно прочтет эту надпись.

Немного постояв у пропасти, Редько направился к площадке у входа в пещеру, где они впервые увидели с Самариным остатки костра.

Спуск в одиночку по отвесной скале был еще более трудным, чем подъем. Редько окинул петлей скальный крюк, забитый им же при подъеме, и, медленно потравливая веревку, повис над бездной.

События в долине

Андрей Стогов с нетерпением ожидал возвращения профессора Самарина и его группы. Он верил в знания и опытность своего учителя, в находчивость и умелость Редько и, возможно, чувствовал бы себя спокойнее, если бы не странные, неожиданные события, разыгравшиеся здесь после ухода профессора.

Лагерь Стогова располагался между массивными каменными глыбами, образующими надежный барьер, за которым альпинисты могли укрыться в случае обвала. Метрах в двухстах от лагеря пенистая, стремительная Балянд-су растекалась на несколько рукавов, образуя подобие озера, окаймленного невысокими гранитными уступами. Рядом лежала волнистая галечная насыпь, напоминающая издали огромную подкову.

Однажды ночью Стогов был разбужен дежурным, в обязанности которого входило поддерживать огонь костров и охранять лагерь.

– Андрей Иванович, Андрей Иванович, – встревоженно говорил дежурный, склонившись к Стогову, – вы слышите?

– Что, – приподнявшись, спросил Стогов, – о чем ты?

– Вы прислушайтесь, – досадливо повторил дежурный, откидывая полог палатки.

Две-три минуты было тихо, и вдруг откуда-то издалека донесся протяжный крик. Жалобный, унылый, он плыл над сонной долиной и ущельем, заставляя тревожно сжиматься сердце, и Стогов, повинуясь беспокойному щемящему чувству, торопливо выбежал из палатки.

– Непохоже, чтоб кто из наших, – высказал свою мысль дежурный. – Голос какой-то странный.

В минуты раздумья лицо Стогова приобретало мальчишеское задорное выражение, и весь он, порывистый, энергичный, никак не походил на того серьезного, степенного кандидата наук, каким видели его зимой в аудиториях института.

– Вот что, – решительно сказал Стогов дежурному, – людей не будить, пусть спят. Смотрите тут получше, я один пойду к насыпи.

– Вы думаете, что кричали оттуда?

– Да, как будто бы так. – Стогов закинул за плечи ружье и пошел по берегу к смутно белеющей вдали галечной насыпи. Временами он останавливался, чутко прислушиваясь к звукам туманной сырой ночи, но, кроме глухого шума горных потоков и шуршания мелких камней, не мог различить ничего.

Внимательно, шаг за шагом Стогов осмотрел насыпь и, решив переправиться на другую сторону реки, подошел к камням, где еще с вечера оставил небольшую резиновую лодку.

Стогов хорошо запомнил это место и знал, что из участников экспедиции никто не приходил сюда. Каково же было его изумление, когда, включив карманный фонарик, он увидел развороченные, разбросанные вокруг камни, незнакомые широколапые следы, истоптавшие вдоль и поперек песчаный плес, и обрывок веревки – все, что осталось от его лодки!

– Кто же мог унести ее с собой?

Следы можно было принять за медвежьи, но медведи разодрали бы лодку на месте. Осталось предположить, что

здесь побывали люди. Возможно, что сегодняшние ночные крики тоже связаны с этим...

Стогова охватил нервный озноб. Значит, слова Андросова не были выдумкой больного воображения... Забыв обо всем, Стогов побежал вдоль насыпи: «...Только бы не потерять, не спутать следы. Вот они, рядом, ясно отпечатались. Эх, сюда бы сейчас Самарина...»

Несколько раз Стогов спотыкался, проваливался в снег, больно ударил колено, перепрыгивая небольшую трещину. Но мысль о том, что, возможно, он нагонит, увидит похитителей лодки, неудержимо влекла его вперед.

Кончилась насыпь. Стогов миновал несколько волнистых откосов и только тут заметил, что следы вывели его к Ущелью скользящих теней.

Это было несколько левее того места, откуда Стогов провозжал группу Самарина, но и здесь, выступая из тумана, высились изгибы ступенчатого порога.

Еще несколько минут Стогов шел по следу и вдруг недоуменно остановился. Путь преграждала скала с ледяными оплывами в трещинах. Влево темнел широкий зигзагообразный провал с острыми краями, вправо, уходя в сторону, тянулось ледяное основание ступенчатого порога. Стогов не ошибся, след вел только сюда.

Долго и терпеливо осматривал он каждую трещину, каждую малозаметную выбоину в камне, пытаясь отыскать проход, но старания его не привели к желаемому результату. За этим занятием и застал его рассвет.

Рваные тени краев провала посветлели, стали серыми и наконец совсем исчезли в розовых, багряно-золотистых лучах яркого солнца. День обещал быть погожим. Вереница неприступных вершин отчетливо вырисовывалась на фоне неба.

Расстроенный неудачей своих поисков, Стогов долго стоял на месте, вглядываясь в плотные молочно-белые полосы, что все еще выплывали из ущелья. Его неудержимо потянуло вниз к своим, и, чтобы рассеять чувство одиночества, он сложил руки и, поднеся их ко рту, громко крикнул:

– Эгей-й-й!

Не только горы отчетливым эхом ответили Стогову. Он услышал, как откуда-то из-за тумана донесся взволнованный голос, повторявший:

– Да-да-да! Да-а!

И когда порыв ветра немного приоткрыл туманную завесу, Стогов увидел на гранитном уступе Редько и быстро идущих за ним Панина и Смолькова.

– Здравствуйте, друзья! – радостно приветствовал их Стогов через несколько минут, когда они спустились к подножию барьера. – А где же?..

– Беда, – поняв его вопрос, пояснил бледный, измученный Редько. – Поднимайте народ, идем на выручку!

– Да, но что случилось?

– Подберите пять-шесть наиболее выносливых людей, – как бы не слыша его, продолжал Редько. – Их поведут Панин и Смольков. Мы с остальными выйдем к вечеру. Мне надо немного отдохнуть, иначе я не сумею подняться к этому дьявольскому ущелью!

– Вы достигли скального карниза? – изумился Стогов. – Что же там, наверху?

– Там много такого, рассказывая о чем, не сразу подберешь слова. Но самое главное в том, что снежные люди существуют и профессор остался один на один с ними.

Возбужденно разговаривая, альпинисты вышли на узкую каменистую площадку, откуда уже виднелись палатки лагеря и выходящий над ними дым от большого костра.

Плато черных деревьев

Самарин настолько был увлечен погоней за снежными людьми, что почти не обратил внимания на грохот лавины, раздавшийся за его спиной. Он был уверен, что Редько последовал за ним, и только, миновав расщелину и оглянувшись, понял, что альпинист не успел перебежать на эту сторону террасы.

При других обстоятельствах Самарин, возможно, вернулся бы назад, к пропасти, осмотрелся на месте, поговорил бы с Редько, который, конечно, ждет его на той стороне. Но сейчас нельзя было терять и минуты.

Разве мог он, воочию увидевший снежных людей, не довести до конца это открытие? Новое, еще неизвестное науке, становилось осязаемым, близким. Самарин устремился вперед, стараясь не упустить из виду снежных людей, бежавших уже далеко впереди, между небольших каменных увалов.

Погоня продолжалась еще некоторое время. Самарин миновал с десяток бугристых скальных площадок, с трудом взобрался на ледяной куполообразный гребень и вдруг, пораженный тем, что он увидел отсюда, отступил назад.

Взору открылось огромное плато, похожее на неровную лестницу с длинными плоскими ступенями. По его каменистому полю были разбросаны гигантские стволы того самого дерева, которое Самарин впервые увидел у входа в сталактитовую пещеру. Это было тем более невероятно, что здесь, на такой высоте, среди вечных снегов, не могли расти столь мощные деревья.

Пока ученый разглядывал странные стволы, снежные люди скрылись в распадках, и, сознавая бесполезность погони, Самарин пошел медленнее. Нужно было отдохнуть и хорошенько обдумать свое положение.

Как опытный, бывалый альпинист, Самарин понимал, что дальнейшие поиски будут связаны с тем, насколько у него хватит продуктов. К пещере они поднимались налегке, рассчитывая сразу же вернуться обратно, поэтому запасы профессора были невелики.

Сняв рюкзак, он пересчитал галеты, подержал в руках и опустил обратно две консервные банки и, решив, что может до вечера обойтись без еды, присел на лежащее поблизости дерево. Он с интересом рассматривал его кору с наростами и прожилками, поблескивающую серебристыми кружочками, похожими на слюду. Сколько лет лежали здесь эти стволы? Снежные люди использовали их для своих

нужд; топор, брошенный в Самарина, имел рукоятку из такого же дерева. Интересно, как оно горит?

Когда-то давно, еще будучи студентом, Самарин читал, что тибетские монахи в одном из своих монастырей показывали верующим куски чудесного дерева, упавшего будто бы с неба.

«Может быть, это оно и есть – таинственное, неизвестное науке? Надо обязательно взять с собой образцы». Он поднялся, оглядываясь, выбирая место, где можно было бы набрать сучья разной толщины, и, хотя события сегодняшнего дня приучили его в какой-то мере к необычным картинам, изумленно подался вперед. Не более чем в сотне метров вдоль одной из ступеней плато двигалась группа снежных людей. На плечах они несли надувную резиновую лодку.

Самарин отказывался верить своим глазам, зажимал их, вытирал платком, но наконец убедился, что все это происходит в действительности. «Лодка здесь, на такой высоте, в совершенно безводном месте, да и умеют ли они пользоваться ею?»

Кто мог ответить Самарину!

Белесый туман – предвестник снегопада – все больше затягивал, укутывал плато своими широкими полосами. Хмурилось, темнело небо.

Нет, на этот раз он будет внимательней, и снежным людям не удастся скрыться. Надо только не обнаружить себя.

Он торопливо укрепил за плечами рюкзак, но не успел сделать и десятка шагов, как услышал позади чей-то удивительно знакомый голос:

– Куда вы так спешите, профессор?

Самарин от неожиданности оступился, но сейчас же крепкие руки подхватили его и осторожно поставили на ноги. Рядом с профессором стоял большой широкоплечий человек с загорелым обросшим лицом и смеющимися глазами, одетый в рваную меховую куртку.

– Вы! – воскликнул Самарин. – Вы, Кратов?

– Конечно, я! – усмехаясь, подтвердил альпинист. – Не понимаю, почему это вас удивляет?

– Мы считали вас... – начал было профессор.

– Погибшим, хотите сказать? – подхватил Кратов. – Вы близки к истине. Откровенно говоря, я и сам до сих пор не понимаю, как мне удалось выбраться живым... Вам не надо говорить, что такое лавина... схватило, понесло. Каких товарищей потерял: золотые были люди, – помрачнел Кратов.

Самарин в нескольких словах рассказал ему о судьбе Андросова, о том, как он попал сюда, но, видя, что снежные люди уходят, заторопился:

– Второй раз я не смогу догнать их. Поговорим после, мой друг, идемте!

– Не беспокойтесь, профессор. Потерпите до вечера. Я знаю место, откуда мы сможем беспрепятственно наблюдать за ними.

– Но лодка? – быстро спросил Самарин. – Откуда она здесь?

– Утащили у кого-нибудь в долине, – спокойно пояснил Кратов, словно разговор шел о самых обычных вещах.

Лицом к лицу

– Знаете, профессор, нам можно позавидовать, – с воодушевлением говорил Кратов, когда они пробирались между огромными стволами черных деревьев, в беспорядке набросанных друг на друга. – Любой из ученых отдал бы полжизни, лишь бы очутиться здесь! Я брожу тут вторую неделю и не устаю удивляться. Это как в сказке: вас перенесли на много тысяч лет назад, в каменный век.

– Вы правы, – поддержал его Самарин. – Я отказываюсь верить своим глазам. Снежные люди, эти деревья на пла-то... Не знаю, как и объяснить такое...

– Деревья могли расти здесь раньше, ну а отсутствие почвенного покрова можно объяснить деятельностью ветров.

– Однако! – усмехнулся профессор и мягко, дружественно сказал: – Дорогой мой Константин Иванович, вы делаете научный вывод, словно штурмуете очередную вершину.

Объяснение всех этих явлений — очень сложная штука, тут не нужно торопиться.

Они вышли к небольшому ущелью, до половины загроможденному глыбами грязно-серого льда. Здесь, в юго-западной стороне плато, высились несколько карликовых гор, выглядевших на фоне могучих хребтов малозаметными буторками.

Поднявшись на несколько метров по ледяному склону, Самарин еще раз заинтересованно, с улыбкой спросил Кратова:

— Ну а чем вы объясните, что столь обширное необычное плато оставалось до сих пор неизвестным? Пусть случайно, но самолеты могли пролетать здесь, и залежи черного дерева, безусловно, были бы обнаружены.

— Ответ на этот вопрос, профессор, вы не только услышите, но и увидите завтра. Ветры всему причиной. Сила их здесь не поддается описанию. Они могут в полдня выдуть весь снег с плато, но могут в такой же срок нагромоздить такие сугробы, что все исчезнет под их покровом.

— Что же, разумно, — согласился Самарин. — Но почему именно завтра?

— Погода портится, и нам надо уходить отсюда...

Через полчаса Кратов и Самарин приблизились к ледяному гребню, венчающему ущелье...

Внизу, в ложбине, возле перевернутой лодки, сидели снежные люди. От Самарина их отделяло не более пятидесяти метров. Он был в тени и, прячась за зубчатый край пещеры, мог хорошо рассмотреть почти каждого. Некоторые из них вставали, переходили с места на место, другие сидели на камнях, поджав ноги, с интересом рассматривая и ощупывая лодку.

Неровная, переваливающаяся походка, неуклюжий поворот головы на толстой, очень короткой шее. Самарин убедился, насколько правы были уйгуры и китайцы, называя снежного человека «жень-сю», то есть «человек-медведь».

Но в то же время нельзя было отрицать, что эти существа близки к человеку. Ну, разве не так вот сидят обычные люди, собравшиеся в круг за беседой? Нетерпеливые, по-

рой резкие жесты, будто разговор, который они ведут между собой, очень волнует их.

– Константин Иванович, – спросил профессор у Кратова, – у вас нет с собой фотоаппарата?

– Нет, потерял, – ответил Кратов и со своей обычной усмешкой добавил: – Я рад, что во время обвала сохранил голову, – это важнее.

– Заснять хотя бы пару кадров, это так необходимо! – не обращая внимания на шутку Кратова, проговорил Самарин.

В это время снежные люди, видимо, почувствовали, что за ними наблюдают. Один из них вскочил; несколько минут, словно размышляя о чем-то, постоял на месте, потом, сделав резкое движение головой, с хриплым, коротким криком почти вплотную подбежал к ледяному гребню.

Самарин испытывал сейчас нервное возбуждение, которое не сумел бы, пожалуй, выразить словами: вот он, словно сошедший с картины, его далекий предок – человек каменного века – стоит на гранитной плите, немного сутулясь, вытянув вперед длинные полусогнутые конечности. Могучее рослое тело покрывает короткая рыжеватая шерсть. Плоская, чуть вытянутая кверху голова, с большой нижней челюстью, настороженно поворачивается на короткой широкой шее.

Самарина поразило выражение глаз снежного человека. Светлые, глубоко запавшие, с широко разлившимися зрачками, они смотрели встревоженно и в то же время недоуменно, растерянно. Человеческие глаза! В них в какой-то мере отражались мысли, мелькавшие в голове этого существа. Он с настойчивым упорством пытался понять, объяснить себе, почему и зачем появились здесь существа, так странно похожие на них.

Так во всяком случае казалось Самарину.

– Вы смелый человек, профессор, – шепнул Кратов, вплотную подходя к Самарину. – Но это соседство не очень удобно. Стоит нашему предку схватить камень побольше, и от нас с вами останется мокрое место.

Кратов быстро поднял с земли ветку черного дерева и, вытащив спички, поджег ее.

Как только вспыхнул огонь, в глазах снежного человека мелькнул ужас. Он крикнул протяжно и хрипло что-то вроде «У-э-э-э!», и его собраты с быстротой, какую нельзя было предполагать в них, помчались вдоль лощины, унося с собой лодку.

— Что же вы наделали! — с отчаянием воскликнул Самарин. — Нужно было измерить его рост, описать внешность...

— Не будьте наивным, профессор, — строго сказал Кратов. — Взгляните! — Он указал влево, где туман и неправдоподобно светлые, почти серебристые облака уже закрыли большую половину плато. — Нам надо торопиться, — продолжал Кратов. — Скоро начнется снегопад, и, если он нас застанет здесь, мы будем присыпаны снежком, как и эти деревья.

— Как вы можете шутить в таком положении?! — рассердился Самарин.

— Дорогой профессор, — подняв короткие светлые брови, произнес Кратов. — Я могу по три-четыре дня жить без пищи, но шутка у нас, альпинистов, необходима, как воздух! Не будем задерживаться, идемте!

— Да, но каким путем? Я ведь рассказывал вам, что лавина, вызванная руками снежных людей, уничтожила переход, ведущий к сталактитовой пещере.

— Пойдем другой дорогой, той, по которой шел я и где снежные люди пронесли резиновую лодку из долины.

— Сколько дало бы науке наше сообщение, — не слушая Кратова, с тоской произнес Самарин. — Увидеть столь невероятные вещи — и уходить...

— Но мы не последний день живем, профессор, — сочувственно улыбнулся Кратов. — Я верю, что мы еще встретим снежных людей. Кстати, вон они, видите, тоже уходят.

Самарин поднял голову и уже с трудом различил вдали маленькие длиннорукие фигурки, одна за другой исчезающие в тумане.

Вскоре пошел снег, и Кратов с Самариным едва успели добежать к расщелине, где начинался узкий извилистый проход, ведущий в долину.

Еще давно, будучи в одной из экспедиций, Самарин испытал на себе силу и ярость океанских штормов, но то, что творилось сейчас за каменным гребнем расщелины, было невероятным. Все вокруг гудело, выло и стонало. Громадные, многотонные глыбы срывались с места и легко, как невесомые, катились по ступеням плато. Снег не падал, не кружился, а бил и хлестал по камням, набрасывая на голом месте высокие слоистые сугробы, неправдоподобно быстро растущие на глазах изумленного Самарина.

– Нам нельзя здесь задерживаться, – напомнил Кратов.
– Снег может засыпать расщелину. Ниже есть небольшая пещера, в ней мы переждем ненастье.

Самарин вздохнул и, оглянувшись еще раз в ту сторону, где лежало плато, усталой, тяжелой походкой пошел за Кратовым.

Только к вечеру выбрались альпинисты к небольшой, полукруглой пещере, замеченной Кратовым еще тогда, когда он проходил здесь, отыскивая дорогу на вершину скального пояса.

«Только бы не перемело дорогу, не закрыло выход», – мелькало в голове Кратова.

– Профессор, дорогой профессор, – подбадривал он Самарина. – Ну, как-нибудь, еще немного...

– Я, пожалуй, не дойду, – с трудом, виновато улыбаясь, проговорил Самарин. – Оставьте меня здесь, потом вернетесь. Слишком ценно то, что мы увидели на этом плато. Задерживать такое сообщение нельзя. Возьмите у меня в рюкзаке образцы черного дерева и отправляйтесь.

Кратов взял рюкзак и, выбрав из него сучья, принялся укладывать их между двух камней в дальнем краю пещеры.

– Что вы собираетесь делать? – с тревогой спросил Самарин, видя, как его спутник крошит сучья обломком камня и достает спички.

– Это дерево хорошо горит, – ровно и бесстрастно проговорил Кратов, – десяти-пятнадцати минут будет достаточно, чтобы вскипятить чай, после чего мы двинемся дальше. Я все это время так питаюсь: чай, полгалеты, вот осталось еще полплитки шоколада и...

– Это будет преступлением, – резко перебил его Самарин, – вы не имеете права уничтожать образцы.

– Разве вы забыли, дорогой профессор, старую прописную истину, что жизнь человека дороже всего. Будут у вас новые образцы, не горюйте, вспомните о тех, кто ждет нас внизу...

Кратов набрал в котелок снега и, устроив его над плотно уложенными сучьями, чиркнул спичкой.

Вспыхнул, загудел огонь и, не успев отшатнуться, Кратов полной грудью вдохнул окутавший его багрово-фиолетовый дым.

– Идите к костру, профессор! – почти приказал он.

Странная, никогда не испытанная, бодрящая свежесть разлилась по телу Самарина. Он забыл об усталости, о пути, какой им еще нужно было пройти, ровно и легко стучало сердце, и с каждой минутой силы возвращались.

– Гм, это почти невероятно, Константин Иванович...

– Невероятно, но факт. Меня он поддерживает, – подтвердил Кратов и припомнил слова Кунанбая: «Дым его костра может исцелить болезнь, продлить жизнь».

Самарин склонился над весело поблескивающим костром, внимательно вглядываясь в фиолетовое пламя.

Возвращение

Непогода с обвалами и снегопадами разыгралась и внизу. Поэтому Стогов и Редько были вынуждены на некоторое время отложить свой поход.

Не успели они вернуться в лагерь, как налетел ветер, пошел снег и сразу, как это бывает в горах, поползли по кручам черно-лиловые тучи.

Только на четвертый день к вечеру группа, возглавляемая Стоговым и Редько, вышла к Ущелью скользящих теней.

Местность вокруг неузнаваемо изменилась. Снегу намело так много, что все подходы к ущелью стали недоступными. Нависшие друг над другом многоступенчатые сугробы, насколько хватал глаз, уходили кверху. Кое-где блестящая бахрома их гребней подтаяла от солнца, и длинные искристые сосульки, образуя ажурную ледяную изгородь, дополняли фантастичность этой картины.

Рассказ о том, как снежные люди, похитив лодку, скрылись с ней, навел Редько на мысль, что в бурой скале с ледяными оплывами все же существует какой-то проход.

Более трех часов тяжелого пути потребовалось альпинистам, чтобы достигнуть этого места, и, когда они все же выбрались к подножию бурой скалы, шедший впереди Редько увидел метрах в семидесяти выше двух людей.

– Посмотрите! – закричал он. – Посмотрите!

Но альпинисты уже сами заметили их и, забыв об усталости, бросились к ледяному оплыву в скале, оказавшемуся не чем иным, как природной лестницей. Скользкие неровные ступени вели наверх, и, задышавшись от волнения, Стогов первым выбежал на ледяной гребень перед узкой, незаметной снизу каменной щелью. Может быть, другой человек в такой момент бросился бы в объятия, начал бы бурно выражать свою радость при столь неожиданной встрече. Но Стогову было достаточно того, что он видел живыми этих дорогих ему людей. Разве только в глазах молодого ученого отражалось то, что было сейчас у него на сердце. Он пожал руку профессору, молча обнял Кратова, и за ним в таком же торжественном молчании все это проделали подоспевшие наверх остальные члены экспедиции.

Потом все вместе подняли ледорубы и помахали ими в воздухе по старому альпинистскому обычаю в знак счастливого возвращения.

Завтра предстоял новый, еще более трудный поход.

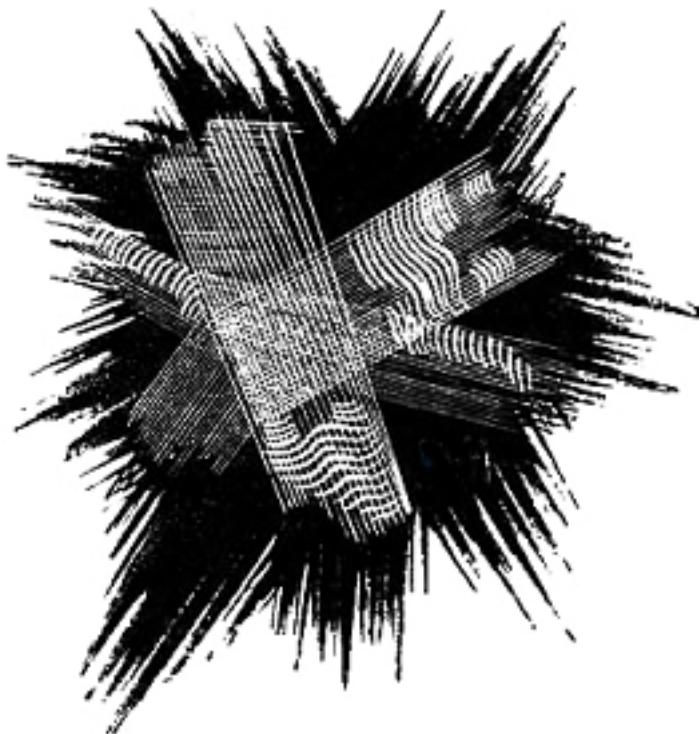
Заходящее солнце покрыло вершины гор светлой позолотой, щедро рассыпая свои лучи над хаосом ледников, островерхих скал, каменистой долиной и над буйным, неумолч-

ным течением горных потоков, где висит радужная водяная пыль и ползут широкие полосы прозрачного бледно-розового тумана.

Александр Шалимов

**ПРИЗРАКИ ЛЕДЯНОЙ
ПУСТЫНИ**

Джек Рассел – геофизик экспедиции – лежал на подвешенной койке у самого потолка Большой кабины. Не отрывая глаз от окуляра зрительной трубы, он время от времени записывал что-то на листе бумаги, приколотом кнопками к потолку.

Геолог Ральф Стонор сидел за столом, разглядывая образцы минералов. Стрелка радиометра вздрагивала и начинала колебаться, когда Стонор подносил к прибору черные, маслянисто поблескивающие кристаллы.

За дверью послышалась возня, притоптывание озябших ног, громкое сопенье. Дрогнула тяжелая портьера, пропустив в Большую кабину метеоролога Фреда Локка, маленького, коренастого, почти квадратного в меховом комбинезоне и огромных унтах.

– Минус пятьдесят с ветерком, – прохрипел он, стягивая меховые рукавицы. – Запирай контору, Джек. Все равно ничего не видишь.

Скрипнула койка под потолком. Рассел взглянул на вошедшего и молча отвернулся к окуляру трубы.

Локк с трудом вылез из комбинезона, отшвырнул его ногой в угол; достал из стенного шкафа бутылку и граненый стакан, налил, выпил; отер рыжеватую бороду рукавом шерстяной куртки, потянулся.

– Чертов электроподогрев не действует, – пояснил он, кивнув на лежащий в углу комбинезон. – Пускай Генрих проверит контакты.

– Ты же знаешь, что Генрих остался в Ледяной пещере, – сказал Стонор. – Они с Тойво хотели сегодня прорубить проход к нижней жиле.

– Ну и глупо, – скривился Локк. – Будут сидеть там, пока не прекратится пурга.

– Там у них спальные мешки и примус. Могут сидеть хоть неделю.

«Тебя бы на неделю запереть в Ледяной пещере, – подумал Локк, поглядывая на розовую лысину Стонора. – Сегодня, кажется, и носа не высунул наружу...»

– Ого, – сказал Стонор, наблюдая за стрелкой прибора.

– Что-нибудь новое? – поинтересовался Локк, раскуривая трубку.

– Ничего особенного. Опять высокое содержание урана.

– Значит, все-таки месторождение стоящее, – пробормотал Локк, затягиваясь.

– Еще бы, – поднял голову Стонор. – И потом, это первая находка урана в Антарктиде... При таких содержаниях мое месторождение прогремит на весь мир.

– Почему же не торопимся заявить миру о твоём открытии?

– Пока нельзя. Шефы не хотят, чтобы русские всерьез занялись поисками урана в Антарктиде.

– Думаете, русские глупее вас, – усмехнулся Локк. – Можете не сомневаться, Стонор, они сделали здесь больше нас с вами.

– Урана они пока не нашли. Я убежден в этом. Они регулярно сообщают о своих открытиях... А кроме того, большинство исследователей убеждены, что урана в Антарктиде вообще нет.

– Какой толк в вашей находке! Недоступные горы в трехстах милях от берега. Ледяная пустыня вокруг. Дьявольский холод, ураганы, пурга... Завезти сюда шестерых безумцев и бросить на год – еще можно. Но строить тут рудник... не стали бы даже русские.

– Вам приходилось бывать на урановых рудниках Северной Канады? – задумчиво спросил Стонор, подбрасывая на ладони сrostок черных кристаллов, покрытых желтыми и оранжевыми охрами.

Локк мотнул головой.

– Там содержание урана в пятьдесят раз меньше, а условия немногим лучше, чем тут. Калькуляция простая... Такое месторождение выгодно эксплуатировать даже на Луне.

– Еще вопрос, где хуже – на Луне или на Земле Королевы Мод, – пожал плечами Локк.

– На Луне пока никто еще не был, а на Земле Королевы Мод мы обосновались и, плохо ли, хорошо ли, сидим девятый месяц.

– Делайте, что хотите, – махнул рукой Локк, – стройте тут рудники, города, аэродромы, растапливайте льды, добывайте уран, черта, дьявола, кого угодно. Я знаю одно: больше сюда ни ногой. Ни за какие доллары. Гренландия, Гималаи, что угодно, но не Антарктида – будь она трижды проклята. Это мое последнее слово, мальчики... Однако, – Локк сделал паузу и прислушался, – о чем думает наш журналист? Собирается он кормить обедом? Эй, Красная Шапочка!.. Мсье Ришар! Скланки давно пробили на обед, черт побери!

Под койкой Джека Рассела приоткрылась узкая дверь. Выглянул Ришар Жиро – врач, повар, радист, а по совместительству специальный корреспондент трех крупнейших парижских газет. Вместо поварского колпака на голове Жиро красовался малиновый берет. Маленькие острые глазки насмешливо поблескивали за толстыми стеклами очков.

— Правда не нуждается в громком крике, дорогой Фред, — объявил доктор, подмигивая Локку, — обед готов, мойте ручки... Он вдруг замолчал и уставился округлившимися глазами на Стонора. — Что такое? — указательный палец доктора был нацелен на черные кристаллы. — Опять? Сколько раз я требовал, просил, умолял не раскладывать тут эту радиоактивную мерзость... Я ночей не сплю, дрожу над вашим здоровьем, а вы...

— Что изменится, если он уберет свои камни за фанерную перегородку кладовки? — посмеиваясь спросил Локк. — Не будь страусом, Красная Шапочка. Здесь кругом излучение. Жилы в трех милях отсюда. А может, они и под нами... Нам всем обеспечена лучевая болезнь.

— Пыль, сотрите со стола пыль, — твердил Жиро, не слушая Локка, — она тоже радиоактивна! Не подам обед, пока не уберете. Собери мокрой тряпкой, Фред, и выкинь ее наружу.

Локк, ухмыляясь, вытер стол тряпкой и, когда доктор исчез за дверью, швырнул тряпку под диван.

Жиро внес на подносе кастрюлю и миски, принялся разливать суп.

Локк достал из стенного шкафа бутылку и три стакана.

— Тебе не наливаю, — заметил он доктору. — Судя по носу, ты уже покончил с недельной порцией.

— Не судите и не судимы будете, — сказал доктор, косясь на бутылку. — Я добавлял в пудинг ром и только чуть-чуть попробовал.

Дождавшись, когда Локк наполнил стаканы, доктор ловким движением выхватил у него бутылку, встряхнул, посмотрел на свет и приложил к губам.

— Луженое горло, — с легкой завистью заметил Локк, глядя на опустевшую бутылку.

— И все остальное, — сказал доктор, закусывая сардинкой. — Вы будете сегодня ночью спать, а я еще должен сочинить корреспонденцию и толкнуть ее в эфир. Это не сводка погоды! Тут нужна голова и фантазия. Наша экспедиция задумана как международная. Но кое-кто из организаторов перестарался... Двое сынов Альбиона, американец и француз

– еще куда ни шло. А попробуйте объяснить читателям парижских газет, почему Канаду должен представлять поляк Генрих Ковальский, а Норвегию – финн Тойво Латикайнен! Кстати, о ком из нас прикажете врать в сегодняшней корреспонденции?

– Можно о нем, – Локк кивнул на лежавшего под потолком геофизика. – Он жертвует обедом ради метеорного потока.

– Мысль! – подскочил на стуле доктор. – Очерк можно озаглавить: «Охотник за метеорами» и начать, например, так: «Седьмой месяц самоотверженный молодой ученый не отрывает глаз от телескопа»... Между прочим, юноша, второй раз греть обед не буду. Вы слышите?

– Да, – сказал Рассел, глядя в окуляр трубы и неторопливо записывая что-то.

– Вы, англичане, удивительно разговорчивый народ, – продолжал доктор, хлебая суп. – Не знаю, что бы я делал, если бы не было Генриха. Все-таки поляки во многом напоминают нас, французов.

– А я? – возразил Локк. – Кажется, и меня нельзя назвать слишком молчаливым.

– Во-первых, ты не настоящий англичанин. Американцы – особая нация. А во-вторых, и ты можешь часами молча сидеть над шахматной доской, как кот у мышиной норы. Он, – доктор кивнул на Стонора, – говорит только об уране. А что касается этого жреца ионосферы – не знаю, сказал ли он десять слов подряд с начала зимовки.

Койка под потолком снова скрипнула. Локк и доктор глянули на геофизика и увидели на его лице выражение величайшего изумления. Бросив карандаш, Рассел быстро крутил тонкими пальцами винты прибора; потом откинулся на подушку, словно ослепленный, несколько мгновений лежал с закрытыми глазами, затем приподнялся и снова припал к окуляру трубы.

В это время далекий нарастающий гул заглушил вой пурги. Гул быстро превратился в оглушительный грохот, от которого задрожали стены Большой кабины и зазвенела посуда на столе. Казалось, исполинский поезд пронесется в пус-

тынных горах Земли Королевы Мод. Доктор и Стонор вскочили из-за стола, опрокинув стулья. Но грохот уже постепенно затихал. Что-то похожее на взрывы донеслось издали; снова дрогнули стены, и стало тихо. И опять послышался глухой однообразный вой пурги.

— Что это? — вскричал доктор, с испугом глядя на потолок.

— Кажется, землетрясение, — сказал Стонор, прислушиваясь.

Локк внимательно следил за побледневшим от волнения геофизиком.

— Ну, что там было, Джек? — спросил он, видя, что Рассел снова откинулся на подушку и закрыл глаза.

— Гигантский болид. Его обломки, по-видимому, упали где-то поблизости.

— Вы видели его? — спросил Стонор.

— Да.

— И уверены, что это болид?

— Конечно.

— А может, это межконтинентальная баллистическая ракета? — неуверенно пробормотал доктор.

— С помощью которой русские решили уничтожить нашу станцию, — добавил Локк.

— Неостроумно, — обиделся Жиро. — Кстати, это как раз ваши соотечественники производят сейчас испытания ракет на мысе Кеннеди. О, они вполне могли, целясь в Южную Атлантику, попасть в Антарктиду.

— Это был болид, — сказал Рассел. — Он появился на северо-западе, пролетел над нашей станцией и взорвался над плато к юго-востоку от нас. Я отчетливо наблюдал уменьшение его скорости. При этом он светил все ярче. Никогда не видел такого крупного болида.

— А сейчас видно что-нибудь? — поинтересовался Стонор.

— Нет, пурга усилилась. Снег несет выше перископа.

— Установится погода, надо поискать осколки, — сказал Стонор, закуривая сигарету. — Новый метеорит, упавший в Антарктиде, — это тоже сенсация.

— Ничего вы не найдете, — возразил Локк. — Ветер сейчас гонит по плато сотни тысяч тонн снега. Все следы будут захоронены самым надежным образом. Не так ли, Джек?

Рассел спрыгнул на пол и молча пожал плечами.

— Куда? — спросил Стонор, видя, что геофизик взялся за портьеру выходной двери.

Рассел указал пальцем наверх.

— Только ни шагу от входа, — предупредил Стонор. — Слышите, что там делается?..

Рассел кивнул и исчез за тяжелой портьерой.

Через несколько минут он возвратился, отряхивая снег с бороды и усов.

— Видели что-нибудь? — спросил доктор.

— Нет...

* * *

Четверо суток бушевала пурга над обледеневшими хребтами Земли Королевы Мод. Массы сухого колючего снега неслись над утонувшими в сугробах постройками станции, словно огромная река в половодье. Даже в полдень нельзя было ничего рассмотреть в непроглядной мгле. Исчезли скалы и небо, окрестные хребты и глубокая долина, протянувшаяся на десятки миль к западу, в лабиринт пустынных гор.

Над головой гудели стальные тросы радиомачт. Свистел и завывал ураган.

Едва угасал короткий день, где-то в вышине вспыхивали сполохи полярных сияний. Их разноцветные лучи не достигали дна разбушевавшегося снежного океана. Лишь по меняющимся оттенкам снежных струй угадывалась невидимая пляска огней в антарктическом небе.

Радиосвязь прекратилась. В хаосе тресков и шорохов утонули не только голоса южноафриканских и чилийских станций, но даже и сигналы соседей — советской антарктической станции Солнечная, находившейся всего в семистах

милях от англо-американо-французской станции, возглавляемой Стонором. Не слышно было и передатчика Ледяной пещеры, где четвертый день находились отрезанные от базы геодезист Генрих Ковальский и геолог Тойво Латикайнен...

Главный выход из Большой кабины, недалеко от которого находилась будка с метеорологическими приборами, замело сугробами.

Локк и Рассел с трудом опустили крышку запасного выхода. Обжигающий вихрь ударил в лицо, ослепил. Локк выполз из люка и, лежа на снегу, принялся нащупывать трос, протянутый к будке с приборами. Пальцы хватали сухой сыпучий снег, убегающий вместе с ветром. Наконец удалось нащупать металлический стержень, забитый в лед.

Локк чертыхнулся.

– Даже и этот трос оборвало, – крикнул он Расселу, который напряженно вглядывался в окружающую тьму.

Геофизик протянул Локку тонкую нейлоновую веревку. Тот обвязался ею и уполз в темноту. Рассел внимательно следил, как разматывается веревка. Время от времени он бросал быстрые взгляды вверх, откуда в промежутки между снежными вихрями прорывались зеленовато-фиолетовые сполохи необычайно яркого полярного сияния.

«Словно на дне океана чужой планеты, – думал Рассел. – Однако почему так интенсивно свечение? Такого еще не было здесь. Может быть, это результат падения болида? И, как назло, ничего не видно...»

Веревка разматалась. Рассел привязал конец к поясу и ждал. Легкое подергивание свидетельствовало, что Локк полз в темноте, ощупью отыскивая будку с приборами.

Наконец веревка перестала дергаться.

«Добрался, – с облегчением подумал Рассел. – Но удасться ли ему при таком ветре перезарядить самописцы?»

Прошло несколько минут. Геофизик все острее чувствовал пронизывающий холод. Многослойный шерстяной костюм и меховой комбинезон не были надежной защитой от мороза и ветра. Здесь, возле купола Большой кабины, бы-

ло чуть тише, а каково Локку на открытом пространстве ледяного склона...

Веревка продолжала оставаться неподвижной. Рассел осторожно потянул ее. Ответного сигнала не последовало.

Неужели веревки не хватило и Локк рискнул отвязаться? Это было бы чистейшим безумием в такой буран.

Рассел потянул сильнее. Сомнение исчезло: конец веревки был свободен. Включил рефлектор. Однако сильный луч света пробивал тьму не более чем на полтора-два метра.

Негнуцимися пальцами Рассел торопливо привязал конец веревки к крышке люка и пополз в набитый снегом мрак.

* * *

Стонор беспокойно глянул на часы:

– Долго копаются...

Доктор, развалясь на диване, неторопливо потягивал ром.

Замечание Стонора почему-то развеселило француза. Он оскалил желтые зубы, хотел что-то сказать, но махнул рукой; посмеиваясь, налил себе еще рома.

Стонор нахмурился и отодвинул бутылку подальше от Жиро.

– Прошу вас, доктор... Последние дни вы опять злоупотребляете... Кстати, не попробовать ли еще раз связаться с Ковальским?

– Бесполезно, шеф, – Жиро вздохнул. – В эфире трещит громче, чем у меня в голове.

– Попробуйте все-таки, а я посмотрю, что делают Локк и Рассел.

Доктор, пошатываясь, прошел в радиорубку, примыкающую к Большой кабине, надел наушники, включил передатчик. Трескотня в эфире как будто уменьшилась. Но что это?..

Маленькие глазки доктора широко раскрылись. Может быть, ему показалось? Нет, вот снова. Станный прерывистый вой звучал в наушниках. У доктора пересохло во рту, и он мгновенно протрезвел. Никогда в жизни ему не при-

ходилось слышать ничего подобного... Вой затих, потом возник снова. Это не было похоже на атмосферные помехи. Скорее призыв или угрожающее предупреждение; какая-то ошеломляющая мелодия, полная ярости, тоски и невыразимой боли. Доктор почувствовал, что холодеет. Он сорвал наушники и отбросил в сторону. Но дикая устрашающая мелодия продолжала звучать в ушах.

«Похоже, я схожу с ума», — мелькнуло в голове Жиро, и он ринулся прочь из радиорубки.

В Большой кабине никого не было. Доктор оперся руками о стол, до боли закусил губы, стараясь собраться с мыслями. Колени дрожали... Он пощупал пульс и растерянно всплеснул руками.

— Не меньше двухсот...

Схватив бутылку с ромом, приложил к губам. Зубы противно стучали о холодное стекло.

Когда облепленные снегом Рассел и Стонор втащили в Большую кабину неподвижное тело Локка, доктор сидел у стола, напряженно глядя в одну точку. Он не шевельнулся

и тогда, когда Локка уложили на диван и Рассел принялся стягивать с метеоролога меховой комбинезон.

Стопор оглянулся на доктора.

– Ждете специального приглашения? Посмотрите, что с ним. Джек нашел его возле будки с приборами. Чудо, что нашел...

– С-сейчас, – пробормотал доктор, медленно приближаясь к дивану, на котором лежал Локк.

Рассел внимательно посмотрел на Жиро и тихо отстранил его:

– Я сам... Вы отдохните...

Стопор стиснул кулаки.

– Вы все-таки не послушали меня, – негромко сказал он доктору. – И вот что получилось, когда вы нужны. Идите в коридор, а когда протрезвитесь, закройте люк.

Доктор, пошатываясь, исчез за портьерой.

Рассел со шприцем в руках подошел к Локку.

– Он потерял сознание не от холода, – заметил Стопор. – Руки у него теплые. Может, его ударило обо что-то?

– Сейчас узнаем, – сказал Рассел, вонзая иглу в руку Локка.

Через несколько минут метеоролог шевельнулся и открыл глаза.

– Выпей-ка, старина, – прошептал Стопор, поднося стакан к губам товарища.

Локк проглотил лекарство и откинулся на подушки.

Взгляд его постепенно принял осмысленное выражение. Казалось, метеоролог припоминает что-то. Потом он сделал знак, чтобы Стопор нагнулся.

– Проверьте, хорошо ли закрыты входные люки, – прошептал метеоролог, – там...

Он не успел кончить. Громкий вопль заглушил вой урагана. Портьера распахнулась, и в Большую кабину одним прыжком влетел доктор.

Он был без очков и шапки, его рыжие волосы стояли дыбом, лицо было перекошено от ужаса.

– Помогите! – закричал он, ухватившись за Стопора. – Скорей! Сейчас оно войдет...

Стонор резко оттолкнул доктора, шагнул было к выходу в коридор и остановился, сообразив, что не захватил оружия.

В это время электролампы, освещающие Большую кабину, начали медленно гаснуть.

— Скорее к генератору, Ральф! — раздался в ступающем мраке голос Рассела. — Я посмотрю, кто там.

И Рассел с пистолетом в одной руке и фонарем в другой выбежал в коридор.

— Сразу стреляй, если увидишь его! — крикнул Локк, пытаясь подняться с дивана.

...Стонор дрожащими руками шарил по распределительному щиту электростанции. Вот рубильник, переключающий сеть на аккумуляторы.

«Слава всевышнему, есть свет»...

Выхватив из ящика стола автоматический пистолет, Стонор кинулся в Большую кабину, резким движением откинул портьеру. Потянуло холодом.

По лестнице из верхнего коридора медленно спускался Рассел. Он тщательно закрыл дверь, ведущую на лестницу, задвинул тяжелый засов и опустил портьеру, затем бросил на стол какой-то предмет. Это были раздавленные очки доктора.

— Что там было? — спросил Стонор, внимательно глядя на Рассела.

— Не видел ничего.

— Люк был открыт?

— Да, но возле него никого не было. Не было даже следов. Вот только раздавленные очки.

— Чуть! — поднял голову Жиро. — Оно вылезло из темноты и хотело схватить меня. Я увернулся, но у него остались моя шапка и очки.

Рассел молча указал на лежащие на столе остатки очков.

— Что тебе померещилось, Ришар? — спросил Стонор, пристально глядя на француза.

— Сам не понимаю, что это было. Живое существо или призрак...

– Призрак, – насмешливо повторил Стонор. – Так-так... Дело дошло уже до призраков...

– Ты, конечно, можешь мне не верить, – чуть не плача, возразил доктор. – Я действительно хватил лишнего. Но если бы ты услышал то, что довелось слышать мне... – доктор прерывисто вздохнул. – Иди, послушай, что творится в эфире. Иди, иди...

Стонор пожал плечами, но прошел в радиорубку. Надел наушники, принялся крутить ручки настройки.

– Обычная трескотня, по-видимому, связанная с полярным сиянием, – крикнул он наконец. Отложив наушники, он возвратился в Большую кабину.

– Может, я действительно схожу с ума, – растерянно пробормотал доктор.

Локк, приподнявшись на диване, внимательно разглядывал остатки очков.

– Здорово покорежило, – вполголоса заметил он, пододвигая Стонору расплюснутую оправу. – Можно подумать, что побывали под пневматическим молотом.

– Он сам наступил на них, – сказал Стонор, кивнув на доктора.

– Если у тебя есть лишние очки, – возразил Локк, – готов доказать, что, затаптывая в снег, их нельзя так изуродовать.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать... – Локк сделал паузу и обвел всех серьезным взглядом, – хочу сказать, что какая-то мохнатая тварь, похожая на обезьяну, появилась около меня, когда я возился у будки с приборами. Я шарахнулся в сторону и, наверно, треснулся головой о мачту ветромера...

К рассвету следующего дня ураган начал стихать. Когда из-за северного горизонта выкатилось неяркое красноватое солнце, пурга почти улеглась. Ветер налетал лишь редкими шквалами, вздымая облака снежной пыли на крутых белых склонах.

Синие тени легли в глубоких, занесенных снегом ущельях, куда не проникали лучи низкого солнца. Поиски в окрестностях станции не дали результатов. Никаких следов

не осталось — за ночь все замело снегом. Ничего живого не было видно на много километров вокруг.

Радио Ледяной пещеры продолжало молчать. Было решено, что Стонор и Рассел попытаются добраться туда на лыжах. Доктор и Локк должны были остаться в Большой кабине.

После завтрака Стонор и Рассел стали собираться в путь.

Поверх пуховых комбинезонов надели легкие ветронепроницаемые костюмы ярко-красного цвета, подняли опушенные серебристым мехом капюшоны.

— Элегантная пара, — заметил Локк, вышедший проводить их. — Вареные раки! Оружие не забыли?

— Ты еще веришь в своего мохнатого призрака, Фред? — спросил Стонор.

Локк смущенно усмехнулся:

— Оружие все-таки следовало бы взять.

— В порядке, Фред! — Рассел похлопал рукой по оттопыренному карману куртки.

Они легко поднялись на ледяной холм. Рассел оглянулся, помахал красной рукавицей и вслед за Стопором быстро побежал вдоль крутого склона.

Высоко над головами лыжников громоздились черные, иссеченные трещинами обрывы. Тропа, проложенная к Ледяной пещере, исчезла. Ее замело снегом.

За поворотом открылась далекая панорама уходящего на запад ущелья. Снежные козырьки нависали над черными базальтовыми стенами. Обрывы, сложенные древними лавами, высились над застывшими волнами огромного ледника. Неподвижная, иссеченная глубокими трещинами ледяная река текла с юго-запада, из неисследованных областей Земли Королевы Мод.

Стонор, бежавший первым, остановился, приложил к глазам бинокль.

— Вижу вход в Ледяную пещеру, — объявил он, — но кругом ни души. Странно, что они, потеряв связь, не попытались в такую погоду выйти нам навстречу.

Рассел молча поправлял крепления лыж.

– Кстати, что вы думаете, Джек, о ночной панике? – спросил Стонор, пряча бинокль.

Рассел молча пожал плечами.

– Сегодня утром мне пришла в голову странная мысль, – продолжал Стонор. – Очень странная. Вы не догадываетесь?..

Рассел покачал головой.

– Видите ли, я много лет работал в Гималаях. Впрочем, все это, конечно, суший вздор. Не стоит и говорить...

Стонор резко оттолкнулся палками и понесся вниз, оставляя на синевато-белом снегу четкую нить лыжного следа.

Не дойдя нескольких шагов до узкой щели, ведущей в глубь ледяного купола, Стонор остановился и громко крикнул. Эхо, отраженное от базальтовых стен, долго повторяло возглас и стихло вдали. Никто не отозвался.

– Странно, – пробормотал геолог, вытирая рукавицей пот со лба.

Рассел снял лыжи и шагнул к расселине. Кругом лежал волнистый покров свежего снега. Ни единый след не темнел на его искрящейся поверхности. Геофизик ступил шаг, потом другой и провалился почти до пояса.

– Похоже, что они не выходили из пещеры после пурги, – ворчал Стонор, осторожно пробираясь вслед за Расселом.

В глубине расселины снегу было меньше, однако глубокую тишину по-прежнему не нарушал ни один звук.

Ледяные стены расселины сблизились. Стало темно. Яркий день чуть просвечивал сквозь зеленоватые толщи льда.

Рассел включил рефлектор. Сильный луч света уперся в узкую обледеневшую дверь. Она была закрыта.

Рассел скользнул лучом по ледяным стенам. Сверкнули металлические крепления лыж. Прислоненные к стене нарты отбросили на лед длинные изогнутые тени.

– Они здесь, – сказал Стонор. – Лыжи и нарты на месте. Хэлло, Генрих!..

Ответа не последовало.

— Однако они выходили сегодня! — крикнул Стонор, указывая на следы, натоптанные возле двери. — Эй, Тойво, Генрих! — Он толкнул дверь. Она не поддавалась.

— Заперта изнутри, — заметил геолог, собираясь постучать.

Рассел потянул его за рукав.

— Дверь примерзла, Ральф.

Он налег на дверь плечом. Стонор помогал. Дверь с треском распахнулась.

В Ледяной пещере было темно.

— Генрих, Тойво! — снова крикнул Стонор. В его голосе слышался испуг.

Рассел, пригнувшись, шагнул в дверь, нашел аккумуляторы, щелкнул выключателем. Неяркий желтый свет залил Ледяную пещеру. На низких складных койках лежали спальные мешки. Они были пусты. В углу на примусе стояла покрытая инеем сковородка. Возле — пустая банка из-под консервов.

Стонор, протиснувшись в дверь, в недоумении огляделся.

— Записка, — сказал Рассел.

На столе возле радиопередатчика лежал лист бумаги. Стонор поспешно выхватил записку из рук геофизика, щурясь, с трудом разбирал корявые, наспех нацарапанные строчки.

— «Вчера прорубились к главной жиле. Она вся избуравлена какими-то ходами. Тойво сказал, что это похоже на древние выработки». — Стонор умолк и уставился на геофизика: — Какая чепуха, Джек!

— Читайте дальше, — попросил Рассел.

— «Он пошел их посмотреть и не вернулся», — продолжал Стонор. — «Иду искать его. Генрих».

— Но записка датирована утром вчерашнего дня, — заметил Рассел, взяв у Стонора листок бумаги.

— И ни слова о том, есть ли уран, — пробормотал Стонор.

— Вероятно, это из жилы, — сказал геофизик, указывая на лежавшие возле койки камни.

Стонор поспешно наклонился, схватил образцы и принялся жадно разглядывать их.

– Ну и штука! – прошептал он. – Богаче, чем наверху. Чистый уранинит. Ты понимаешь, что это значит, Джек?..

Рассел неторопливо крутил верньеры передатчика.

– С приемником у них что-то произошло, он не работает...

– Исправить не сможем?

– Кажется, сели лампы. А запасных тут нет.

– Что же делать?

– Надо спуститься к жиле.

– Понимаешь, Джек, – Стонор замялся. – Мне кажется, лучше подождать... Возможно, они скоро вернуться.

– Генрих ушел сутки назад, а Тойво еще раньше. С ними что-то случилось.

Стонор отвел глаза.

– Боюсь, что спуск к жиле небезопасен. При таком содержании урана... – он кивнул на образцы. – Нужен индикатор радиоактивности, а я оставил его в Большой кабине.

– Я спущусь один, – холодно предложил Рассел.

– Как начальник зимовки запрещаю тебе. Сделаем так: ты останешься здесь, ждать их возвращения. Если нужно, поможешь, когда вернуться. Я поеду в Большую кабину. Вернусь с Фредом. Мы привезем индикатор, веревки и запасные радиолампы. Если Генриха и Тойво еще не будет – организуем поиски.

– Но если с ними что-то случилось и помощь нужна немедленно?

– Два-три часа ничего уже не изменят, Джек. Кроме того, я думаю, что Генрих спутал даты. Записка написана сегодня утром, а не вчера. Генрих ушел на поиски совсем недавно. Ты забыл о следах, которые мы видели у входа в пещеру.

– Если это следы Генриха, непонятно – почему он выходил босиком?

– Босиком?..

– Да, у двери пещеры на снегу были следы босых ног.

– Чушь! – воскликнул Стомор. – Невероятная чушь, – повторил он и вдруг умолк. – Впрочем, это легко проверить, Джек.

Он поспешно схватил фонарь и распахнул дверь.

– О, черт, мы затоптали эти следы, – донесся из ледяного коридора его голос. – Нет, конечно, тебе показалось, – продолжал Стомор, возвращаясь. – Кому пришло бы в голову бродить по снегу босиком?.. Значит, решено. Я еду, ты остаешься.

Когда входная дверь захлопнулась, Рассел быстро поднялся и задвинул металлические засовы.

Теперь можно было приниматься за дело.

Геофизик приподнял крышку деревянного люка в стене Ледяной пещеры. Потянуло морозным воздухом. Рассел прислушался. Ни единый звук не доносился из узкого прохода, пробитого сквозь лед к подножию базальтовых обрывов. Геофизик привязал конец шнура к кольцу люка и, перебросив моток через плечо, осторожно пролез в темное отверстие. Включил рефлектор. Ярко блеснули ледяные стены. Прямой, чуть наклонный ход терялся в зеленоватом мраке.

* * *

– Ни за какие блага я не останусь тут один, Стомор. – Голос доктора стал хриплым от волнения. – Ни за какие, понимаете?! Если вы не вернетесь до темноты, я... сойду с ума.

У Фреда Локка дрогнули углы губ. Он с трудом сдерживался.

Стомор растерянно развел руками.

– Тогда тебе придется идти со мной, Ришар. Может, так будет даже лучше – вдруг там понадобится твоя помощь. А Фред останется в Большой кабине.

Фред Локк хватил кулаком по столу. Звякнули стаканы. Заметались стрелки счетчиков.

– Это не зимовка, а богадельня трусов! – заорал метеоролог. – Почему ты просишь, а не распоряжаешься, Ральф? Кого ты хочешь взять с собой? Он не опомнился со вчерашнего вечера и свалится на полпути. Ох, не хотел бы я быть рядом с вами в случае реальной опасности.

– Ты не кричи, а посоветуй, что делать, Фред, – тихо сказал Стонор.

– Точно ты сам не знаешь! Забираем груз – и полный вперед. И ты, – Локк поднес кулак к самому носу доктора, – если заикнешься еще раз, что трусишь, будешь ходить в гипсе до конца зимовки. Ясно?

Доктор испуганно отшатнулся.

– Задрай входной люк и не вздумай открывать его, что бы тебе ни померещилось. Понял? И не отходи от передатчика. Через час вызовем по радио Большую кабину. Пошли, Стонор!

В дверях Локк оглянулся на доктора, указал на стенной шкаф, щелкнул себя большим пальцем по воротнику и со свирепым видом потряс головой.

* * *

...Еще издали Стонор и Локк разглядели длинную фигуру Рассела. Геофизик лазил по глубокому снегу возле ледяного купола, потом исчез в расселине. Когда Локк и Стонор приблизились, он вышел им навстречу.

– Как дела, Джек? – крикнул Стонор, освобождаясь от лыж.

– Генрих здесь.

– А Латикайнен?

– Его нет.

– И что говорит Генрих?

– Почти ничего. Он очень плохо себя чувствует. Уже дважды терял сознание.

– Ранен?

– Нет... Скорее какое-то странное лучевое поражение.

Локк тихонько свистнул.

Все трое поспешно прошли в Ледяную пещеру.

Ковальский в меховом комбинезоне лежал поверх спального мешка. Изрытое глубокими морщинами лицо казалось окаменевшим. Глаза были закрыты, зубы сжаты, под ногтями проступила синева.

– Нет, нет, он жив, – сказал Рассел в ответ на испуганный взгляд Стонора, – но опять без сознания.

Локк наклонился над Ковальским, пощупал пульс, покачал головой.

– Скверно иметь кретина вместо врача.

– И все же от него здесь было бы больше пользы, чем от всех нас, вместе взятых, – заметил Стонор.

По телу поляка пробежала чуть заметная дрожь. Локк протянул руку, хотел коснуться его лба, но от волос Ковальского ударили синеватые искры. Локк поспешно отдернул руку.

Стонор и Рассел переглянулись.

– Кажется, его тело наэлектризовано? – растерянно пробормотал Локк,

– Во всяком случае, это не радиоактивность, – сказал Стонор. – Какая-то чертовщина! Боюсь, тут и Жиро будет бессилён. А как по-твоему, Джек?

– Вероятно, там, в этом подземном лабиринте, его поразила какой-то разряд, – задумчиво ответил геофизик. – Там целый лабиринт, Ральф. Я не знаю, выработки ли это... Но ими издырявлена и сама жила, и вмещающие ее лавы. Генрих сказал мне, что плутал несколько часов. Тойво не нашел и не видел даже его следов. А потом... вдруг почувствовал слабость. Больше он ничего не помнит.

– Вы, значит, спускались туда? – спросил Стонор.

– Да.

– И как себя чувствуете сейчас?

– Пока нормально. Но я пробыл там недолго...

– Странно, очень странно, – пробормотал Стонор. – Просто не знаю, что подумать. Радиоактивность руды не могла подействовать так быстро.

– Руды там почти не осталось, – сказал Рассел. – Похоже, что она... вынута...

– Невероятно... Что же нам делать с Генрихом?

– По-моему, ему становится лучше, – заметил Локк. – Смотрите, бледность постепенно исчезает. И дышит он ровнее... Какова может быть природа этого странного поражения?

– И, главное, каковы будут последствия? – сказал Рассел.

– Не кажется ли тебе, Джек, что это могли быть какие-то земные токи, связанные со вчерашним необычайно интенсивным полярным сиянием? – спросил Стонор.

– Нет.

– Но тогда что?

– Не знаю.

– Бесплезно заставлять Джека фантазировать, – сказал Локк. – Лучше фантазируй сам. Это твоя специальность, Ральф.

– Не остроумно, – обиделся геолог. – И должны же мы в конце концов понять, что здесь происходит.

– Это не похоже на поражение электрическим током, – сказал Рассел. – И, конечно, не радиоактивность... Может быть, какое-то особое излучение? Нейтрино, мезоны? Но источник его совершенно непонятен...

– Кажется, обморок переходит в сон, – заметил Стонор, прислушиваясь к дыханию поляка.

– Превосходно! Выкладывай, где ты его нашел, Джек.

– В ста семидесяти метрах отсюда, у разветвления... штольни, прорубленной в рудной жиле.

– У разветвления... штольни? – поднял брови Стонор. – Ты действительно считаешь, что лабиринт – это древние выработки?

– Не знаю... Но похоже, что он искусственный... Впрочем, тебе надо все это посмотреть самому. Я никогда не видел древних выработок.

– Похоже, что в твоём месторождении кто-то уже ковырялся, Стонор, – насмешливо заметил Локк.

– Похоже, что мы все понемногу сходим с ума! – крикнул геолог. – Здесь не может быть никаких горных выработок.

Понимаете? Никаких... Мы – первые люди, проникшие в эту часть Антарктического континента.

– Тогда остается предположить, что выработки пройдены пингвинами или теми обезьяноподобными призраками, которые навели нас минувшей ночью.

– Сейчас не так важно – искусственный лабиринт или естественный, – сказал Рассел. – Один из наших товарищей еще находится там. Вероятно, с ним случилось то же, что с Генрихом.

– Джек прав, – нахмурился Локк. – Надо действовать, а не болтать. Стомор, мы ждем твоих распоряжений.

– Один из нас должен остаться с Генрихом.

– Превосходно... Оставайся ты, а мы с Джеком идем искать Тойво.

– Но я должен скорее посмотреть то, что Джек называет штольной.

– Тогда командуй, а не рассуждай!

– Пожалуй, останься ты, Фред, – поспешно сказал Стомор. – Кстати, надо исправить передатчик и установить связь с доктором. Никто не сделает это лучше тебя.

– Есть, шеф. И проваливайте быстрее под землю или под лед, если угодно, – посоветовал метеоролог, открывая люк ледяного тоннеля.

* * *

– Как далеко мы ушли, Джек?

– Я размотал около пятисот метров шнура. Если учесть бесконечные повороты, мы находимся метрах в трехстах по прямой от Ледяной пещеры.

– Сколько шнура осталось?

– Еще столько же.

Рассел и Стомор медленно спускались по наклонному трубообразному каналу, проходившему в сплошной толще лав. Черные стены канала тускло поблескивали в лучах ре-

флекторов.

– Опять поворот.

– И ответвление вправо. Жила осталась где-то в стороне, Джек. Здесь руды нет. Смотри, это базальт или что-то очень похожее на него.

Стопор с силой ударил молотком по гладкой стенке канала.

– Хотел бы я знать, что это за пустоты. Ни в одной выработке я не видел таких идеально гладких стен. Можно подумать, что их специально выравнивали и полировали.

– Или прорезали чем-то, что значительно прочнее этого камня, – предположил Рассел.

– Поразительно и то, – продолжал Стопор, – что они совсем не похожи на древние выработки. Я видел древние выработки в Нубии и в Тибете. То были дьявольские спиральные ходы, в которые едва мог протиснуться человек. А здесь простор, ювелирная обработка камня, можно идти не сгибаясь. Если бы мы не находились в центре Антарктиды, я бы сказал, что весь этот лабиринт искусственный. Но ведь Антарктида находится подо льдом уже миллионы лет... И потом, я затруднился бы назвать ультрасовременный рудник в Соединенных Штатах, где имеются такие совершенные подземные выработки. Тут не хватает лишь электричества. Даже существует какая-то система вентиляции... Повсюду ощущается ток свежего воздуха.

– Снова поворот, и опять спуск вниз.

– Похоже, что этому лабиринту не будет конца, Джек. Мы уже опустились значительно ниже дна ущелья. Странно, что не повышается температура.

– Вероятно, это результат хорошей вентиляции.

– Стоп, дальше хода нет. Впереди лед. Откуда он мог взяться на такой глубине?

Стопор тщательно обследовал ледяную пробку, преградившую путь, отколол кусок льда, вглядывался в искристый зеленоватый излом.

– Еще одна загадка, Джек. Этот лед, вероятно, проник в лабиринт с поверхности. Значит, одно из входных отверстий было перекрыто льдом. Скорее всего ледником, запол-

няющим теперь ущелье. Лед, как известно, способен течь. Поток твердого льда, постепенно двигаясь вниз по пустотам лабиринта, затек до этих глубин. Но это означало бы... – Стонор умолк, многозначительно поглядывая на геофизика.

– Что у лабиринта весьма солидный возраст, – спокойно сказал Рассел.

– Именно. Это означало бы, что лабиринт образовался или был создан кем-то еще до последнего оледенения Антарктиды, то есть много миллионов лет тому назад.

Рассел шевельнул бровью, но промолчал.

– Тебя это не удивляет, Джек?

– Удивляет немного и это, и другое, но... Тсс! Ты слышал?

Оба замерли, прислушиваясь. Что-то, похожее на шипение, донеслось издали.

– Ветер?

Рассел предостерегающе поднял руку. Шипение послышалось ближе. Потом – тихий шорох, напоминающий шаг...

– Это Тойво; пошли, Джек. Хэлло, Тойво!..

– Тсс! – сильная рука Рассела зажала Стонору рот. – Тихо, Ральф. Гаси рефлектор.

Их окутала тьма.

– Джек, ты сошел с ума...

– Ни слова, – прошептал геофизик. – Здесь гораздо больше непонятного, чем тебе кажется. Непонятного и, может быть, опасного...

Щелкнул предохранитель автоматического пистолета.

– Не вздумай стрелять, Ральф. Мы еще не знаем, что там.

Стонор опустил пистолет. В окружающем непроглядном мраке теперь царил абсолютная тишина.

Ждали долго. Из лабиринта больше не доносилось ни одного звука.

– Может, нам показалось, Джек?

Рассел не ответил.

– Надо возвращаться. На сегодня хватит.

– А Тойво?

– Может быть, он уже ждет нас в пещере.

– Едва ли.

Рассел включил рефлектор. Обратно шли медленно. Остатывались, прислушивались и снова карабкались вдоль тонкого нейлонового шнура – единственной нити, связывавшей их с выходом из подземного лабиринта.

В стенах темнели бесчисленные отверстия – входы в боковые коридоры. Одни уходили куда-то в стороны, другие вели наверх, третьи круто спускались вниз.

Рассел шагнул впереди, на ходу сматывая шнур. Вдруг геофизик резко остановился. Стопор понял – что-то произошло.

– В чем дело?

Рассел обернулся. Ослепленный светом его рефлектора, Стопор зажмурил глаза. Первое, что он увидел, когда открыл их, был конец шнура в руках Рассела. Шнур был оборван. Ни в одном из четырех тоннелей, уходящих от места обрыва, продолжения шнура не было видно.

– Очень странно, – тихо сказал геофизик, разглядывая конец шнура.

– Может быть, случайный обрыв? – неуверенно предположил Стопор. – Трудно усмотреть в этом дело чьих-то рук.

– Обыкновенные руки вообще не разорвали бы такого шнура. Он выдерживает нагрузку в пятьсот килограммов.

– Пожалуй, ты прав. И все же он разорван. Что теперь делать?

– Искать выход.

– Но как?

– Оставайся здесь, а я осмотрю разветвления тоннеля. В одном из них должен находиться второй конец шнура.

– Но ты можешь заблудиться...

– Я захвачу оставшийся у нас шнур. Мы будем связаны им. Держи оборванный конец, Ральф.

Рассел исчез в левом ответвлении штольни. Через несколько минут он возвратился.

– Там тупик. Тоннель перекрыт льдом. Теперь посмотрим следующий...

– Подожди-ка, Джек, – тихо сказал Стонор. – Пока тебя не было, я... Одним словом, шнур не оборван... Кто-то перегрыз его. Похоже, что это ловушка. В лабиринте скрываются какие-то живые существа.

* * *

Локк долго возился с ремонтом радиопередатчика. Пришлось менять лампы и несколько пробитых конденсаторов.

– Можно подумать, что в него угодил такой же разряд, как в Генриха, – бормотал метеоролог, отодвигая в сторону ворох замененных деталей. – Чудо, если после этой операции он заработает.

Передатчик заработал. Локк удовлетворенно хмыкнул, напяливая наушники, повернул ручку настройки. И сразу же в шорох далеких станций ворвался пронзительный тенор доктора:

– Ледяная пещера, алло, Ледяная пещера, почему не отвечаете? Отвечайте! Перехожу на прием.

«Вот разверещался», – с раздражением подумал Локк, щелкая переключателями.

– Ледяная пещера слушает! – крикнул он в микрофон. – Как у тебя дела, Красная Шапочка?

Выслушав встревоженный писк доктора, Локк коротко рассказал, что произошло.

– Ты уверен, что он спит? – спросил после краткого молчания доктор.

Локк оглянулся на Генриха.

– По-моему, спит. Дыхание хорошее. Цвет лица почти нормальный... Не слышишь меня? Сильные помехи? Вот черт! – Локк хлопнул себя по лбу. – Забыл о заземлении. Минуту, Красная Шапочка, кое-что надо доделать.

Метеоролог снял наушники и подсоединил провод к штырю заземления. Послышался треск – и зеленый глазок передатчика погас. Передатчик снова вышел из строя. Локк

поспешно вырвал из гнезда шнур заземления. На конце шнура с треском полыхнула зеленая искра. В воздухе резко запахло озоном.

Метеоролог вытер ладонью влажный лоб.

«Что это могут быть за разряды? Неужели придется повторить всю трехчасовую работу?»

Он осторожно потрогал ладонью ледяной пол возле штыря заземления. Показалось, что ладонь чувствует покалывание. А может, так ощущался холод?

Локк прошелся по ледяной комнате, пощупал рукой стены, потолок. Вокруг был обыкновенный лед. Выключил свет. Нигде никакого свечения. Лишь сквозь южную ледяную стену пещеры слабо пробивался дневной свет. Локк подошел к койке, на которой лежал Ковальский, прислушался к дыханию спящего, пощупал пульс. Дыхание было ровное, пульс почти нормальный.

Локк снова принялся за передатчик. На этот раз вышли из строя только предохранители. Метеоролог быстро заметил их и вскоре снова услышал призывы доктора:

– Ледяная пещера, алло, Ледяная пещера...

– Я тебя слышу, Красная Шапочка... Ничего особенного. Сгорели предохранители. Кстати, отключи-ка заземление... Так надо...

– Солнце садится. Через полчаса будет совсем темно. Что мне делать? – вопрошал доктор.

– В шестнадцать ноль-нольними показания метеоприборов, перезаряди самописцы в снежном коридоре. Если установишь связь со Слоновым островом, попробуй передать им метеосводку; потом съешь обед и садись возле передатчика. Если до двадцати ноль-ноль я тебя не вызову, снова проведи метеонаблюдения, поужинай и спокойно ложись бай-бай. Если постучится серый волк, не открывай ему... Разговор окончен. Как понял?

Не дослушав сетований доктора, Локк отложил наушники.

«Долго не возвращаются Рассел и Стонор. Не случилось ли чего?»

Локк поднял крышку люка и прислушался. В ледяном коридоре было тихо.

Не закрыв люка, метеоролог присел на ящик возле койки. Сказывалась бессонная ночь. Хотелось спать. Незаметно он задремал.

Разбудило чье-то прикосновение. Локк вскочил. Генрих, приподнявшись на койке, с трудом шевелил перекошенными губами.

Наклонившись к нему, Локк разобрал слово: «Радио!». Метеоролог поспешно обернулся к передатчику. Из наушников доносился отчетливый шорох. В трескотне и свисте помех Локк едва различил голос доктора. Станный, постепенно нарастающий вой неся из эфира, заглушая слова, которые кричал в микрофон Жиро:

– ...Сломали... напали... о господи!

– Ключ, передавай ключом, Ришар! – крикнул Локк и сам перешел на ключ.

Ответа не последовало. В вое, который неся из наушников, уже ничего нельзя было разобрать.

Локк глянул на часы. Пять. Ночь наступила, а Рассела и шефа все нет. И у доктора что-то стряслось... А может, он снова напился?

Восклицание Генриха заставило Локка оглянуться. Из открытого люка струился неярко фиолетово-зеленоватый свет. Локк стремительно вскочил, опрокинув табурет, нащупал в кармане комбинезона рукоятку пистолета. Полоса фиолетового света становилась все ярче.

– Кто там? Стоять! – крикнул Локк, наводя пистолет на отверстие люка. Ответа не последовало, однако свет начал постепенно бледнеть.

– Стоять! – повторил Локк, делая шаг к люку и заглядывая в него.

В ледяном коридоре никого не было. Только где-то вдали бледнело, расплывалось неярко фиолетовое пятно.

Локк прицелился... и не выстрелил. Светящееся пятно исчезло. Метеоролог захлопнул крышку люка и задвинул ее тяжелым ящиком.

Генрих сидел на койке, свесив на пол одну ногу. Широко раскрытыми глазами глядел на Локка.

— Кто... там... был?... — Поляк с трудом шевелил перекошенными губами.

— Не разглядел, — ответил Локк, прислушиваясь. — А ты? Что было с тобой?

— Не... помню... странно... Я, кажется, отлежал... руку и... ногу... не чувствую...

Резкий стук не дал ему кончить.

Ящик, которым был привален люк, шевельнулся.

Ковальский попытался приподняться.

— Спокойно, Генрих, — Локк шагнул к койке и заслонил собой товарища.

«Держись, Фред, — мысленно подбодрил себя. — Трус умирает тысячу раз, храбрец — всего один раз... Сейчас узнаем, что за дьявольские бестии ползают тут в темноте и действуют нам на нервы».

В ледяной стене появилась полоса света. Люк медленно открывался. Локк поднял пистолет и... тотчас опустил его.

В освещенную щель протиснулась красная рукавица Рассела.

* * *

Стонор первым подкатил к главному входу Большой кабины. Облегченно вздохнул:

— Наконец-то дома...

Снег возле входа был расчищен, однако обледеневшая дверь оказалась запертой.

Там, в Ледяной пещере, тоже был «дом», но после приключений в подземном лабиринте, а особенно после ночи, проведенной в ожидании таинственного врага, этот ледяной дом был полон непонятной угрозы.

«Вообще в событиях последних дней много загадочного и необъяснимого, — подумал Стонор. — Не вызывают сомнений в своей реальности только четыре факта: открытие

месторождения урана, обнаружение подземного лабиринта в древних лавах, исчезновение Латикайнена и паралич Ковальского. Все остальное на грани фантазии и может оказаться просто галлюцинацией. После долгих месяцев зимовки у всех напряжены нервы. Локку и доктору померещился в темноте какой-то мохнатый призрак. Нам с Расселом почудились шорохи в подземном лабиринте... И еще эта поразительная история со шнуром, которая могла закончиться трагически, а теперь выглядит просто бредом...»

Когда Стонор предположил, что шнур перегрызен, они с Расселом решили не разлучаться и продолжать поиски выхода совместно. Они придавили конец шнура куском базальта, прошли через второй тоннель и очутились в огромной пещере, через которую раньше не проходили. И тут они случайно обнаружили на полу второй конец своего шнура. Как он очутился там?..

Шнур лежал между камней, образуя несколько спутанных петель, словно брошенный кем-то второпях. Они с Расселом размотали петли, и оказалось, что шнур тянется дальше в один из тоннелей. Рассел начал уверять, что на шнуре появились утолщения, которых раньше не было, однако вне всякого сомнения это был их шнур, неизвестно как попавший в ту часть лабиринта, через которую они не шли. Осторожно двигаясь вдоль шнура, они в конце концов благополучно достигли выхода в Ледяную пещеру. Правда, здесь их чуть было не перестрелял Локк, но, к счастью, все окончилось благополучно... Благополучно, если не считать того, что Латикайнен исчез бесследно, а Ковальский болен...

Ночью, разумеется, никто не сомкнул глаз. Рассел снова и снова перематывал шнур. Он безуспешно пытался найти утолщения, почудившиеся ему во время пути по лабиринту. Локк копался в умолкнувшем передатчике...

Однако все имеет свой конец; кончилась и эта ночь, а на главной базе, кажется, обошлось без происшествий...

Стонор постучал лыжной палкой в обледеневшую металлическую обивку двери.

В чистом морозном воздухе раннего антарктического утра удары прозвучали, как гонг. Однако за дверью никто не отозвался. Стонор ждал, закусив губы. Подъехал Рассел, волоча нарты с Генрихом.

— Спит он, что ли? — раздраженно проворчал Стонор, снова принимаясь колотить палкой в дверь.

За дверью по-прежнему было тихо.

— Что вы подняли такой трезвон? — крикнул Локк, который задержался возле метеорологической будки. — Готов держать пари на свою бороду, что ночью доктор не высовывал носа наружу. У будки ни одного следа. Плакали мои наблюдения...

— На рассвете мело, — заметил Стонор. — Следы могло занести.

— Эй, Красная Шапочка, проснись, бабушка приехала! — заорал Локк и, вложив два пальца в рот, пронзительно зашвистел.

Однако и после этого разбойничьего свиста, сопровождаемого дробью палочных ударов по металлу двери, никто не отозвался.

— Может, с ним что-то случилось, — встревоженно предположил Стонор. — Такой шум поставил бы на ноги даже мертвецки пьяного... Неужели придется ломать дверь?

— Подождите, — вмешался Рассел. — Дверь нам еще понадобится. В ледяном коридоре у ангара есть запасной радиопередатчик.

— Идея! — крикнул Локк. — Попробуем начать переговоры по радио.

Метеоролог возвратился через несколько минут, таща маленький блестящий ящичек. Сдвинув меховую шапку набекрень, прижал к уху один наушник. Вспыхнул зеленый глазок на панели передатчика. Локк уже открыл рот, чтобы произнести позывные, но вдруг вытаращил глаза и застыл в недоумении.

— Ну, что там еще такое, Фред? — испуганно спросил Стонор, переставая долбить палкой в дверь. — Что случилось?

– Нет, вы послушайте только! – вырвалось у Локка. – Возьмите наушники. Что за кретин!..

Стопор торопливо схватил наушники.

– Алло, Ледяная пещера. Стопор, Рассел, откликнитесь!
– явственно услышал он прерывающийся шепот доктора.
– Святая Тереза Лиможская, дева Мария, помогите... алло, перехожу на прием...

– Скорее, Фред, он перешел на прием.

Локк откашлялся и пустил в эфир такой набор замысловатой брани, что Стопор отвернулся, а Рассел принялся смущенно теребить бороду.

– Ты меня понял, Красная Шапочка? – спросил в заключение Локк. – Перехожу на прием.

– Слышал, понял, слава создателю, – послышался в наушниках голос доктора. – Ради бога, скорее, Фред! Они держат меня в осаде с вечера.

– Кто они?

– Призраки. Только что они хотели сломать входную дверь.

Локк яростно махнул рукой.

– Слушай, ты, лиможская обезьяна! – заорал он в микрофон. – Сейчас же открой входную дверь. Мы торчим здесь больше часа. Ты понял меня?

В наушниках стало тихо.

Локк снова щелкнул переключателем.

– Ты понял меня?

Из наушников явственно донеслось приглушенное дыхание доктора. Однако он молчал. Локк приготовился в третий раз повторить свой вопрос, но в это время доктор кашлянул и, заикаясь, сказал:

– Я н-не совсем п-понял... Где вы т-торчите б-больше часа?

– Влезь на койку Джека, загляни в перископ и посмотри, где мы торчим.

– Я не могу последовать т-твоему с-совету, Фред. Они сломали перископ и, кажется, унесли его с собой.

Локк бросил быстрый взгляд на снежный бугор, под которым находилась Большая кабина, и убедился, что трубы перископа там действительно нет.

— Тогда постарайся понять. Мы стоим под дверью Большой кабины, в десятке метров от тебя. Стучим не меньше часа, а ты молишься по радио Терезе Лиможской вместо того, чтобы открыть дверь. С нами Генрих. Он тяжело заболел. Понял ты наконец?

— Понял, — невнятно прозвучало в наушниках.

Прошло еще несколько минут. Наконец за дверью в глубине коридора послышалось движение. Доктор крадучись поднимался по лестнице. Не дойдя до самого верха, он остановился и, видимо, стал прислушиваться.

Локк зло откашлялся.

— Кто там? — донеслось из-за двери.

— Доктор, ваши предосторожности бесспорно хороши, — крикнул Стонор. — Но всему должна быть граница. Открывайте.

За дверью послышалась возня. Доктор разбирал баррикаду. Потом звякнули засовы. Дверь дрогнула и чуть приоткрылась.

В образовавшейся щели блеснули очки доктора.

Локк, стоявший возле двери, толкнул ее плечом. Дверь распахнулась. Ослепленный солнцем и блеском снега, доктор, щурясь, отступал в глубину коридора, выставив перед собой длинную стальную острогу. Из карманов его халата торчали рукоятки пистолетов. За пояс был заткнут широкий нож.

— Нет, вы посмотрите на него! — воскликнул Локк, на всякий случай выставив вперед палку, чтобы отразить возможный удар остроги.

— Боже мой, Фред, дорогой! — воскликнул Жиро, отбрасывая острогу и раскрывая объятия.

— Легче на поворотах, Красная Шапочка! — предупредил Локк. — Целоваться будем после, а сейчас помоги втащить Генриха. Он парализован.

После завтрака собрались на «военный совет».

– Сейчас главное – исчезновение Латикайнена и болельщик Ковальского, – сказал Стомор. – Это вещи реальные. И о них мы должны подумать прежде всего. Каковы ваши соображения?

– Надо сообщить по радио об исчезновении Тойво и просить помощи, – предложил Локк. – До ее прибытия самим продолжать поиски в лабиринте.

– В первой части твое предложение нереально, Фред, – возразил Стомор. – Никто сейчас не пошлет самолета в Антарктику. Кроме того, у нас не хватит сил приготовить посадочную площадку для тяжелого самолета. Не забывай, что нас забросили сюда вертолетами. Что же касается поисков Тойво в лабиринте – я... пожалуй, считаю их бесполезными. Генрих, до того как он потерял сознание, осмотрел верхнюю часть лабиринта. Мы с Расселом обследовали нижнюю. В лабиринте Тойво, по-видимому, нет. Он не мог уйти один далеко от входа. Я предполагаю другое: Тойво возвратился, когда Генрих был в лабиринте. Обнаружив, что пещера пуста, а радио не работает, он попытался еще до прекращения пурги добраться до Большой кабины. Ведь он геолог: естественно, что он хотел скорее сообщить нам о месторождении... Тропу замело, он заблудился...

– Тойво – финн и, с его северной рассудительностью, пожалуй, не способен на такую выходку, – возразил доктор.

– Мне это тоже кажется маловероятным, – заметил Локк.
– Нет никаких доказательств, что он выходил из пещеры.

– Следы у входа. Мы с Джеком видели их.

Локк с сомнением покачал головой.

– Твое мнение, Генрих? – спросил Стомор.

– Не... знаю... – с трудом ворочая языком, прошептал поляк. – Я помню все... смутно... Какая-то... завеса... тут. – Он коснулся здоровой рукой лба. – Все... стараюсь вспомнить... и... не могу...

– Это пройдет, – поспешно сказал доктор.

– Возможно... Не знаю... Тойво был... хорошим товарищем...

Наступило молчание.

– Есть еще одна вполне реальная вещь, – сказал вдруг Рассел. – Таинственные аборигены Земли Королевы Мод.

– Но, Джек, – перебил Стонор, – неужели и ты?..

– Да. Разорванный и отброшенный далеко от места разрыва шнур и исчезнувший перископ – вещи реальные. Они не могут быть проделкой «призраков», о которых утверждает доктор. И даже пингвины, если бы им вздумалось навесить нас, едва ли были бы способны на такое...

– Шнур мог лопнуть сам от сильного натяжения. Ведь, поднимаясь по крутым участкам лабиринта, мы держались за него.

– Допустим, хотя тогда мы обязательно заметили бы момент обрыва. А перископ?

– Они утащили его, это ясно, как диагноз насморка, – сказал доктор. – Всю ночь они бродили вокруг Большой кабины и возились возле дверей. Это была ужасная ночь.

– Ну все-таки, кто «они»? – с раздражением спросил Стонор. – Вы, доктор, даже не можете описать, как они выглядят.

– Разумеется, я не смог разглядеть их как следует. В перископ были видны только тени. Не забывайте, что сильно мелко. Но я хорошо слышал удары в дверь. Когда они приближались к двери, она даже изнутри начинала светиться.

– Светиться?

– Да, фиолетовым светом.

– Это очень странно, – заметил Локк. – Значит, у нас были одинаковые галлюцинации. В Ледяной пещере мы с Генрихом тоже видели фиолетовое свечение. Я даже хотел стрелять...

– Ты хотел стрелять и в меня с Джеком, когда мы возвратились, – перебил Стонор. – Это доказывает лишь то, что у всех нас не в порядке нервы.

– Это доказывает, что возле нашей зимовки происходит нечто такое, чего мы пока не в состоянии понять, – тихо сказал Рассел. – Непонятное нельзя сбрасывать со счетов.

– Что же ты предлагаешь, Джек?

– Выход один. Мы столкнулись с явлениями, которых не можем объяснить, обнаружили лабиринт, который не сможем до конца исследовать. При неясных обстоятельствах исчез наш товарищ. Выход один, Ральф. Надо связаться с советской станцией. Она недалеко. У них есть самолет.

– Никогда! – закричал Стонор. – Никогда! Просить помощи у советских ученых! Ты забыл, что мы нашли место-рождение урана. Все что угодно, но не это.

– Постойте, Стонор, – поднял голову доктор. – Наш уважаемый ловец метеоров прав. У русских хороший врач. Вдвоем мы могли бы быстрее помочь Генриху. А об уране им совсем необязательно рассказывать.

– Нет, – твердо повторил Стонор. – Забудьте об этой идее. В случае организации совместных поисков им пришлось бы показать лабиринт. А там тоже уран. Нет, уж лучше просить помощи с континента...

– Стоит нам попросить помощи, Ральф, как первыми тут появятся именно русские, – насмешливо улыбнулся Локк. – Они ближе всех. Парни отзывчивые и... смельчаки, черт побери.

– Значит, будем выкручиваться сами, – запальчиво бросил Стонор.

Снова воцарилось молчание.

– Каков же план действий? – спросил наконец Локк.

– Надо... продолжать... поиски... Тойво... – внятно прошептал Ковальский.

– Конечно, – кивнул Стонор. – Попробуем организовать поиски на леднике... между Ледяной пещерой и Большой кабиной. В первую половину дня идем мы с Фредом; после обеда – Рассел с доктором. До темноты все должны быть в Большой кабине. Ночью дежурство по очереди. Джек, постарайтесь соорудить до ночи новый перископ с горизонтальным обзором.

– И с хорошим прожектором, – добавил Локк.

Рассел молча кивнул.

– А что передать по радио? – спросил Жиро, сосредоточенно разглядывая свои ногти.

— Ничего... Или нет: сообщите, что во время пурги пропал геолог Тойво Латикайнен. Тело пока не найдено.

— Гм, тело... И это все?

— Все.

Доктор сдвинул на лоб берет и покачал головой.

* * *

Поиски в окрестностях Большой кабины не дали результатов. Стонор и Локк еще раз добрались до Ледяной пещеры. Там все было на своих местах. Записка, адресованная Тойво, по-прежнему лежала возле радиопередатчика. Стонор поднял крышку люка, ведущего в лабиринт, долго всматривался во мрак. В ледяном коридоре было темно и тихо, ощутимо тянуло морозным воздухом.

«Странно, что мы не нашли выходов из этого загадочного подземного царства, — подумал Стонор. — А они явно есть. Сквозняк слишком силен. Надо во что бы то ни стало разыскать их...»

Послеобеденный поход геофизика и доктора также оказался безрезультатным. Они в нескольких местах пересекли ледник, заглядывали во все трещины; удостоверились, что темные пятна, выступающие среди снега и фирна, это — морена. На обратном пути Рассел предложил подняться на высокое плато, ограничивающее ущелье с юга. Доктор, проклиная в душе своего длинноногого спутника, согласился.

С вершины плато открылся вид на десятки километров вокруг. На северо-западе совсем низко над снеговым горизонтом висело неяркое оранжевое солнце. Густая синяя тень уже легла в долине. На юге за снежными волнами бескрайних белых увалов виднелись скалистые зубцы далекой горной цепи. Над ними в темнеющем небе висели радуги. Вихрь, летящий из глубин континента, уже поднял в воздух мириады мельчайших снежных кристаллов. Они преломляли солнечные лучи, образуя радужные пояса и своды.

– Надо возвращаться, коллега, – поеживаясь, сказал доктор. – Солнце заходит...

Рассел пристально всматривается в снежную равнину, раскинувшуюся на юго-восток от плато. Где-то там, на юго-востоке, пять дней назад упали обломки гигантского болида... Как добраться к месту падения?

– Если бы у нас был самолет, – тихо сказал геофизик.

– О-о! – оживился доктор. – Самолет! Можно было бы улететь в Монтевидео... Я хотел сказать, отправить туда Генриха, – поправился он, заметив удивленный взгляд Рассела.

С последними лучами солнца доктор и геофизик подъехали к Большой кабине. Локк копался возле метеобудки. Стонор прилаживал прожектор к новому перископу.

На вопрос Стонора Рассел отрицательно покачал головой.

– А у нас новость, – зло прищурился Стонор. – Радиogramма от русских. Предлагают помощь. Вероятно, слышали наш разговор по радио.

– Что ты ответил?

– Поблагодарил, просил не беспокоиться.

Рассел отвернулся и молча прошел в Большую кабину.

Вопреки предсказаниям доктора, ночь прошла спокойно. Ветер переменял направление и пригнал вереницы облаков. Столбик ртути в термометре поднялся до минус десяти градусов.

– Погодка на славу, – объявил Локк, возвратившись в полночь с метеоплощадки. – Тишина... Ни ветра, ни призраков... И такое полярное сияние – сквозь облака видно.

Доктор смущенно кашлянул.

По очереди дежурили у перископа, освещая окрестности зимовки сильным лучом прожектора. Каждый час дежурный поднимался наверх, обходил вокруг Большую кабину и метеоплощадку. Под утро снова налетел ветер, поднял в воздух снежную пыль.

– Через три часа рассвет, – сказал Стонор, дежуривший в последнюю смену. – Ваши призраки, доктор, решили ос-

тавить нас в покое. Запремся покрепче – и спать... Можно опустить перископ и выключить прожектор.

С восходом солнца пурга улеглась. Около десяти часов утра Локк открыл главный вход и принялся расчищать дорожку к метеоплощадке.

Возле будки с приборами лопата наткнулась на что-то твердое. Локк копнул глубже и вытащил... трубу перископа. Метеоролог растерянно оглянулся. Над снеговым куполом Большой кабины ярко блестел объектив второго перископа, только что выдвинутого Расселом.

– Так, – процедил сквозь зубы метеоролог, – ко всем прочим талантам, наш эскулап еще и актер... Ну, сейчас я ему устрою сцену с распущенными волосами...

Взвалив на плечо перископ, Локк решительно зашагал в Большую кабину.

На шум, поднятый разъяренным метеорологом, в салоне собрались все обитатели зимовки.

– Мошенник, фигляр! – кричал Локк, тыча под нос доктору обледеневшую трубу. – Я тебе покажу, как издеваться над товарищами!

– О-эй, подожди, Фред, при чем тут я! – бормотал доктор, поспешно отступая в угол салона. – Стонор, Рассел, держите его, он убьет меня!..

– Разрешите, – негромко сказал Рассел, отстраняя метеоролога и беря у него трубу.

– Я заставлю тебя проглотить свой берет! – продолжал кричать Локк, пытаясь поймать доктора за воротник.

– Успокойся, Фред, – вмешался Стонор. – Как, доктор, неужели вы решились на эту неумную шутку?

– Я.. я... – твердил совершенно ошеломленный Жиро.

– Комедиант, клистирная трубка, лиможский попугай!..

– Хэлло, Фред, не торопитесь! – Тон, которым Рассел произнес эти слова, заставил всех замолчать. – Вот нижний конец перископа, который я вчера вынул из штатива.

– Ну?

Рассел вместо ответа приложил нижний конец прибора к обледеневшей трубе, принесенной метеорологом.

– Ну? – все еще не понимая, повторил Локк.

— Верхняя часть перископа вырвана; не вынута, не вывинчена, а вырвана. Трубу разорвали. Ни у доктора, ни у нас всех, вместе взятых, не хватило бы для этого сил.

— О, черт! — пробормотал Локк, убедившись, что Рассел прав.

Доктор сообразил, что сейчас самый подходящий момент взять реванш.

— А, разбойник! — завопил он. — Ты чуть не задушил меня. Помесь павиана с навозным жуком! Ржавый флюгер! Я оскорблен как француз, как ученый, как человек. Я...

— Извини меня, Красная Шапочка.

— Я тебе не Красная Шапочка, а доктор медицины!.. Наглец! Я требую удовлетворения. Я... я...

— Джентльмены! — вмешался Рассел. — Отложите выяснение отношений. Надо немедленно осмотреть место, где был найден перископ.

* * *

— Совершенно ясно, что вчера его здесь не было, — объявил Стонор, когда осмотрели место находки. — Если бы Фред был внимательнее, он сразу заметил бы это. Перископ принесен ночью, скорее всего под утро, во время пурги.

— Что же все это означает? — пробормотал Локк.

— Следы! — вдруг крикнул доктор с купола Большой кабины. — Следы на снегу возле перископа. Идите сюда!

Стонор, Локк и Рассел поспешили к тому месту, где стоял доктор. Цепочка темных углублений на искрящемся снежном покрове ни у кого не вызвала сомнений.

— Следы ног, — задумчиво проговорил Стонор. — Ночной гость, видимо, обошел вокруг перископа, а следы сохранились лишь на подветренной стороне купола.

— Может быть, это наши следы? — заметил Локк.

— Разве ночью кто-нибудь из вас приближался к перископу? — спросил Стонор.

Все отрицательно покачали головами.

– Стойте! – крикнул вдруг Стонор. – А не кажется ли вам, что вот это углубление напоминает след босой ноги? И это тоже...

– Пожалуй, верно, – согласился доктор. – Вот отпечаток большого пальца, вот еще палец, а здесь пятка.

– Это такие же следы, какие мы видели позавчера у входа в Ледяную пещеру, – сказал Рассел. – К сожалению, мы затоптали их, не успев как следует рассмотреть.

Стонор опустился на колени, принялся внимательно разглядывать следы. Потом он тихо рассмеялся.

Локк и доктор удивленно переглянулись.

– Друзья мои, все ясно, – торжественно объявил Стонор. – Точнее, перед нами еще одна удивительная загадка Антарктиды. Это следы йети – таинственных снежных людей, которые, по мнению некоторых ученых, населяют высокогорные области Гималаев. В настоящее время в Гималаях йети, по-видимому, стали величайшей редкостью. Никто из европейцев их вообще не видел. Однако я сам лично наблюдал такие же следы на перевале Донкья-Ла, на запад от Эвереста, несколько лет тому назад. К двум величайшим открытиям мы можем добавить еще и третье: в Антарктиде сохранились крупные антропоиды. Нам необходимо поймать хотя бы одного из них...

– Судя по тому, что они без труда рвут на части металлические трубы, это будет нелегко, – покачал головой доктор.

– ...или убить!.. Это сенсация: йети на Земле Королевы Мод. Я не знаю, что произведет большее впечатление: лабиринт или древние человекообразные обезьяны, открытые нашей экспедицией в глубине Антарктического континента.

– Или уран, – заметил Локк.

– Об уране придется молчать, Фред, – вздохнул Стонор, – но уж зато йети...

– Можно дать о них корреспонденцию по радио? – оживился доктор.

– Ни в коем случае. Пока... Сначала надо раздобыть живого или мертвого йети. Если поднять шум раньше време-

ни, нас могут опередить. До конца зимовки около трех месяцев. Может, нам посчастливится и добудем не одного, а несколько экземпляров. Думаю, что чучело йети будет стоить не меньше миллиона долларов.

– Значит, йети вчера утащили перископ, а сегодня ночью вернули его? – спросил молчавший все это время Рассел.

– Убежден, что именно так и было.

– А зачем им это понадобилось?

Стонор развел руками:

– Но позволь, мой дорогой, откуда я могу знать, чем руководствуются в своих действиях антарктические обезьяны? Интересно, а что ты думаешь?

– Думаю, что любую гипотезу надо привести в соответствие с фактами. А факты свидетельствуют, что многое из случившегося напоминает сознательные действия...

– В ближайшие дни ты убедишься, Джек, что это отнюдь не гипотеза. А что касается фактов... Фред, не будешь ли ты так любезен принести кинокамеру? Надо быстрее сфотографировать эти следы.

* * *

Три дня зимовщики Большой кабины, подгоняемые нетерпеливым Стонором, охотились на таинственных аборигенов Земли Королевы Мод.

Погода благоприятствовала поискам. Солнце с каждым днем поднималось все выше. Ветра не было. Даже ночью температура не падала ниже двадцати градусов мороза.

Из ангара были извлечены аэросани, и Рассел, воспользовавшись обстановкой, совершил далекий маршрут на юго-восток, туда, где, по его предположениям, должны были упасть обломки болида. Однако ни метеоритов, ни йети, ни даже их следов обнаружить не удалось.

На снежном покрове зимовщики встречали лишь заструги да борозды, оставляемые полозьями аэросаней. Снежные люди словно провалились под лед.

– Три дня не было пурги, – говорил Стонор, возвращаясь вместе с Расселом на аэросанях из очередного маршрута. – Следы, оставляемые ими, должны были бы сохраниться, а тут... нигде ничего. И главное, они перестали по ночам приближаться к Большой кабине. В чем дело?

– Может быть, они появляются только в непогоду, – заметил геофизик, резко тормозя аэросани перед полосой обледеневших застрогов.

– Странная мысль!

– Но фактически так и было, – продолжал Рассел. – В последнюю ночь они, видимо, появились лишь под утро, когда разыгралась пурга и мы пошли спать. Предыдущие их визиты тоже совпадали с непогодой. И пожалуй, это похоже на маскировку... Надо подождать пурги, Ральф.

Аэросани выкатились на невысокое плато, ограничивающее с севера ущелье Ледяной пещеры. Внизу, в конце пологого склона, появились, словно из-под снега, верхушки мачт Большой кабины.

Возле метеобудки их встретил Локк.

– Как дела, Фред? – спросил Стонор, когда затих мотор и осела снежная пыль, поднятая мощным винтом аэросаней.

– Ничего нового. Впрочем, нет... Генриху опять стало хуже. Доктор говорит, что болезнь прогрессирует. Боюсь, что нам предстоит потерять и второго товарища, Стонор.

– В Ледяной пещере были?

– Да. Там все по-старому. Я даже рискнул спуститься метров на триста в лабиринт.

– Один?

– Доктор сторожил у открытого люка, и мы все время перекликались, как в лесу.

– Ну и что?

– Страшновато было. Но, в общем, ничего интересного.

– А как погода, Фред?

– Барометр падает.

– Будет пурга?

– По-видимому.

– Рассел считает, что это к лучшему...

– По-моему, тоже. По крайней мере, отдохнем от бесцельного блуждания по снегу. Я устал за эти дни, как пехотинец после форсированного марша.

После ужина доктор позвал Стонора в кухню.

– Надо что-то срочно предпринимать, шеф!

– Вы о чем? – спросил Стонор, глядя в сторону.

– О Генрихе, конечно. Если так пойдет дальше, он не протянет и трех дней.

– Вам виднее...

– Но я бессилён! – крикнул доктор. – Понимаете, бессилён! Я испробовал все, что имею. Чтобы лечить, надо знать источник поражения. Это не молния, во всяком случае, не обычная молния, и не радиоактивное излучение. Я не умею творить чудеса...

– Ну, а что вы хотите от меня?

– Не понимаете?

– Нет.

– Разрешения связаться с советской станцией. Возможно, что и их врач будет бессилён, но это последний шанс...

Стонор, насупившись, молчал.

– Вы не имеете права отказываться! Если он умрет, грех ляжет и на вас.

Стонор усмехнулся.

– Что изменится, если он умрет на руках советского врача?

– Во всяком случае, будем знать, что испробовали все средства, какие были доступны.

– Слабое утешение.

– Может быть. Но шансы есть. Я знаю, что русские в последние годы добились больших успехов в лечении всякого рода параличей. Врач советской станции – известный ученый. Не то, что я...

Стонор снова усмехнулся, похлопал Жиро по плечу.

– Кого ты хочешь обмануть, Ришар?

– Обмануть?

– Вся твоя дипломатия не стоит горсти снега. Хочешь избавиться от ответственности. Иметь возможность сказать: «Я не один провожал его в лучший мир. Мы посоветова-

лись с коллегой». Успокойся, никто не станет винить тебя, если он умрет. Не такой уж он крупный ученый... К тому же поляк...

— Он наш товарищ, Ральф!

— Да-да, конечно... Но в данном случае уже не это главное... Ты сделал, что мог, к тебе не будет никаких претензий. Обещаю как начальник зимовки...

— Ты можешь как угодно истолковать мою настойчивость, Стонор, — тихо сказал доктор. — Даже таким образом или еще хуже. Когда я трезв, я слишком низко ценю себя, чтобы обижаться на такое... Подумать, какая бездна подлости заключена в каждом из нас!.. Впрочем, это даже к лучшему, что мы так хорошо узнали цену друг другу. Можно отбросить условности. Итак, я жду ответа, Стонор, но прямо, без уверток.

— Этот тон вам не идет, доктор. Вы перестаете быть самим собой.

— Это не ответ.

— А другого и не будет. Занимайтесь сами своим больным. А остальное предоставьте провидению.

— Значит, отказываетесь?

— Считаю это бесполезным.

— А я как врач считаю это необходимым.

Круглое лицо Стонора начало краснеть.

— Если мне не изменяет память, начальником зимовки являюсь я.

Доктор печально покачал головой.

— Увы! Именно поэтому я и обратился к вам.

— Довольно. Я считаю вопрос исчерпанным.

— А я нет. — Голос доктора стал визгливым и резким. — И я вынужден предъявить ультиматум. Если до утра вы не согласитесь, я сам обращусь по радио к зимовщикам станции Солнечная.

— Не посмеешь.

— Посмею. Рассел на моей стороне.

— А Локк на моей... Подумай о последствиях, Жиро!

Пурга началась вскоре после наступления темноты. Сила ветра увеличивалась с каждым часом. К полуночи над Большой кабиной бушевал редкий по силе ураган. Сорвало прожектор, залепило снегом объектив перископа. Рассел попробовал опустить трубу, но ее перекосило ветром и крепко заклинило в держателе.

Помехи прервали радиосвязь. Доктор не выходил из кабины, в которой лежал Генрих. Больной уже не мог говорить. Только блестящие глаза и легкое подергивание правой стороны лица свидетельствовали, что жизнь еще не совсем покинула его парализованное тело.

Локк и Стонор, пытавшиеся совершить очередной обход вокруг купола Большой кабины, возвратились облепленные снегом с ног до головы.

– Бесполезно, – прохрипел Локк. – Невозможно удержаться даже на четвереньках, да и видимость – абсолютный ноль. Можно столкнуться нос к носу с этими самыми йети и не разглядеть их. Неважная погодка для охоты на снежных людей.

– А не устроить ли засаду в кабине аэросаней? – предложил Стонор. – Они крепко привязаны. Из кабины хороший обзор, а если включить подогрев, снег не будет заносить стекла.

– Во-первых, ты не доберешься до аэросаней; во-вторых, не откроешь дверцу, в-третьих, если и откроешь, кабину забьет снегом раньше, чем ты протиснешься внутрь.

– Так мы никогда никого не поймаем, Фред, – махнул рукой Стонор. – Я бы все-таки попробовал.

– Держу пари, что в такую погоду даже антарктические обезьяны не высунут носа из своих убежищ, – посмеивался метеоролог. – Им тоже жизнь дорога.

– Попыаться надо, – вмешался вдруг Рассел. – Раз нельзя пользоваться перископом, сани – единственная возможность продолжать наблюдение.

– Как, Джек, – удивленно прищурился Локк, – тебе тоже захотелось заработать миллион долларов?

– Он думает, что здешние йети предпочитают для прогулок именно такую погоду, как сегодня, – пояснил Стонор. – И, кажется, в этом есть определенная логика.

– Ты действительно так думаешь, Джек?

Рассел кивнул.

– Тогда можно попробовать, – оживился метеоролог. – Риск – благородное дело, как сказал один полководец, готовясь проиграть войну.

Первую попытку сделал Локк.

Однако уже через несколько минут он, совершенно обесилевший, ввалился вниз головой в выходной люк, где его ждали Рассел и Стонор.

– Ну?

Метеоролог, отдышавшись, разразился ругательствами.

– До саней ты дополз?

– Да, черт побери, но не смог открыть дверцу.

Рассел молча обвязался шнуром, перекинул через плечо футляр с телефоном и нырнул в снежные волны.

Локк спустился вниз, в Большую кабину. Стонор остался у входа один; напряженно ждал.

Постепенно разматывалась веревка, которой был обвязан геофизик. В шипении и вое пурги ничего нельзя было слышать.

Аэросани были укреплены метрах в пятидесяти от входа, над занесенным ангаром. Возможно, вокруг них уже наметало высокий сугроб и из кабины ничего не будет видно.

Веревка перестала разматываться. Стонор подождал еще немного, потом дважды дернул за веревку. Вскоре послышался ответный рывок. Рассел сообщал, что пока все в порядке.

Колючий снег струями бил в отверстие люка. Стонор опустил крышку, оставив только узкую щель, сквозь которую пытался разглядеть что-нибудь во тьме. На мгновение ему показалось, что он уловил вспышку света в той стороне, где стояли аэросани. Неужели Рассел все-таки проник в кабину саней и включил рефлекторы? Стонор напряженно

вглядывался в темноту. Нет, вероятно, почудилось. Он уже собирался еще раз сигнализировать рывком веревки, но в это время внизу приоткрылась дверь и послышался голос Локка.

Стонор опустил крышку люка, задвинул засов и спустился вниз.

— Он в кабине саней, — сказал Локк, протягивая Стонору телефонную трубку. — Можешь поговорить с ним.

— Хэлло, Джек! — крикнул Стонор в телефон. — Как дела?

— Сiju в кабине, — послышался в трубке голос Рассела.

— Рефлекторы включены?

— Да.

— Как видимость?

— Несколько метров.

— Не холодно?

— Нет.

— Мы будем по очереди дежурить у телефона. В случае чего сообщай!

— Да.

Прошло около двух часов. Пурга не утихала. На вопросы Стонора Рассел лаконично отвечал, что ничего не видит.

— Может быть, тебя сменить, Джек? — предложил Стонор.

— Пока не надо.

Прошло еще около часа. Из радиорубки выглянул Жиро.

— Опять начинается вой в эфире, как тогда, — вполголоса сообщил он. — Вот послушайте... — Доктор исчез в радиорубке, оставив открытой дверь.

Послышалось шипение динамика, и сразу же его сменил вибрирующий низкий звук — устрашающая мелодия тоски и угрозы. словно крылья каких-то неведомых злобных сил распростерлись над притихшими зимовщиками. А мелодия продолжала звучать, затихая и снова разрастаясь, предостерегая и угрожая, таинственная и непонятная.

— С ума можно сойти! — вскричал Стонор, затыкая уши.

Локк, сморщившись как от зубной боли, покачивал головой.

— Довольно! — гаркнул он наконец. — Не стоит злоупотреблять... такой музыкой.

Доктор поспешил выключить приемник.

– Ну как?

– Никогда не слышал ничего подобного, – признался Стопор. – Неужели и тогда это звучало так?

– Абсолютно. Самому хотелось завывать от ужаса.

– Странные здесь бывают помехи, – пробормотал Локк, раскуривая трубку.

Звякнул телефон. Стопор поспешно схватил трубку.

– Хэлло, Джек?

– Только что видел тень. Похоже на... медведя или крупную обезьяну. Посмотрите, что делается у люка.

По лицу Стопора Локк понял: что-то произошло.

– Появились?

– Кажется... Скорей! – Стопор указал на стоявший в углу карабин. – Джек, ты тоже, если увидишь, стреляй. Доктор, трубку!

Не слушая предостережений Рассела, Стопор сунул телефонную трубку доктору, схватил второй карабин и вслед за Локком выбежал из салона.

Припав к крышке выходного люка, они прислушались.

– Ничего, кроме воя пурги, Ральф.

– Открывай люк.

В лицо ударил слепящий снежный вихрь. Луч сильного фонаря пробил ревушую тьму всего на два–три метра.

– Как будто никого, Фред.

– Гаси фонарь. Быстрее! Смотри...

Расплывчатое зеленовато-фиолетовое пятно появилось среди снежных вихрей. Оно медленно приближалось.

Локк и Стопор поспешно скинули карабины.

Треск двух выстрелов, слившихся в один, утонул в вое пурги. Затем произошло нечто невероятное.

Яркая зеленая вспышка, подобно молнии, разорвала тьму. Порыв ветра, более сильный, чем все предыдущие, подхватил снежные вихри и разметал их прочь.

В десятке метров от люка на снегу корчилось огромное мохнатое существо. Его длинная шерсть светилась ярким голубовато-фиолетовым светом, а из тела били в окружаю-

щую тьму зигзаги зеленых молний. Одна из молний скользнула над головой Локка. Сильно запахло озоном.

– Люк, быстро! – крикнул Стонор.

С грохотом захлопнулась тяжелая крышка. Локк хотел задвинуть засов. Металлический обод люка вспыхнул голубоватым светом. Сильный удар оглушил метеоролога, и он покатился в глубину коридора, увлекая за собой Стонора.

* * *

Доктор, не отнимая от уха телефонную трубку, настороженно прислушивался. Вой пурги стал громче.

Значит, открыли выходной люк.

– Они выходят наружу, Джек.

– Ты успел предупредить, чтобы без нужды не стреляли? Это какое-то удивительное существо. Вероятно, Стонор ошибся...

– Выстрел, Джек!

В телефоне послышался треск, потом шипение.

– Сани... оторвало... – с трудом разобрал доктор в промешутке между разрядами. – Меня понесло...

Последний, прерывистый треск – и в телефонной трубке стало тихо.

«Оборвался провод, – мелькнуло в голове доктора. – Что же теперь будет?»

Грохот в коридоре заставил его вскочить. Из-под портьеры выполз на четвереньках облепленный снегом Стонор. Следом за ним показалась всклокоченная голова Локка. Оба с трудом поднялись на ноги. Локк, даже не пытаясь отряхнуть снег, шагнул к столу и тяжело опустился на стул.

– Тебя не ранило, Фред? – пробормотал Стонор, протирая кулаками глаза.

Локк попытался ощупать себя.

– Кажется, нет. Но что за адскую бестию мы подстрелили?

Стонор ошалело вертел головой.

— Уму непостижимо. Никогда бы не поверил, если бы... не видел сам. Засов! — спохватился он вдруг. — Ты успел задвинуть засов?

— Не... знаю...

— Доктор, скорей проверь, задраен ли люк. Но... не открывай. И не касайся засова голой рукой.

Доктор на мгновение зажмурил глаза и с видом приговоренного к смертной казни шагнул за портьеру.

Когда он возвратился, Стонор вертел в руках телефонную трубку.

— Дверь не светилась? — спросил Локк.

— Н-не заметил. Засовы задвинул...

Локк облегченно вздохнул.

— А что с телефоном, доктор? — удивленно спросил Стонор. — Почему он молчит?

— После вашего выстрела Джек только успел крикнуть, что сани оторвало и его уносит ветром. И еще он крикнул, что ты ошибся...

— Ошибся? В чем? — растерянно спросил Стонор.

Локк вскочил.

— Джек погибает, а мы тут...

— Ни шагу, Фред! Ему ты не поможешь. И вспомни, что лежит за дверью.

Локк отступил и закрыл лицо руками.

— Что же делать, Стонор?

— Ждать, когда кончится пурга.

Метеоролог, не отнимая стиснутых пальцев от лица, снова опустился за стол. Доктор содрогнулся, услышав, что Локк плачет...

Обитателям Большой кабины эта ночь показалась особенно долгой. Стонор бесцельно бродил по салону, время от времени откидывая тяжелую портьеру и, приоткрыв дверь в коридор, прислушивался. Но снаружи доносились лишь завывания пурги.

Под утро из радиорубки вылез доктор.

Шаркающей походкой он подошел к Стонору.

– В эфире тихо и хорошо слышно русских. Они вызывают нас. Ради матери Джека, ради своих детей, Ральф, разреши связаться с ними.

– Подождем до утра. Надо посмотреть, кого мы убили ночью. Потом решим. А сейчас оставь меня в покое.

Доктор принялся трясти метеоролога:

– Фред, ты понимаешь, что здесь происходит? Помоги мне... скажи Стонору...

Но, заглянув в глаза Локка, доктор махнул рукой и, сгорбившись, вернулся в радиорубку.

Наконец, судя по часам, наступил рассвет. Пурга продолжала бушевать. Ветер достиг чудовищной силы. Где-то наверху, над просторами вздыбленных снегов, поднялось солнце, а над куполом Большой кабины ураган продолжал гнать тысячи тонн стремительной снежной пыли.

Выйти наружу оказалось невозможным.

Ветер не только угнал весь принесенный снег – он поднял в воздух и часть старых сугробов, наметенных за прошедшие недели. Люк запасного выхода, ночью находившийся на уровне снежного покрова, теперь возвышался почти на метр. Верхняя часть выходной шахты содрогалась от непрерывных ударов ветра и вибрировала, как вагон бешено несущегося поезда. Из отверстия люка нельзя было выставить головы. Мутный свет сменил тьму, но он был так же непроницаем, как и чернота минувшей ночи.

После безуспешных попыток выбраться из люка Стонорс трудом задраил его и по забитому снегом коридору возвратился в салон.

– Да очнись, старина, – шепнул он Локку. – Чего раскис! Ведь это Антарктида. Поверь, мне не меньше тебя жаль Джека, но что поделаешь? Если сани не разбило о ближайшие скалы, ураган мог угнать их за сотню километров. Не помню такого бурана. Скорость ветра не меньше пятидесяти метров в секунду. Очнись, нам еще предстоит немало дел... И может быть, Джек не погиб. В баках было горючее. Стихнет ураган, он заведет мотор и возвратится.

Локк медленно поднял голову. Стонорс глянул ему в лицо и содрогнулся. Фред постарел за ночь лет на десять. Гла-

за потускнели, морщины стали глубже, черты лица заострились.

— Ты не заболел?

— Нет, говори, что надо делать, Стонор.

— Пока ждать. Впрочем, обсудим... Боюсь, что мы не найдем трупа убитой бестии. Ветер мог уволочь его куда угодно. Это будет ужасная неудача, Фред...

Стонор не ошибся. К вечеру ураган ослабел настолько, что можно было выбраться наружу. Пригибаясь до самой земли, чтобы удержаться на ногах, Стонор и Локк обшарили площадку вокруг купола Большой кабины. На ней ничего не оказалось. Новых сугробов поблизости не было. Тело светящегося ночного чудовища исчезло. Не нашлось и никаких следов аэросаней. Только оборванный телефонный провод, закрученный ветром вокруг оттяжки радиомачты, напоминал о событиях прошедшей ночи.

Ужинали молча. Стонор был подавлен случившимся.

Мысли Локка блуждали где-то далеко. Доктор за весь день не промолвил ни слова.

— Интересно, появятся они сегодня ночью? — спросил Стонор, вставая из-за стола. — Как по-твоему, Ришар?

— Мне все равно, — пробормотал доктор.

— А как Генрих?

— Пойди посмотри...

Стонор заглянул в кабину, где лежал поляк.

— Он спит... или...

Доктор бросил на Стонора внимательный взгляд поверх очков и, ничего не сказав, прошел в кабину Ковальского.

Стонор подошел к Локку.

— Что ты думаешь, Фред, по поводу наших ночных чудовищ? Что это такое?

— А я о них вообще не думал, — тихо сказал метеоролог. — Не знаю...

— Поразительна их способность аккумулировать энергию, — рассуждал вслух Стонор. — Это какие-то ходячие аккумуляторы колоссальной емкости. И что это за энергия? Обычное атмосферное электричество или что-то другое? С аккумуляцией энергии, видимо, связана и способность светить-

ся. И почему-то они появляются именно в непогоду... Шерпы рассказывали мне о гималайских йети всякие сказки, но действительность превзошла самую буйную фантазию. Если бы не исчезновение Джека, я готов был бы думать, что нам с тобой все приснилось.

— Если бы это был сон, Стонор!

Стонор вместо ответа ударил себя ладонью по лбу.

— Какая мысль! Не их ли приближение создает эти поразительные помехи в радиосвязи? Ведь если они являются источниками какого-то излучения...

— Знаешь, Стонор, — сказал задумчиво Локк, — я теперь убежден, что Тойво попал в руки этих адских тварей. Они, без сомнения, водятся в подземном лабиринте. Свечение воздуха, шорохи — это их работа. Удивительно, как они тогда выпустили вас живьем...

Стонор вздрогнул.

— Ты думаешь?

— Нас осталась половина, — продолжал Локк. — Мы теперь ничего не сделаем... Мы даже не узнаем о судьбе пропавших товарищей. Ведь и Рассел, если он уцелел, мог очутиться во власти этих тварей. Может, их несколько бродило вчера ночью возле Большой кабины? Если они вздумают атаковать нас, мы погибнем...

— Атаковать?

— А почему бы и нет, Стонор?.. Я все думаю и никак не могу понять, почему Рассел предупреждал доктора, чтобы мы не стреляли. И что он имел в виду, говоря, что ты ошибся?

— Ерунда все это... Радио, вот что важно... Эти странные помехи, они могут подсказать...

Стонор поспешно прошел в радиорубку.

Вскоре в открытую дверь донеслась музыка.

— Это, кажется, Кейптаун, Фред, — сказал Стонор, возвращаясь. — Пока в эфире спокойно.

Музыка резко оборвалась. Краткая пауза, а затем:

— Алло, алло, говорит радиостанция Солнечная. Вызываем зимовку англо-американо-французской экспедиции.

Алло, алло, Большая кабина, почему молчите? Сообщите, что случилось. Алло, алло...

Текст обращения был дважды повторен по-английски, затем по-французски.

— Не понимаю, чего ради они опять нас вызывают, — раздраженно бросил Стонор.

— А что тут непонятного? Мы молчим. Они — ближайшие соседи. Это Антарктида, Ральф. — Локк поднялся из-за стола. — Надо им немедленно ответить. Может быть, позвать доктора?

— Не надо. Поговори сам.

Локк шагнул в радиорубку.

— Слушай, Фред, подожди минутку! — крикнул Стонор. — Ты им скажи так...

Он не успел кончить: в репродукторе послышался вой. С каждой секундой вой становился все громче.

Из радиорубки выглянул Локк.

— Эфир взбесился. Ничего не слышно, кроме этой адской музыки.

— Наверно, они опять приближаются к Большой кабине, Фред, — прошептал Стонор. — Сделай тише, но не выключай. Попробуем выдержать эту мелодию. Вот так... Ну, что предпримем, старина?

* * *

Прошло несколько часов. Вой продолжал звучать в эфире. Он то усиливался, то слабел, но был слышен на всех волнах и совершенно прервал радиосвязь.

— Они ходят вокруг Большой кабины, — стиснув зубы, говорил Стонор. — Ходят и что-то вынюхивают.

— Странно, что они не пытаются проникнуть к нам, — заметил Локк. — При их силе и прочих свойствах им ничего не стоит сломать крышу ангара или выходной люк.

– Они не могут сообразить, что надо сделать, – неуверенно предположил Стонор. – При всех их особенностях это не более чем обезьяны.

– А по-моему, это не обезьяны, Ральф, – Локк понизил голос. – Я не суеверен, но, право, и мне начинает казаться, что мы столкнулись с... призраками – злыми духами холода и мрака, истинными хозяевами этих проклятых ледяных пустынь.

– Чушь, невероятная чушь, Фред! Они оставляют следы на снегу, как любое живое существо, и ты сам убедился, что они уязвимы для пуль. Все дело, вероятно, в том, что тут, в условиях Антарктиды, у них из поколения в поколение вырабатывались особенности, которыми не обладает большинство живых существ, – способность аккумулировать электрические заряды, а может быть, и другие виды энергии. Например, энергию радиоактивного распада. Ученым давно известны организмы, способные аккумулировать электричество. Вспомни электрических скатов из семейства торпединид. У них есть электрические органы по бокам головы, они могут создать разряд напряжением до трехсот вольт.

– Все это теория, – скривился Локк, – а на практике у меня, пожалуй, не хватит мужества выпустить еще одну разрывную пулю в эту светящуюся бестию. Никто не назовет меня трусом, но сейчас, признаюсь, мне страшно.

– И все-таки рано или поздно нам придется выбраться наверх и еще раз попытаться счастья.

– Счастья?

– Конечно. Мы любой ценой должны заполучить такую бестию. Хотя бы одну. Иначе нам не поверят.

– Джек вчера ночью успел крикнуть, что ты ошибся, Ральф. Он имел в виду этих обезьян. В чем ты мог ошибиться?

– Доктор что-то напутал. И какая разница – обезьяны или что-нибудь другое! Это новый вид, а быть может – род или даже новое семейство человекообразных с особыми и пока совершенно загадочными энергетическими свойствами...

Открытие в квадрате, в кубе. Оно принесет мировую славу. Мы обязательно должны убить эту тварь.

— А вдруг они разумны?

— Что за бред!

— Они сильны, легко могли бы уничтожить нас, но не нападают. И вспомни лабиринт и возвращенный перископ... А этот странный вой. Его оттенки меняются... Может быть, они хотят привлечь наше внимание?..

— Ты сошел с ума, Фред. Ты же видел, что это такое. Если у них и есть крупица разума, то не больше, чем у питекантропа. Решительно, тебе следует глотнуть свежего воздуха. Почему бы тебе не заглянуть на метеоплощадку? Последние дни ты часто нарушаешь график наблюдений.

— Хочешь, чтобы я вышел сейчас наружу?

— Вместе со мной. Я буду страховать. Сейчас не очень метет...

— Хочешь использовать меня как приманку? В Индии так охотятся на тигров... с молодым барашком... Бэ-э, бэ-э...

— Боишься?

— И не скрываю этого. И ты боишься, Стонор. И доктор боится. И каждый боялся бы на нашем месте. Мы столкнулись с чем-то небывалым, грозным, непонятным и потому страшным. Но мы все боимся по-разному. Доктор прикрыл голову подушкой и надеется проспять страшные часы; в тебе страх борется с честолюбием и желанием слупить миллион долларов за шкуру этой бестии. А меня после гибели Джека не привлекают даже доллары. Да ты и не поделился бы со мной, Стонор.

— Хочешь поторговаться, Фред? Подходящий момент, чтобы сделать бизнес.

— Нет, торговаться не буду. Пойду...

— Куда?

— На метеоплощадку. Чтобы ты больше не смог упрекнуть Фреда Локка в нарушении графика наблюдений.

— Ну вот, ты, кажется, обиделся на меня, старина.

— Нет. На тебя обижаться нельзя. Ты начальник. На войне, как на войне...

Перед выходом на поверхность Стонор снова включил радио.

Вой звучал тише, временами совсем затихал. В нем появились новые оттенки тоски и неутолимой боли.

– Невероятно, – прошептал Стонор. – В этом действительно есть мелодия и какой-то свой ритм. Что все это может значить? Если источником помех являются здешние обитатели, пожалуй, сейчас они удаляются от Большой кабины. Не опоздать бы нам.

Надев поверх меховых рукавиц резиновые, Стонор осторожно опустил крышку люка. Над головой блеснули радужные фестоны полярного сияния. Сквозь разноцветные волны, медленно катившиеся по темному небу, просвечивали звезды. Ветер задувал редкими порывами, поднимая и гоня струи поземки.

Стонор посветил сильным рефлектором и убедился, что площадка вокруг люка пуста.

– Опоздали! – крикнул он в самое ухо Локка. – Слишком долго философствовали... Погода улучшилась, и... они исчезли.

– Но мороз дьявольский, – пробормотал метеоролог, вылезая из люка.

– Посмотри, нет ли следов! – снова крикнул Стонор.

Локк вместо ответа указал на шипящие струи поземки, сразу же заносившие его собственные следы.

Пригнувшись, чтобы удержаться на ветру, метеоролог нащупал провод, протянутый к метеобудке, и, не оглядываясь на Стонора, шагнул в снежную тьму.

Возле будки тоже никого не оказалось. Все было на месте, в полном порядке, и Локк занялся приборами. Его охватило полнейшее безразличие ко всему происходящему. Он словно наблюдал за собой со стороны.

Вот Локк берет отсчеты и записывает их, вот сменяет ленты, закрывает будку, проверяет направление ветра. Странно, что этот Локк ничего не боится. А ведь он боялся, он знает это...

Он, кажется, не испугался даже и тогда, когда, возвращаясь к люку, увидел перед собой что-то темное.

– Стонор? – окликнул он.

Нет, это был не Стонор. Луч света скользнул по густой шерсти, осветил уродливую коническую голову с большими, как у летучей мыши, оттопыренными ушами. Чудовище медленно приближалось, легко переставляя похожие на колонны ноги. Длинные руки были протянуты вперед. Широкий темный нос жадно втягивал морозный воздух – ловил неведомый запах. В черных провалах глазниц светились две красноватые точки, устремленные на Локка.

«Глаза, а за ними мозг... – мелькнуло в голове метеоролога. – Оно внимательно разглядывает меня, но не торопится подойти!» Локк вдруг вспомнил, как охотился ночью с фонарем в джунглях западной Суматры. Он без промаха всаживал пулю между блестящих глаз, устремленных из темноты в световой сноп фонаря.

«Почему бы и сейчас?..» Он нащупал в кармане рукоятку пистолета. Расстояние – десять шагов. Он не промахнется. А, собственно, почему он должен стрелять? Ведь он даже не знает, что или кто находится перед ним. Расстояние – восемь шагов... семь... Рассел тогда крикнул, что Стонор ошибся... Предупредил, чтобы без нужды не стреляли... А почему знакомство с неизвестным надо обязательно начинать с пули?.. Локк остановился. Остановилось и мохнатое ночное чудовище.

«Странно, что оно не пытается приблизиться, – думал метеоролог. – А может, у него мирные намерения? Мирные? Известны ли ему такие понятия? Что вообще ему известно, этому порождению льдов и мрака? Думает ли оно, может ли оно думать?»

Локк чувствовал, что весь дрожит, и в то же время был удивительно, непостижимо спокоен.

«Спокойствие перед неизбежным концом?.. Странно, кажется, оно делает мне какие-то знаки. Что могут означать движения его рук? Не приближаться?..»

Яркий луч света откуда-то из-за спины чудовища ослепил Локка. Метеоролог скорее угадал, чем расслышал крик Стонора:

– Фред, ложись!.. Стреляю!..

— Нет! — Локк отчаянно замахал руками. — Не стреляй... Подожди, Ральф!

Темная фигура ночного гостя с непостижимой для его размеров быстротой выскользнула из-под скрещенных лучей двух рефлекторов. Локк успел заметить еще один, предостерегающий жест чудовища, без сомнения адресованный ему. Он замер на месте. В то же мгновение под фонарем Стонора блеснуло. Гулко грохнул выстрел, затем другой. Две пули просвистели совсем близко. Еще выстрел и еще. Видимо, Стонор стрелял наугад в темноту.

— Не стреляй, Стонор!

Еще выстрел... Он оказался последним.

Невдалеке от того места, где стоял Локк, вспыхнуло зеленое пламя. Локк разглядел неясные контуры мохнатой фигуры, которая на мгновение озарилась зеленовато-фиолетовым сиянием. Послышался треск.

Яркая, похожая на молнию искра ударила туда, где метался желтый луч фонаря Стонора. Луч описал широкую дугу, ткнулся в снег и погас.

Локк глянул в ту сторону, где только что видел светящуюся фигуру ночного пришельца. Там был мрак. Направил туда луч фонаря — никого. Очертил лучом вокруг себя — пусто.

Ночной призрак словно провалился сквозь землю. А может быть, улетел по воздуху?... Локк задрал голову, но увидел только причудливые сполохи полярного сияния.

Метеоролог медленно подошел к тому месту, где лежал шеф. Он догадывался, что произошло. Стонор лежал ничком, уткнувшись лицом в снег. Локк нагнулся, осторожно перевернул неподвижное тело и, еле волоча ноги, потащился к открытому люку.

* * *

Краснокрылый самолет описал широкий круг над Большой кабиной, приветственно качнул крыльями и пошел на посадку. Локк и доктор ждали у главного входа.

Самолет легко коснулся лыжами гладкой белой поверхности; замедляя бег, скользил в прямоугольнике, отмеченном цветными полотнищами. В облаке снежной пыли, поднятой винтами, сверкали радужные круги. Обрамленная дугами серебристая машина подкатила к Большой кабине.

Смуглый горбоносый человек в шелковистом голубом комбинезоне с откинутым капюшоном спрыгнул на снег. Ветер подхватил его густые черные волосы, бросил на лицо. Придерживая волосы рукой, человек направился к зимовщикам Большой кабины. За ним из самолета уже вылезал второй – большой и грузный, в пушистом меховом комбинезоне и унтах, затем легко выпрыгнул третий – маленький и юркий, в меховых штанах и коричневой кожанке.

– Начальник станции Солнечная – Шота Вериадзе, – представился брюнет, протягивая руку Локку. – Мои товарищи – летчик Иван Лобов и врач Юрий Белов.

Здоровенный Лобов крепко сдвинул в кулаке руку метеоролога; у Локка хрустнули пальцы. Рукопожатие миниатюрного Белова также оказалось твердым.

Локк представил доктора.

– Где пострадавшие? – спросил по-французски Белов, внимательно и строго глядя на Жиро.

– Вашей помощи ждет только один, профессор. Он внизу, в Большой кабине. Начальник зимовки – геолог Стононор – был убит на месте.

– Состояние больного?

– Очень тяжелое.

– Может быть, сразу и пройдем к нему?

– Разумеется.

– Пожалуй, и мы не будем терять дорогого времени, – предложил Лобов. – Машина готова. Сейчас механики добавят горючего, и начнем поиски.

– Иван прав, – кивнул Вериадзе. – Есть что-нибудь новое?

– Абсолютно ничего, – сказал Локк. – Вчерашний день и сегодняшняя ночь прошли спокойно. «Электрические обезьяны», как их называл покойный Стононор, больше не появлялись.

Вериадзе потер гладко выбритый подбородок.

– Предлагаю сделать так. Юрий останется здесь. Мы с Иваном летим на поиски. Вы сможете присоединиться к нам?

– Конечно, – ответил Локк. – Но, пока заправляют машину, прошу вниз, на чашку кофе. За столом обсудим детали. Пропустив гостей вперед, Локк нагнулся к уху доктора:

– Ты, кажется, назвал этого мальчика профессором, Рипар?

Жиро сердито фыркнул.

– Этот «мальчик» – известнейший медик, доктор наук, автор десятка книг и сотен статей. Это три аса, Фред. Вериадзе – крупный геофизик и метеоролог, почетный член многих академий, в том числе и вашей – американской, а Лобов – непревзойденный мастер полярной авиации.

Локк покачал головой.

– Большая cabina удостоилась большой чести, Жиро.

– Остается пожалеть, что это не случилось тремя днями раньше.

За столом Локк кратко рассказал о событиях последних десяти дней. При упоминании о подземном лабиринте Белов и Вериадзе переглянулись.

– Все это очень странно, господа, – задумчиво сказал Вериадзе, когда Локк кончил. – Разрешите задать вам несколько вопросов. Впрочем, вы, разумеется, можете не отвечать, если сочтете некоторые вопросы чересчур прямыми или недипломатичными.

Локк смутился.

– Задавайте вопросы. Я расскажу все, что мне известно.

– Этот лабиринт, на который вы случайно наткнулись ледяной штольней, он – в древних лавах?

– Покойный Стопор называл породы лабиринта базальтами.

– Так... Какова же его протяженность?

– Очень большая. Мы не успели исследовать его целиком.

– У пустот гладкие, словно отполированные стены?

– Именно... И сеть пустот очень сложна... Но, простите, откуда вы знаете?

– В прошлом году подобные пустоты в древних лавах были обнаружены нашими предшественниками близ станции Солнечная. Сейчас результаты их исследования уже опубликованы.

Локк тяжело вздохнул.

– Жаль, что покойный Стонор не знал...

– К сожалению, и мы не знали о вашей находке. Мы общили бы вам все наши данные...

– Господин Вериадзе, – вмешался Жиро, – а как вы и ваши товарищи объясняете... э–э... как бы это сказать... кто создал такие лабиринты?

– Есть несколько точек зрения на этот вопрос. На него легче будет ответить после того, как мы осмотрим вашу находку. У нас лабиринт невелик, и его каналы сильно испорчены льдом. Впрочем, говоря о возможных создателях лабиринта, лучше употреблять местоимение «что», а не «кто». Это естественные пустоты и, вероятнее всего, они образованы вулканическими газами. Возможно, это каналы фумарол. Обычно такие каналы по мере отмирания вулкана заполняются различными минералами... Здесь этого не произошло. Из глубин выделялись какие-то газы, которые при своем движении вверх растворяли или разъедали лавы и создали сеть пустот. А затем выделение газов резко прекратилось и пустоты остались незаполненными. Но, повторяю, это лишь одно из многих возможных объяснений... В нашем случае газы, выделявшиеся из глубин, несли радиоактивные элементы. В краевой части лабиринта мы нашли небольшие скопления одного очень редкого ториевого минерала – если хотите, небольшое месторождение тория...

– С нашим лабиринтом связано урановое месторождение, – сказал Локк не поднимая глаз. – И Стонор считал его богатым. Вот образцы...

– Я не минералог, – улыбнулся Вериадзе, – но, судя по этим образцам, ваш лабиринт интереснее...

– Нам, пожалуй, пора к больному, доктор, – заметил, хмурясь, Белов.

– Да-да, конечно, – согласился Жиро, торопливо допивая кофе.

– Но еще один вопрос, прежде чем расстаться: что вы думаете по поводу наших «светящихся призраков», господин Вериадзе?

– Пока ничего... Или, вернее, пока готов думать все что угодно. В нашем секторе, да и нигде в Антарктиде, никто не встречал ничего подобного. Может быть, вам удалось сделать поразительное открытие...

– Эти области Земли Королевы Мод до нас никем не исследовались, – возразил Локк. – Так же как и огромные территории в центре континента. Антарктида – край множества загадок. Нам случайно удалось натолкнуться на одну из них... За этот приоритет мы заплатили очень дорогой ценой.

– Да, первые встречи обошлись дорого... Неужели эти... загадочные существа обитают в лабиринте?

– Во всяком случае, заходят туда. Факты, о которых я рассказывал вам, мистер Вериадзе, говорят сами за себя.

– Остается четыре часа светлого времени, – пробасил Лобов, отодвигая недопитый стакан. – Предлагаю продолжить разговоры в самолете.

– Откуда вы думаете начать поиски? – спросил Вериадзе, вставая.

– В ту ночь ветер дул с юго-востока, – сказал Локк. – Сани могло угнать только на северо-запад, в сторону океана. Мне кажется, следует лететь к побережью. Километрах в сорока отсюда в сторону берега есть группа нунатаков. Они окружены полосой трещиноватого льда. Сани, если их не разбило по пути, могли там задержаться.

– А в какой стороне от вашей станции находится лабиринт?

– Шесть километров к западу.

Вериадзе задумался.

– Хорошо, – сказал он наконец, – полетим в сторону океана, но по пути осмотрим и горы в районе лабиринта. При урагане ветер часто меняет направление. Сани могло угнать и на запад к горам. Хотя ветер дул именно с юго-

востока, через четыре или пять часов после того, как с господином Расселом произошло несчастье, сани, по-видимому, находились значительно западнее вашей станции. Наши радисты не могли ошибиться: сигнал бедствия был получен именно оттуда. А никто, кроме господина Рассела, сигнал подать не мог.

— Но это было давно...

— Да, около трех суток назад. Однако других сведений у нас нет.

— Хорошо, попробуем начать с Западных гор, а потом полетим к северу, — согласился Локк.

— Надо, чтобы кто-нибудь из остающихся все время был у передатчика. Могу оставить здесь для помощи одного из механиков. Самолет будет держать постоянную связь с Большой кабиной и со станцией Солнечная... Через три с половиной часа мы возвратимся.

Ровно через три с половиной часа, с последними лучами солнца, самолет Лобова подрулил к Большой кабине.

Пока укрепляли самолет с подветренной стороны снежного купола, Вериадзе и Белов успели перекинуться несколькими фразами.

— Разбитые аэросани мы нашли в шестидесяти километрах отсюда, у северного подножия гор, — сказал Вериадзе в ответ на вопрос профессора, — но геофизика там нет. Мы прошли над санями на бреющем полете. Кабина пуста, и вокруг никаких следов. Либо он выпал из саней раньше, либо остался цел и решил добираться к базе пешком. В обоих случаях шансов на спасение почти никаких. Сейчас Лобов проявит фотопленку, проверим еще раз всю трассу. А что нового у тебя?

— Геодезист очень плох. Но надежда есть. Все было бы гораздо проще, если бы начать лечение раньше. Впрочем, этот Жиро — молодец. Хоть он, кажется, и алкоголик, но талантливый врач. Он сделал все, что было в его силах, и даже больше. Если бы не он, поляк умер бы несколько дней назад.

— Видел ты тело их начальника?

– Да. Он убит каким-то неизвестным мне разрядом большой мощности. Ткани головы разрушены, однако, по некоторым признакам, разряд мог быть холодным.

– Значит, действительно убийство?

– Но совершенное не человеческими руками.

– Уверен?

– Да... Паралич геодезиста, вероятно, вызван подобным же разрядом, но гораздо меньшей мощности...

– Значит, эти их «электрические обезьяны» – не галлюцинация?

– Убежден, что нет. Впрочем, все это не похоже на поражение электрическим током. Вероятно, это какой-то другой вид энергии.

Договорившись о порядке дежурств, все, кроме Лобова, спустились в салон Большой кабины. Летчик остался в самолете проявлять снятый фильм.

Жиро решил блеснуть кулинарными талантами и приготовил к ужину изысканный набор французских блюд. Ужин прошел в молчании. За тонкой перегородкой лежало на грани жизни и смерти неподвижное тело Ковальского. Белов дважды во время ужина поднимался из-за стола и исчезал в кабине геодезиста. А в темном ангаре ждал погребения изуродованный труп Стонора...

После ужина Лобов принес проявленный фильм. Все склонились над пленкой.

– Вот сани на снегу, – сказал Вериадзе, – они просто увязли в сугробе. По пути их ударило обо что–о. Сломан винт, и нет двери кабины. Кабина пуста – это хорошо видно. След саней здесь очень отчетлив, а больше никаких следов. Вашего товарища уже не было в кабине, когда сани завершали свой бег. А сигнал бедствия был послан примерно из того района, где сейчас находятся сани... Значит, господин Рассел покинул сани незадолго до их полной остановки...

– Посмотрим другие снимки, – предложил Локк.

– Конечно. Вот на следующем снимке еще виден след саней. Постепенно он становится все менее четким. Его по-

что занесло снегом. Вот след обрывается, и дальше ничего не видно...

На остальных снимках были только снег, шагреневая поверхность застругов, да резкие черные пятна нунатаков. Ни Рассела, ни его следов...

— Завтра утром мы посадим самолет невдалеке от саней и осмотрим всю окрестность, — сказал Вериадзе. — Потом продолжим полеты...

— А лабиринт? — спросил Жиро.

— Дойдет очередь и до него. Туда пойдем все вместе большим отрядом... Чтобы вы с Беловым могли принять участие в этой вылазке, надо сначала поставить на ноги вашего пациента. Вы согласны?

— Разумеется.

— И пойдете с нами в лабиринт?

— Д-да...

— Ну вот и превосходно. Присутствие биологов, и особенно медиков, при исследовании лабиринта мне кажется совершенно необходимым...

Жиро тяжело вздохнул и отправился в кабину Ковальского сменить Белова.

* * *

Прошло три дня. Погода держалась сносная, и видимость была хорошей. Почти все светлое время, с рассвета до захода солнца, самолет находился в воздухе. Посадки у Большой кабины Лобов делал только затем, чтобы заправиться горючим. Тысячи километров на средних высотах и на бреющем полете, сотни метров отснятой аэрофотопленки, десятки рискованных посадок во всех сомнительных пунктах — у каждой темной точки на снегу, возле углублений, напоминающих следы и... ровно ничего... Ни Рассела, ни его следов, ни Латикайнена, ни каких-либо знаков, оставленных ими. Геофизик и геолог исчезли бесследно.

Поиски Латикайнена еще можно было продолжать в лабиринте. Но Рассел... Обследование разбитых аэросаней тоже не дало ключа к разгадке. Расселу, видимо, так и не удалось включить мотор, и аэросани, превращенные в утлое парусное суденышко на лыжах, стали игрушкой урагана. При каких обстоятельствах исчезла дверь кабины и был расщеплен винт, оставалось неясным. На корпусе кабины было несколько глубоких вмятин, но оба стекла – большое лобовое и заднее – остались целы. Все три лыжи были повреждены очень сильно, а от левой сохранилось меньше половины. Передний рефлектор оказался включенным, но не светил, так как аккумуляторы совершенно разрядились. Снега в кабину попало немного, а единственным следом пребывания Рассела была его меховая рукавица, валявшаяся на полу.

– Что сделаем с санями? – спросил Лобов, когда закончили осмотр.

– Пусть остаются, – махнул рукой Локк. – Все равно мы не сможем их отремонтировать.

– Через несколько дней их занесет снегом.

– Ну и на здоровье...

Они молча вернулись к самолету.

Лобов поднялся в кабину, Локк остался возле самолета – подождать вторую группу. Вериадзе с одним из механиков пошли по следу аэросаней и еще не возвратились.

«Конечно, все это впустую, – думал метеоролог, посасывая потухшую трубку. – Разве найдешь... Он мог выпасть из саней в любой точке шестидесятикилометровой гонки. И пурга тотчас же похоронила его. А радиосигнал просто почудился радистам Вериадзе. К тому же помехи... Эх, Рассел, Рассел, как все глупо получилось... Страшно подумать, что будет, когда мы останемся вдвоем с доктором... Еще два месяца до смены. И вопрос, захочет ли доктор остаться тут со мной после всего случившегося. Самое правильное было бы законсервировать станцию и перебраться до смены к Вериадзе. Но эти ослы из Управления Фолклендских островов и слушать ничего не хотят... Престиж, видите ли!.. Престиж им дороже людей, – Локк зло сплюнул в голу-

боватый, ослепительно сверкающий снег. — Кажется, они и не очень верят в наших чудовищ... Начальник Управления заявил по радио, что обстоятельства гибели Стонора расследует весной лично. Даже не разрешили хоронить тело. Еще, чего доброго, нам с доктором предъявят обвинение в убийстве. Эти чиновники на все способны... Кажется, даже Вериадзе не очень верит в “электрических призраков”. Только вежливо улыбается, когда о них заходит разговор. А эти бестии, как назло, не появляются больше... Впрочем, существуют ли они в действительности? Не сходим ли мы все постепенно с ума?..»

Локк сдвинул капюшон на затылок и сжал рукой лоб.

...Какая чушь! Ведь он помнил во всех подробностях события той кошмарной ночи, темную фигуру, густой мех и коническую голову чудовища, зеленую молнию и почерневшее лицо Стонора. Все разыгралось на его — Локка — глазах... И тем не менее, если вдуматься, все кажется каким-то дичайшим бредом, мучительным сном без пробуждения...

Послышался шорох лыж. Подъехали Вериадзе со спутником.

— Абсолютно ничего, — сказал грузин, с размаху втыкая палки в снег. — Мы добрались до того места, где след саней теряется... То же, что и на аэрофотоснимках, — никаких следов...

— Мы ничего не найдем, — хрипло пробормотал Локк и отвернулся.

— И все-таки продолжим поиски, — спокойно возразил Вериадзе. — Будем искать снова и снова.

И они продолжали летать; садились на снег, снова взлетали и снова садились, как только внизу появлялось что-то, казавшееся подозрительным. Третий день полетов был на исходе, когда Лобов неведомо в который раз — они уже потеряли счет посадкам — поднял самолет в воздух.

— Возвращаемся? — спросил Вериадзе.

— Пожалуй, — кивнул Лобов, — с базы передали, погода меняется. Усилился ветер, гонит поземку.

— Значит, ночью будет пурга, — сказал Локк, а про себя подумал: «Хоть бы сегодня ночью пришли...»

Пурга бушевала всю ночь, но и на этот раз в окрестностях Большой кабины никто не появился. В ярких лучах рефлекторов были видны лишь снежные вихри, да залепленные снегом фигуры вахтенных. Локк сидел у включенного приемника, но эфир безмолвствовал; лишь чуть слышными всплесками доносились, словно с другой планеты, голоса южноафриканских станций.

Утром все собрались на завтрак в Большой кабине. Пришел и Белов, необычно оживленный, с покрасневшими от бессонницы глазами.

— А ну-ка, дежурный, чашку крепкого бульона для нашего пациента, — крикнул он механику, который готовил завтрак.

— Вижу, что больному лучше, — обрадовался Вериадзе. — Ну, выкладывай, что нового, генацвале?

— Все в порядке, — сказал Белов. — Он пришел в себя, а сейчас даже попросил есть.

— Превосходно. Но что с памятью?

— Пока еще провал. Однако кое-что мне стало понятнее...

— О-о... Рассказывай.

— Это потом. Сейчас надо его накормить... Я думаю, его уже можно отправить к нам на базу. Как с самолетом, Иван?

— Сегодня не удастся. Придется целый день расчищать взлетную полосу.

— Вы уже хотите покинуть нас? — всполошился Локк.

— И мысли такой не было, — очень серьезно сказал Белов. — Я только хочу отправить на Солнечную мистера Ковальского. Там уход будет лучше, и он быстрее поправится. Надеюсь, вы не станете возражать?

— Нет, конечно... Значит, вы уже уверены в его выздоровлении?

— Я уверен, что теперь полет не повредит ему. А в случае каких-либо осложнений у нас будет легче оказать необходимую помощь. Кроме того, в крайнем случае аэродром в Солнечной сможет принять тяжелый самолет из Южной

Африки или Австралии. Можно будет отослать вашего товарища в клинику.

— Я отвезу его завтра, — обещал Лобов. — Завтра, если не будет новой пурги.

День ушел на расчистку взлетной полосы. Работали все, даже Белов, который оставлял лопату лишь для того, чтобы заглянуть к своему пациенту.

Солнце уже коснулось краем ледяных гребней, когда Лобов, прошагав с лопатой вдоль расчищенной полосы, объявил, что для его самолета хватит и что завтра, с рассветом, он взлетит.

— Если, конечно, ночью не заметет взлетную полосу, — добавил он, подумав, — если из Солнечной дадут «добро», если все будет в порядке, если... — последние условия Лобов проглотил вместе с богатырским зевком.

Ночь прошла спокойно, и с рассветом все собрались у самолета. Принесли на носилках Ковальского, подняли в кабину. Лобов занял свое место. Больного должны были сопровождать Белов и радист. Вериадзе и оба механика решили остаться.

— Эй, кто на посадку! — крикнул Лобов, приоткрыв окошко кабины. — Включаю моторы.

— Значит, если все будет удачно, вернусь вместе с Иваном, — сказал Белов Вериадзе. — И захвачу с собой Мики...

— Мики — не обязательно, — возразил Вериадзе. — А вот одного из геологов привози. И пару хороших радиометров.

— На Мики я надеюсь больше, чем на радиометры...

— Чепуха все это, Юрий! Чепуха!... Мы пробыли здесь неделю... И ничего... Я просто удивляюсь: ведь психиатрия — одна из твоих специальностей. Неужели тебе еще не ясно, что тут произошло?

— Пока нет...

— История полярных зимовок знает не один подобный случай. Персонал подобран неудачно. Не знаю, что представляли собой Стонор и исчезнувшие товарищи, но доктор — натура явно неуравновешенная, а этот Локк... Да, по моему, он и сам не уверен, произошло ли в действитель-

ности все то, о чем он рассказывает. Что же касается твоего пациента, генацвале...

– Моего пациента пока не касайся, Шота. Это интереснейший случай... Если бы не желание проникнуть вместе с вами в таинственный лабиринт, я бы теперь остался в Солнечной. Остался бы – хотя формально мое дежурство у постели Ковальского уже не является необходимым.

– Последние дни ты говоришь загадками, Юрий.

– Просто не люблю распространяться на тему... рабочей гипотезы...

– Значит, рабочая гипотеза существует?

– Пожалуй... Ты слышал о так называемом запечатанном изображении?

– Разумеется. Это дефект в телевидении.

– Только в определенном смысле, когда это получается при приеме телеизображения. В других случаях этот эффект специально используется, например, в запоминающих устройствах электронных машин.

– Но мы говорили о Ковальском... Какое отношение...

– Самое прямое. Нечто подобное может происходить в человеческом мозге. После сильного потрясения сознание как бы раздваивается. Возникает эффект «запечатанного изображения». Больной воспринимает его как провал в памяти, но мозг хранит «запечатанное» воспоминание. И в некоторых случаях его может прочесть... другое лицо... Понимаешь? Иногда этим даже пользуются при лечении...

– Значит, парапсихология?

– Если угодно.

– И тебе удалось что-то прочесть в его, так сказать, подсознательном воспоминании.

– Образ нечеткий, страшно нечеткий... Ярче всего это проявилось тогда, когда к нему начало возвращаться сознание. Потом все снова ушло куда-то на глубину. Иногда картина становится четче. Сам он ощущает это как проблески каких-то неясных воспоминаний. Но образ, по-видимому, один и тот же... Вот почему у меня возникла аналогия с запечатанным изображением.

– И что же это было?

– «Призрак»... Фигура «призрака», как в «галлюцинациях» доктора и Локка. Но Ковальский мог повстречаться со своим «призраком» лишь в шести километрах отсюда – в лабиринте, один на один. Он ничего не знал и до сих пор не знает о «галлюцинациях» товарищей. Значит...

– Гм... Хочешь сказать, что твой довод свидетельствует не в пользу возможности массовой галлюцинации?

– Хочу сказать, что ты невероятно упрям, Шота; но тише, к нам подходит Локк.

Взвыл один из моторов самолета, и Лобов, снова высунув голову и руку в маленькое окошко, яростно махнул Белову.

Доктор торопливо пожал руки Вериадзе и Локку, легко вскочил в самолет, втянул внутрь лестницу.

Дверь кабины закрылась, и тотчас же самолет побежал вдоль расчищенной полосы. Вериадзе и Локк с тревогой глядели вслед. Гладкая полоска снега между сутробами казалась совсем короткой. Краснокрылая машина быстро приближалась к ее концу. Локк закусил губы: вот сейчас самолет врежется в снежный бархан...

На последних метрах взлетной полосы Лобов круто поднял машину в воздух, развернулся, покачал крыльями и, постепенно набирая высоту, полетел на восток.

* * *

Днем Локк и Вериадзе в сопровождении обоих механиков совершили первый совместный поход в Ледяную пещеру.

Там все оказалось без изменений. На столе лежала записка, адресованная Тойво. Вход в ледяную штольню закрыт; к двери придвинут тяжелый ящик.

– Никого, – сказал Локк, – никого не было...

– А кого вы ждали, мистер Локк? – спросил Вериадзе, с интересом разглядывая пещеру.

– Да, собственно... – начал метеоролог и умолк.

Он действительно никого уже больше не ждал. В нем лишь жила слабая надежда, что «призраки» как-то напоят о своем существовании... Но не мог же он поделиться этой мыслью с начальником советской зимовки, который – Локк теперь был твердо убежден в этом – не верил ни ему, Локку, ни доктору.

– Спустимся? – предложил Вериадзе и подмигнул механикам. – Профессор, правда, просил не начинать без него обследование лабиринта, но мы чуть-чуть, одним глазом. А вдруг...

Отодвинули ящик, открыли дверь.

Вериадзе, согнувшись, шагнул в ледяную штольню. Локк последовал за ним.

Около часа они втроем лазали по южной части лабиринта, которая примыкала к ледяной штольне.

– Интересно, очень интересно, – бормотал Вериадзе, делая отметки мелом на стенах тоннелей, – кружево, настоящее кружево... Как это получилось? Неужели вулканические газы? А тут целый зал... Нет, пусть решают геологи. Я не знаю, что это такое... Интересно...

Потом он умолк и лишь время от времени пронзительно свистел. Сверху доносился ответный свист второго механика, который остался караулить у входа в ледяную штольню.

Локк поймал себя на мысли, что ему совсем не страшно. Не то, что тогда, когда он лазал тут один, а доктор дежурил наверху... Может, на него так успокаивающе действовали эти веселые здоровые парни, которые, кажется, вообще ни в какие страхи не верят и абсолютно ничего не боятся, а может, он, Локк, становится другим. Сейчас его не только не пугала возможная встреча с «призраками», он мечтал о ней, желал ее...

Но лабиринт был тих, темен и пуст.

По наклонному проходу они вышли в широкий низкий зал с нависающим неровным сводом. Из зала расходились ветвящиеся коридоры.

– Погасим рефлекторы и посидим тихо, – предложил Локк.

– Хотите побыть в темноте, – усмехнулся Вериадзе. – Можно попробовать...

Он вложил два пальца в рот и свистнул еще раз. Издали донесся ответный свист.

– Располагайтесь, – сказал Вериадзе.

Они устроились на полу у стены зала и выключили рефлекторы. Сразу надвинулась тьма и стала почти осязаемой. Полная тьма и тишина. Локк слышал лишь приглушенное дыхание своих спутников.

Довольно долго сидели молча. Когда Вериадзе шевельнулся, Локк сказал:

– Они светятся в темноте... Такое зеленовато-фиолетовое свечение...

– Вы заметили что-нибудь? – поинтересовался грузин.

– Пока нет.

– Вот и я – тоже.

Механик ничего не сказал, но Локку показалось, что он тихонько засмеялся.

– Пошли, – сказал Локк, вставая.

Они включили рефлекторы и молча возвратились в Ледяную пещеру. Когда бежали на лыжах к Большой кабине, Вериадзе рассказывал механикам о каналах и пустотах, которые прокладывают в толщах лав вулканические газы. Локк всю дорогу молчал...

* * *

Самолет прилетел лишь на следующий день. Лобов протиснулся сквозь узкую дверь кабины первым. Затем появился Белов. Он вытолкнул здорового лохматого пса с широкой мордой и маленькими круглыми ушами. Пес довольно ловко спустился по легкой алюминиевой лестнице и, не обращая внимания на встречающих, прилег на снегу и принялся стаскивать передними лапами намордник. Вслед за Беловым появился чернобородый радист, уже знакомый зимовщикам Большой кабины. Последним из самолета

та вылез невысокий коренастый человек с лицом, сплошь заросшим рыжей бородой, и с густой гривой рыжих волос, закрывавших лоб. Из огненной заросли поблескивали лишь стекла очков и торчал большой нос.

– Наш геолог – Сергей Фомин, – представил рыжего незнакомца Белов. – Сгорают от нетерпения попасть в лабиринт. Сгораешь, Сережа?

– Угу, – равнодушно кивнул рыжий и, поздоровавшись с обитателями Большой кабины, отошел в сторонку и принялся раскуривать трубку.

– Ваш товарищ превосходно перенес полет и чувствует себя неплохо, – сказал Белов доктору. – Шлет вам всем привет.

– Вспомнил он что-нибудь? – спросил Локк.

– Нет, сам он пока ничего вспомнить не может...

– Ну, так за него это никто не сделает, – заметил Локк.

– Однако можно попытаться ему помочь, – возразил Белов.

Жиро внимательно глянул на профессора, но промолчал. После завтрака устроили совет.

Белов первым попросил слова:

– Нас стало больше, – сказал он, – и я предлагаю разделиться. Одна группа будет продолжать воздушный поиск; другая займется лабиринтом. У нас теперь есть надежный помощник в подземных маршрутах – Мики. У него превосходное чутье...

– Ваш пес не боится темноты? – заинтересовался Жиро.

– Нет... Он работал со спелеологами на Дальнем Востоке и привык лазать по пещерам.

– А я предлагаю прекратить поисковые полеты, – сказал Локк. – Ни к чему... Рассел и Тойво, конечно, погибли. И шансы найти их тела совершенно ничтожны. Надо бросить все силы на исследование лабиринта. Он огромен. Мы видели лишь ничтожную его часть. Лабиринт потребует много времени. И еще одно: покойный Стонор считал, что Тойво заблудился по пути из Ледяной пещеры на базу, но не исключено и другое... Тойво мог погибнуть в лабирин-

те...

— Здоровые мысли, — проворчал Лобов.

— И все-таки, Иван, тебе придется полетать, — сказал Вериадзе. — Надо еще раз осмотреть и сфотографировать район. Пурга быстро хоронит все живое, но она сама же выдает свои тайны... То, что было скрыто вчера, может сегодня оказаться на поверхности.

— Добро, — сказал Лобов, — будем летать. Хлопцы, готовить машину!

Четыре дня продолжались полеты, и четверо суток группа в составе Вериадзе, Белова, Локка, Жиро, Фомина и Мики шаг за шагом обследовала лабиринт. Ледяная пещера стала базой подземных маршрутов. В ней бесменно дежурил радист, а «спелеологи» возвращались сюда лишь затем, чтобы передохнуть немного. Лазали по лабиринту двумя группами. С первой всегда шел Мики. Группы не отдалялись друг от друга более чем на сто пятьдесят — двести метров. Связь с Ледяной пещерой поддерживали по радио. В Большой кабине обосновался Лобов с механиками. Днем они летали, а ночью несли вахту на базе.

В конце четвертого дня поисков в лабиринте Вериадзе вызвал по радио Большую кабину.

— Ничего нового, — лаконично доложил Лобов. — Я только что вернулся. Ребята заняты самолетом. Погода отличная. Ночью ждем до минус тридцати. Из Солнечной сообщили, что все в порядке. Ковальский поправляется, но с памятью по-старому. Что у вас?

— Тоже — в порядке, и тоже — ничего нового.

— Кончаете? — поинтересовался Белов.

— Похоже, что да... Лабиринт очень сложный. Нижние этажи недоступны — каналы становятся слишком узкими. Даже Мики не проберется. А широкие проходы забиты льдом. Сергей набросал план обследованных частей. Получается, что осталось посмотреть самый дальний — южный участок. Он находится где-то под ледником. Там тоже большинство ходов занято льдом, но местами можно пробраться...

— И никаких следов?

– Конечно, никаких... Убежден, что лабиринт никем не посещался, кроме верхней части, где до нас побывали Сто-
нор и его товарищи.

– А что говорит Юрий?

– Преимущественно молчит... Позвать его к микрофону?

– Не надо... У меня все...

– У меня тоже...

– Значит, до утра. Привет ребятам!

– Спокойной ночи, Иван.

Вериадзе выключил передатчик. Оглянулся. Локк и радист спали на раскладных койках поверх спальных мешков. Жиро готовил ужин. Фомин что-то рисовал в полевом дневнике. Белов, подперев руками голову, сидел в дальнем углу за грудой ящиков.

Вериадзе прошелся по Ледяной пещере, осторожно обходя раскладные койки, рюкзаки, сложенное на полу снаряжение. Потом подошел к Белову, сел рядом.

Белов вопросительно взглянул на товарища и снова опустил голову.

– Не получается, Юрий, – тихо сказал Вериадзе. – Не получается по-твоему... Выходит, все-таки я прав... Пора кончать и возвращаться к нашим собственным делам. Тут нет ничего, кроме лабиринта. И не было того, о чем они рассказывали, – Вериадзе кивнул в сторону доктора и Локка. – А все эти загадочные исчезновения и убийство – пусть их власти разбираются. В конце концов это не наше дело.

– Но наше дело помочь им.

– В чем?

– Разгадать эти загадки.

– А если загадок нет? Если существует лишь то, что они сами хотят скрыть?

– Однако они обратились к нам за помощью.

– Обратились с большим опозданием. Помнишь, что было вначале? Мы предлагали помощь, а они отмалчивались. Отмалчивались до тех пор, пока не исчез геофизик и не был убит Стонор.

– Смерть Стонора не может быть делом человеческих рук. Утверждаю это с полной ответственностью как биолог и как врач.

– Генацвале, даже их власти в Управлении Фолклендских островов подозревают неладное. Ведь запретили хоронить Стонора...

– Сказать тебе, о чем ты сейчас думаешь, Шота?

– Ну, скажи...

– Ты уверен, что тут произошло преступление, что Локк и Жиро сообщники и один из них – убийца.

– Н-не совсем, – смутился Вериадзе. – У меня могут быть подозрения, но уверенность – откуда же?..

– Нет, – твердо сказал Белов. – Сейчас ты кривишь душой, Шота. Именно – ты убежден, и не хочешь признаться в этом. И самое скверное: твоя убежденность опирается не на факты, а на домыслы...

– Не на домыслы, генацвале, на логику...

– Ну вот и признался.

– Не лови на слове, – рассердился Вериадзе. – Подозревать каждый имеет право. Хоть ты и понял мою точку зрения, ты ее чрезмерно упрощаешь. Я не исключаю нервного расстройства, групповой галлюцинации, массового приступа безумия, при котором могло почудиться все что угодно и случиться черт знает что. Странно даже: я, не психиатр, утверждаю то, что, по моему разумению, должен был бы утверждать ты...

– Так получается именно потому, что ты не психиатр, Шота.

– Опять парапсихология?

– Да! И могу добавить – Локк уверен, что ты, Шота, считаешь его убийцей, и больше всего на свете он теперь хочет встречи с «призраками», чтобы оправдаться в твоих глазах.

– Ой-вай, – растерялся Вериадзе. – Нехорошо получается... А ты не ошибаешься, Юрий? Или он тебе это сказал?

– Нет, не говорил, конечно. Но я не ошибаюсь. И не по-

нимаю, почему тебя смутили мои слова. Ведь ты действительно считаешь его убийцей.

– Ну, это я про себя и для себя...

– Значит, дело не в самой сути твоего отношения к Локку, а лишь в том, чтобы он пока не догадался о ней...

– Зачем все уточнять, дорогой! Конечно, нехорошо, что он догадался. И в конце концов я ведь тоже человек, могу и ошибиться...

– Вот это ценное замечание, Шота! Но, понимаешь: не то, чтобы Локк по твоему виду или поведению догадался о твоих мыслях о нем. Нет... Просто у него постепенно появилась уверенность, что ты считаешь его виновным, так же как в тебе – убежденность, что он действительно виноват.

– Гм... что же такое получается, генацвале? Для тебя все мозги прозрачные. Выходит, ты можешь читать самые сокровенные мысли, как слепой читает пальцами страницы рельефного шрифта? Я начинаю тебя побаиваться...

– Напрасно... Я никогда не злоупотреблял этой своей особенностью. И лучшее тому подтверждение – даже ты ничего не знал о ней. Но тут мы очутились в особой ситуации...

– Значит, ты по-прежнему настаиваешь на своем, генацвале?

– Да.

– Слушай, интересно, а о чем думает Жиро?

Белов покачал головой:

– Я ведь сказал, что не злоупотреблял и никогда не стану злоупотреблять своей способностью читать чужие мысли. То, о чем думает Жиро, совсем не интересно, ни для тебя, ни для разгадки здешних тайн.

– Значит, ты считаешь, что надо продолжать?

– Конечно... Ведь мы еще ни на шаг не приблизились к разгадке. Мы обязаны продолжать, Шота.

– Может, ты веришь и в «призраков»?

– Верю, Шота. Верю, что Локк и доктор видели кого-то. Верю, что жертвой этого «кого-то» пали Ковальский и Стонор. Допускаю, что эти «кто-то» причастны к исчезновению Латикайнена и Рассела. Верю в аборигенов этих пустынных гор. Дорогой Шота, человек открыл далеко не все

на своей небольшой планете. Жизнь обладает удивительным свойством приспосабливаться к самым невероятным условиям. К самым невероятным, Шота. В Европе наши предки тоже уцелели во время Великого оледенения... Да, я верю в аборигенов Земли Королевы Мод, отнюдь не призрачных, а вполне материальных. Допускаю, что они стоят на лестнице эволюции гораздо ближе к нам с тобой, чем моржи или пингвины, хотя, быть может, и обладают удивительными, с точки зрения нашей физиологии, свойствами... Ты вправе сомневаться, Шота, спорить, браниться, но ты обязан продолжать поиски. Мы все должны... Нельзя отступать, очутившись на пороге такой загадки. Мы ученые, и мы не имеем права отступить.

– Ну, дорогой, – сказал Вериадзе, – давай я тебя поцелую. До чего хорошо говорил. Никто лучше не скажет. Я тебе, конечно, не верю... То есть нет: как начальник я тебе не верю, как ученый – сомневаюсь, а как Шота Вериадзе я тебе подарю самый лучший кинжал прадеда, и можешь жарить на нем шашлык из свинины, если поймашь этого своего аборигена. И будь он хоть помесью моржа, питекантропа и пингвина, мы поймаем его, если, конечно, все так, как ты говоришь...

* * *

Прошло еще несколько дней. Лобову пришлось прекратить полеты. Начал барахлить левый мотор, и самолет поставили на профилактику. Механики занялись мотором, а летчик присоединился к «спелеологам». Радииста отправили в Большую кабину. Его место у передатчика Ледяной пещеры теперь должен был занять Жиро. Доктор с радостью принял свою новую обязанность. По крайней мере теперь ему не надо было ежедневно спускаться в лабиринт и лазать там в поисках бестий, встретиться с которыми Жиро не имел ни малейшей охоты.

Лобов, появившись впервые в Ледяной пещере и оглядев товарищей, не мог скрыть удивления:

– Эге, друзья, – пробормотал он, потирая свои свежесбритые щеки, – да вы скоро Сергея перещеголяете... Или у вас тут соревнование под девизом «прочь бритье?»

– Ничего, Иван, – утешил легчика Белов, – поживешь тут с недельку, еще не так зарастешь.

– Дудки! – объявил Лобов. – Я с собой механическую бритву взял.

– Не понадобится, – жестко сказал Вериадзе, – еще два похода в лабиринт, и кончаем. Все имеет свой предел...

– Разумеется, мистер Вериадзе, – кивнул Локк. – Пора кончать. Вы и так посвятили нам и нашим бедам слишком много дорогого времени.

– Неужели и вы готовы отступить, мистер Локк? – спросил Белов, внимательно глядя на метеоролога. – Вы, потерявший тут троих товарищей?

– К чему вспоминать, – глухо сказал Локк. – Их уже не вернешь... Летом, когда здесь появятся наши шефы, мы, конечно, снова проникнем в этот лабиринт, а сейчас...

– Засыпать вход в Ледяную штольню, и дело с концом, – предложил Жиро. – И возвращаемся в Большую кабину. Тайна этого проклятого места нам просто не по силам.

– Еще два маршрута все-таки сделаем, – возразил Вериадзе. – Два последних. Так, мистер Локк?

– Как хотите. Мне все равно... И если говорить откровенно, я уже не поручусь, что действительно видел их... этих «электрических обезьян». А ты, Ришар?

– Клянусь святой Терезой Лиможской, – сказал Жиро, – я вообще ни за что не поручусь на этой земле. Абсолютно все могло быть видением, галлюцинацией, миражем, фата-морганой, приступом безумия, даже настоящими призраками, черт побери. Кто из вас поручится, господа, что призраков не существует? Я имею в виду полноценных, классических призраков или привидений, перед которыми равно бессильны и медицина, и пуля, и даже здравый смысл ученого.

– Ну вот, что я говорил! – бросил сквозь зубы Вериадзе, обращаясь к Белову.

– Очень хорошо, коллега! – быстро сказал профессор, не отвечая Вериадзе. – Однако как вы, оставаясь на позициях классического идеализма...

– Дуализма! – прервал Жиро, поднимая указательный палец.

– Превосходно – даже дуализма! Как вы с этих позиций объясните кончину вашего начальника и паралич мистера Ковальского? Тоже вмешательством потусторонних сил?

– Видите ли, коллега, – начал Жиро. – На этот вопрос я...

– Перестань паясничать! – яростно крикнул Локк. – Простите его, господа; он опять... Разумеется, вы имеете право сомневаться и не верить нам, – продолжал кричать Локк, обращаясь к Вериадзе и Белову. – Ришар напивается, стоит оставить его одного, а я... я действительно теперь не знаю, видел я их или это была галлюцинация... Понимаете, не знаю, не уверен... Вы опять скажете – смерть Стонора, случай с Ковальским. А можете вы поручиться, что все это не поражения разрядами атмосферного электричества?.. Молчите, да?

– Мистер Локк, – начал Фомин, который только что появился из Ледяной штольни, – а ведь эти ваши «призраки»...

– Подожди, Сергей, – прервал Белов. – Мистер Локк, вы трезво мыслящий, сильный человек и старый полярник, как же вы так легко готовы согласиться, что все случившееся – галлюцинация? Когда-нибудь раньше у вас были галлюцинации?

– Никогда!

– А здесь трижды на протяжении нескольких дней. Ведь вы трижды видели их, не так ли?

– Да, и один раз так, как вижу сейчас вас.

– Так почему же галлюцинация?

– Мистер Локк, – снова начал Фомин, – понимаете, я сейчас...

– Не знаю, – сказал Локк. – Вот когда слушаю вас – одно, а когда начну думать... Наверно, этого слишком много для

моей бедной головы. Порой даже думаю, не схожу ли с ума...

– Чепуха какая!

– А вот и не чепуха, – сказал Жиро. – Очень даже можно сойти...

– Чепуха. Человеческий разум – великолепный аппарат. Надо ему доверять.

– Конечно, – подтвердил Лобов. – Вот мне покажи хоть взвод рогатых вурдалаков с горящими хвостами, я подойду и потрогаю, какие они – из капрона или из папье-маше...

– В общем, все ясно, – резюмировал Вериадзе.

– Ничего не ясно...

– Нет, ясно...

– Что тебе ясно, Шота?

– Ты остался в абсолютном меньшинстве, Юрий.

– И тем не менее не считаю вас правыми.

– Это уж ты из упрямства.

– Нет.

– Да!

– Нет.

– Да подождите, не кричите вы все сразу, дайте мне сказать... – опять начал Фомин.

– Действительно, Сергей еще не высказался, – сердито заметил Вериадзе, вытирая платком покрасневшее лицо. – Ну, говори, Сергей, ты разделяешь точку зрения профессора или – как все?

– Что, как все?

– Все, кроме профессора Белова, склоняются к тому, что пора прекратить поиски, что «электрические призраки» могли оказаться галлюцинацией, что...

– Ага, понял, – прервал Фомин. – Нет, я не согласен...

– С чем не согласен?

– С галлюцинацией...

– А, собственно, почему?

– Какая, к черту, галлюцинация. Я только что видел его.

– Кого?

– Ну этого – «призрака».

– Что?..

– Видел, говорю, этого их «призрака»... В лабиринте... Ну чего вы все на меня так смотрите?

– Подожди-ка, Сергей... Повтори еще раз, что ты видел, – сказал Вериадзе, подходя вплотную к геологу. – Ну, только спокойно...

– А чего мне беспокоиться? Видел, говорю, «призрака». Похож на большую мохнатую обезьяну, только голова коническая.

– Ничего не понимаю... Где видел? Когда?

– В лабиринте возле урановой жилы. Я пошел наколотить еще образцов. Отбиваю, слышу – сопит сзади кто-то. Оглядываюсь. Он... Стоит шагах в десяти, смотрит на меня и сопит. Мохнатый, голова конусом и лапы передние почти до земли...

– Ну, а ты что?

– Ничего... Думаю, значит, все в порядке. Есть... Пойду сказать... А образцы потом. И пришел...

– Когда же это было?

– Минут десять назад.

– Так чего же ты молчал?

– А вы мне не дали говорить. Спорили все, кричали...

– Он остался там, у жилы?

– Остался...

– Бери оружие, пошли, – крикнул Вериадзе. – К жиле ведут два тоннеля. Пойдем двумя группами и возьмем его в кольцо. Стрелять по моему сигналу.

– Нет, – поднял руку Белов. – Никакой стрельбы. Ведь он не причинил вреда Сергею. А мог бы... Он подошел незаметно сзади и не напал. Смотрел, что Сергей делает.

– Да если бы он попробовал, – начал Фомин, – я бы...

– И он позволил Сергею уйти и не преследовал его...

– Наверно, принял Сережку за одного из своих, – проворчал Лобов, засовывая в карман комбинезона пистолет.

– Повторяю, никакой стрельбы, – нахмурился Белов. – Я иду вперед. А вы за мной двумя группами. Не спорь, Шота. Мы ученые, а не охотники за черепами.

– Но я не могу позволить тебе, Юрий... – начал Вериадзе.

– Придется позволить, Шота. Как видишь, пока я оказался прав. И теперь предлагаю единственно верный путь. Не будем спорить... Он может уйти далеко. Придется опять разыскивать. Идите за мной на расстоянии видимости. Вторая группа пусть возьмет Мики. Пес может понадобиться. Пошли.

– Ты вооружен, Юрий?

– Да... Пожалуй, даже надежнее, чем вы.

– Сергей, мы с тобой в первом эшелоне, – распорядился Вериадзе. – Мистер Локк, вы с Лобовым во втором. И возьмите Мики, но не спускайте его. Держите крепче. Вперед...

– Вперед! – повторил Лобов, протискиваясь вслед за Локком в отверстие штольни.

– Вперед... – прошептал трясущимися губами Жиро, присев в углу Ледяной пещеры и безуспешно пытаясь вогнать картонные патроны с разрывными пулями в узкий магазин карабина. – Святая Тереза Лиможская, помоги им и мне...

* * *

«Ушел или нет?» – думал Вериадзе, осторожно пробираясь по наклонному ходу вслед за Фоминым.

Впереди мелькало светлое пятно от рефлектора Белова. Сзади доносилось сопение Лобова и прерывистое дыхание рвущегося вперед Мики. Похоже было, что и пес почуял кого-то...

«Успеем или нет?..»

Успели... Белов резко остановился и поднял руку. Значит, есть... Вериадзе и Фомин погасили рефлекторы, бесшумно поползли вперед в темноте. Свет фонаря Белова исчез за поворотом. Когда Вериадзе и Фомин добрались до расширения тоннеля, они уже стояли в нескольких шагах друг против друга – маленький хрупкий Белов и большая мохнатая обезьяна, покрытая густым буровато-черным

мехом. Они стояли неподвижно и внимательно глядели один на другого. Шерсть чудовища серебрилась в лучах рефлектора. Маленькие глазки вспыхивали, как красные угли.

Потом Белов сделал шаг вперед. Глаза чудовища вспыхнули ярче, и оно отступило. Подняло длинную мохнатую руку, словно предостерегая.

Вериадзе бесшумно спустил предохранитель пистолета. Приподнял короткий вороненый ствол.

«Пожалуй, не промахнусь, — мелькнула мысль. — Надо стрелять в глаз...»

— Нет, — шепнул в самое ухо Фомин. — Нельзя... Он сам справится... Вот увидите...

Белов скрестил руки на груди и продолжал в упор рассматривать «призрака».

Постепенно красноватые угольки-глаза стали меркнуть и потухли совсем. Чудовище стояло неподвижно. Белов сделал еще шаг вперед, и Вериадзе снова поднял пистолет. Но мохнатый «призрак» не шевельнулся. Еще шаг... Теперь их разделяло расстояние не более пяти метров. Чудо-

вище не шевелилось, словно охваченное столбняком. Профессор, не оборачиваясь, поднял правую руку над головой и сделал призывный жест.

– Оставайся тут, Сергей, – шепнул Вериадзе. – Он зовет... Я подойду ближе. В случае чего, понимаешь?..

– Ага, – сказал Фомин, усаживаясь поудобнее.

Через несколько секунд Вериадзе был рядом с Беловым. Обезьяна продолжала стоять, как изваяние.

– Ты, Шота? – тихо, но внятно сказал Белов, не оглядываясь на товарища. – Ну, вот она – загадка Земли Королевы Мод, таинственный ночной призрак. Прав оказался несчастный Стонор. Это – крупный прямоходящий антропоид... Антарктический кузен легендарного йети.

– Что с ним? Столбняк от удивления?..

– Нет-нет, конечно. Удалось загипнотизировать.

– Можно потрогать?

– Ни в коем случае. Он не спит. У него только временно парализованы двигательные центры. И не знаю, долго ли смогу удержать его в таком состоянии. Думаю, для первого раза хватит. Отходи потихоньку, я за тобой.

– Но...

– Отходи, Шота. Этот красавец гораздо опаснее гориллы, если его взволновать.

Вериадзе начал отступать пятясь. В нескольких шагах перед ним отступал Белов, не отрывая луча рефлектора от неподвижного чудовища.

Когда они отошли к тому месту, где сидел Фомин, «обезьяна» шевельнулась. Покрутила конической головой и вдруг, словно человек, заслонила огромными лапами глаза.

– Свет, – шепнул Вериадзе. – Ее ослепил твой рефлектор. Погаси!

– Нет, просто она пытается сообразить, что с ней случится. Эти твари, без сомнения, разумны, Шота. Смотри...

Чудовище приложило теперь лапы ко лбу наподобие козырька и всматривалось в рефлектор Белова. Казалось, оно было в нерешительности: последовать ли за лучом света или остаться.

В это время сзади послышалось какое-то движение, сдержанный возглас Лобова и тотчас раздался громкий лай Мики.

Вериадзе толкнул Белова в боковой коридор, заставил его выключить рефлектор и лечь. Выглянув через мгновение из-за выступа камня, Вериадзе увидел в отдалении зеленовато-фиолетовый фосфоресцирующий контур чудовища. Лай Мики продолжал греметь в темноте, как раскаты грома. Светящаяся фигура быстро удалялась, потом нырнула в один из боковых ходов и исчезла.

— Спугнули все-таки, — сказал Вериадзе, поднимаясь и включая свет. — Черт бы побрал этого горластого Мики.

Когда все вернулись в Ледяную пещеру, доктора в ней не оказалось. Белов, пошатываясь, добрался до своей койки, повалился на нее и закрыл глаза.

— Что с тобой, Юрий? — всполошился Вериадзе. — Тебе нехорошо? Где ваш доктор, мистер Локк?

Локк растерянно развел руками:

— Не знаю. Видимо, не выдержал... Удрал...

— Ничего не надо, — тихо сказал Белов. — Это от перенапряжения. Его нелегко было загипнотизировать... Полежу немного, и все пройдет.

— Ну как, Иван? — спросил Вериадзе Лобова.

— А я ничего не видел. Держал этого проклятого пса и думал только о том, чтобы он не залаял. А он на тебе, все-таки высвободил голову...

— Хорошо, что ты не выпустил его.

— Еще бы...

— А вы, мистер Локк, сейчас рассмотрели вашего «призрака»?

— Не так близко, как вы, Шота, но кое-что видел.

Вериадзе протянул метеорологу руку:

— Вы простите меня, Фред... за мои сомнения.

— Ну, что вы, они более чем естественны... Хорошо, однако, что мы все убедились в существовании этих дряней. Словно гора с плеч свалилась.

— Вы с вашими товарищами сделали большое открытие, Фред. Шутка ли сказать, новый неизвестный науке антарк-

тический антропоид! Сколько лет искали его в Гималаях, а он оказался в Антарктиде.

– Открытие сделано всеми, кто тут сейчас находится, – решительно сказал Локк. – Оно в еще большей степени ваше, чем наше. Да-да, это общее открытие... И я предлагаю в названии антропоида увековечить имя Сергея Фомина. Ведь он первый, повстречавшись с нашим «призраком», поступил именно так, как следовало поступить здравомыслящему ученому, – не испугался, а пошел позвать товарищей – полюбоваться на свою находку...

– Да бросьте вы, – смущенно пробормотал Фомин. – Я-то тут при чем? Все случайно получилось. Я за образцами руды ходил...

– Позвольте я вас расцелую, Сергей, – попросил Локк. – Вы даже не представляете, какой вы мне подарок сделали.

– Пустяки, – сказал Фомин, обнимая метеоролога.

– Ну, а теперь остается окрестить нашу находку, – объявил Локк. – Только подождите, я достану шампанского. И чтобы обязательно в названии было «фомиус» или что-нибудь в этом роде.

– Да бросьте, ребята...

– А что, можно! – заметил Лобов. – Главное – они похожи на тебя, Сергей, или, вернее, ты на них...

– Ну так как же все-таки? – спросил Локк, ставя на стол бутылки с шампанским.

– Например, неоантропус антарктикус фомини, – подсказал со своей койки Белов, не открывая глаз.

– Итак, товарищи, – крикнул Локк, – первый тост за неоантропуса антарктикуса фомини и за его первооткрывателей!

С треском полетели в ледяной потолок пробки, и в тот же момент распахнулась наружная дверь. Толкая друг друга, в Ледяную пещеру ввалились вооруженные с ног до головы оба механика и радист. За ними следовал доктор с карабином в одной руке и лыжной палкой в другой.

Воцарилась тишина. Сидящие за столом отставили кружки и стаканы с шампанским. Только Фомин, тяжело вздох-

нув, поднес к губам большую эмалированную кружку и принялся большими глотками пить ее содержимое.

– Ну-с, – сказал Вериадзе, – интересно, что это должно означать?

Механики и радист смущенно переглянулись.

– Это я, – сказал Жиро, выступая вперед. – Это я, когда вы отправились за призраком, объявил по радио тревогу и пошел встретить подкрепление. Но, кажется, мы все-таки опоздали.

– Чепуха, вы явились как раз вовремя, – сказал Лобов. – Садись к столу, ребята! Налей им, Фред. Зря, что ли, они сюда бежали.

Через полчаса в Ледяной пещере стало жарко. Все, кроме Белова, сбросили меховые куртки и остались в свитерах.

Фомин и механики затянули украинскую песню. Локк, прислушиваясь к незнакомым словам, пытался подпевать.

Лобов обнял Жиро за плечи и в третий раз рассказывал ему подробности встречи с неоантропусом антарктикусом фомини. Доктор хихикал, подслеповато щурился, высматривая, в какой бутылке осталось шампанское. Вериадзе вслух рассуждал об организации большой международной экспедиции для изучения антарктических антропоидов:

– Парапсихологическое воздействие – вот пути начальных контактов, ты превосходно продемонстрировал это сегодня, Юрий. Значит, в составе экспедиции...

– Господа, – вдруг закричал Жиро, поднимаясь со своего места, – господа, нехорошо получается... Мы тут сидим, беседуем, пьем – а где виновники... торжества? Нет, я вас спрашиваю, где они? Не пригласили! А можно было пригласить. Мой уважаемый коллега, профессор Белов, мог это сделать. Он все может... Все... Представляете, сидим мы за столом... И вдруг – стук в дверь.

Доктор, пошатываясь, подошел к двери, ведущей в лабиринт и, опершись о нее, продолжал:

– Значит, сидим, ждем: вдруг – стук, такой деликатный... – доктор постучал согнутым пальцем в дверь и с очень довольным видом оглядел присутствующих. – Ну как?

– Очень хорошо, – заметил Лобов без особой уверенности.

– Мы отворяем дверь и говорим... – доктор приоткрыл дверь и заглянул в ледяную штольню... – А-а-а! – тотчас же завопил он. – А-а-а!.. – И, стремительно захлопнув дверь, доктор одним прыжком очутился в дальнем углу Ледяной пещеры.

Все повскакали с мест. В тот же момент Мики, спокойно лежавший под столом, бросился к двери и, оскалив огромные клыки, угрожающе зарычал. За дверью послышался явственный шорох шагов и тихий стук.

– А ну-ка, Жиро, иди открой, – сказал Локк, наводя на дверь пистолет.

– Я? Ни за что!.. Там... Они...

Лобов шагнул к двери и, оттянув за ошейник яростно рычащего Мики, резким рывком распахнул дверь.

И тотчас опустились нацеленные в дверь стволы.

– Джек, – прошептал ошеломленный Локк, отбрасывая оружие, – Джек, Тойво...

Две исхудавшие фигуры, с восковыми, обтянутыми почти прозрачной кожей лицами, пошатываясь, вышли из штольни и остановились, ослепленные светом.

– Господа, это Джек Рассел – наш геофизик и Тойво Латикайнен, исчезнувший три недели назад.

– Все-таки мы вернулись, Тойво, – прошептал Рассел, обращаясь к товарищу. – Вернулись, а ты не хотел верить мне. Мы очень ослабли, Фред, хотя они и кормили нас сырым тюленьим мясом... А сегодня они вдруг освободили нас, даже вывели из лабиринта. Без них мы не смогли бы... – Рассел пошатнулся, но его и Тойво уже подхватили товарищи.

– Дайте им немного вина, – крикнул откуда-то сзади Жиро.

– Нам бы что-нибудь теплое и под душ, – прошептал Рассел и потерял сознание.

– Ну, Шота, теперь ты окончательно убедился, что неопантропусы разумны? – спросил Белов, наклоняясь над Расселом, которого уложили на койку.

– Да, конечно... Но неужели... они обитают в лабиринте?

– Нет, – медленно, но очень внятно заговорил Латикайнен, которому Жиро уже успел влить в рот немного вина. – Они живут далеко отсюда... в ледяных пещерах... даже подо льдом. О, они разумны, очень, но... – Латикайнен вздрогнул...

– Молчите, молчите, – сказал Белов. – Потом расскажете.

– Да... я долго пробыл... у них... Они все понимают... Гигантский болид разрушил часть их пещер... Они решили, что это мы... И схватили меня, может быть, как заложника... А потом Рассела вытащили из саней... Но старались сохранить нам жизнь. Они аккумулируют какую-то лучистую энергию и легко могут убить разрядами, когда взволнованы... Их язык очень примитивен, но... они способны передавать какие-то сигналы мысленно... или при помощи радиоизлучения... Эволюция в этих труднейших условиях наделила их удивительными свойствами, которыми мы не обладаем... Но они поняли, что мы тоже разумны, и хотели установить контакт... Может быть, поэтому нас и отпустили сегодня...

– Ну, дружище, – тихо сказал Вериадзе Белову. – Ты оказался прав во всем... Абсолютно во всем. Неужели ты рассчитывал даже на это? – Вериадзе кивнул в сторону Латикайнена и Рассела.

– А пожалуй, я мог бы еще подрасти в твоих глазах, – улыбнулся Белов. – Что мне стоит сказать: да, рассчитывал? Но нет, Шота, дорогой. На их счастливое возвращение от «братьев по разуму» даже я не смел рассчитывать... Ну что ж, тем больше шансов в пользу установления надежных контактов... в будущем. Здешные аборигены могут стать неоценимыми помощниками при исследовании антарктических пустынь. А сколько любопытнейших задач для физиологов! Кто знает, быть может, у zdeшних аборигенов проявились какие-то свойства, которые обычный человек Земли приобретает лишь после длительной эволюции...

Уильям Мейкл
ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ

Отец мой был носильщик-шерпа. Кстати, почти все мужчины из числа моих ближайших родственников потратили лучшие годы, помогая иностранцам с Запада затаскивать тяжелые грузы на крутые горы.

Я с малых лет решил наплевать на эту традицию.

Может, вы видели меня на рынке в Катманду. Там всегда полно туристов. У них водится слишком много денег и слишком мало мозгов, и каждый хочет купить и увезти домой кусочек Тибета. А я всегда готов их обслужить. В конце концов, им незачем знать, что сувениры на моем прилавке изготовлены по большей части на фабриках Шанхая и Дели.

В этом году на мировых финансовых рынках разразился очередной кризис. Количество покупателей и мои доходы резко упали, и я уже начинал беспокоиться, чем стану кормиться зимой.

И вот тогда отец, который давно уже болел, послал за мной.

О металлической шкатулке я знал всю жизнь – но никакие детские скандалы и истерики не помогли мне ознакомиться с ее содержимым.

Отец понимал, что скоро умрет, и все изменилось. Он велел мне хранить шкатулку, повторив наказ своего отца. И теперь я готов поделиться ее сокровищами с вами и со всем миром. Уверен, что когда вы увидите документы, которые я вам покажу, мы сойдемся в цене и оба останемся довольны.

Все это заняло какое-то время, но я расположил документы в хронологической последовательности. Так легче разобратся. Начнем с их прибытия в лагерь III.

19 мая 1924 года

Четыре дня прошло с тех пор, как нас благословил лама монастыря Ронгбук. По счастливой случайности или божественному вмешательству, погода после этого значительно улучшилась и Нортона, Сомервелла, Оделла и я без особых трудностей добрались до лагеря III, нашего передового лагеря на двадцати одной тысяче футов. Он призван слу-

жить опорной базой в ходе попыток покорить вершину и находится менее чем в миле от ледовых склонов, ведущих к Северному седлу.

Небо еще недостаточно прояснилось, и цель нашу мы не видим, но все мы знаем, что она там, нависает над нами. Я и сейчас вижу ее мысленным взором, и каждую ночь созерцаю ее в своих снах.

Я не позволю ей победить себя.

Только не в этот раз.

Как я и подозревал, такая близость к горе вновь принесла кошмары. Тогда, в 22-м, я поддался искушению гордыни; сейчас у меня хватает мужества в этом признаться. После того, как Финч дошел до двадцати семи тысяч футов и даже выше, я твердо сказал себе, что должен стать первым. Что имею на это *право*.

Моя спесь чуть не погубила нас всех.

Шерпы предупреждали меня, что погода портится, но я был так близок к цели... Я шел вперед, мечтая забраться выше Финча и вдобавок доказать ему, что это *можно* сделать без кислорода. Если бы из ниоткуда вдруг не налетел проклятый муссон, у меня бы получилось.

Кончилось тем, что шерпы уговорили меня на стратегическое отступление. Я все еще считаю, что позорный страх этих закаленных людей был продиктован не только погодой, но что бы ни стало причиной их трусости, было ясно, что без них я не смогу продолжать путь.

Мы вовремя повернули обратно – по крайней мере, так нам казалось. Я возглавлял группу носильщиков, спускавшихся с нижнего склона Северного седла по пояс в свежесвыпавшем снегу. Сирдар остановился и указал на гребень. Я поднял глаза и увидел, как прямо на нас несется снежная волна.

Мне повезло выбраться из этой переделки живым. Семь из моих шерпов оказались не так удачливы и погибли в лавине. Выжившие носильщики не упрекали меня, но дома меня ждал поток обвинений.

Я надеялся, что газеты на сей раз смягчат свой тон, ведь мое имя на два года исчезло с их страниц. Но я ошибся.

Не стоит ворчать. Меня вполне могли оставить в Блайтли, как беднягу Финча. Несказанная удача, что я вообще здесь, и на этот раз я ее не упущу.

Ну как, понимаете, что у меня тут? Самая первая запись имеет историческое значение. Почерк самого Джорджа Мэллори! А дальше становится только лучше.

Гораздо лучше.

Пропускаю много страниц, где описано, как они обустроили лагерь IV и не смогли продвинуться из-за плохой погоды. Думаю, вы согласитесь, что странички эти сами по себе стоят хороших денег. Но перейдем сразу к первой попытке штурма.

2 июня 1924 года

Как же горько испытать поражение... Особенно после нашего многообещающего старта вчера утром.

Мы с Брюсом вышли из лагеря IV, собираясь в этот день пройти со стороны Северного седла и разбить два лагеря повыше перед финальным утренним броском к вершине. Мы знали, что Нортон и Сомервелл пойдут на штурм через сутки после нас, и поклялись первыми оказаться наверху. С нами была небольшая команда носильщиков, всего девять *тигров*.

Вначале подъем был несложен, так как мы шли под нависающим гребнем Северного седла. Настроение царило боевое, и носильщики – некоторые из них были со мной в двадцать втором – даже добродушно перешучивались.

Стало куда хуже, когда мы вышли из укрытия ледяных стен. Сильные порывы невыразимо холодного ветра хлестали нас, как плети, и проносились по всему северному склону.

Мы решили после привала разбить лагерь V на двадцати пяти тысячах футов и продолжать двигаться вверх, но ветер оказался серьезным противником. В поздние послеобе-

денные часы мы наконец достигли места, которое прежде рассматривали только в бинокли.

Брюс первым ступил на небольшое плато, обернулся и позвал меня. В его голосе звучали недоуменные нотки.

– Послушайте-ка, Мэллори. Вы уверены, что мы – единственная группа на горе?

Я забрался вслед за ним на плато и сразу понял, что он имеет в виду.

От нас вверх по склону уходила цепочка свежих следов. Я принялся рассматривать те, что были поближе. Очевидно, существо, оставившее их, стояло на утесе и следило за нашим восхождением, а затем отступило и забралось повыше.

– Снежный барс? – спросил Брюс.

Я отрицательно покачал головой.

Существо передвигалось не на четырех ногах. Следы отпечатались очень четко и во всем походили на человеческие. Но, последовав по ближайшим следам, я увидел, что искаженная перспектива сыграла со мной дурную шутку. Если следы эти оставил человек, он должен был обладать необычайно длинными ногами – расстояние между отпечатками составляло почти шесть футов. Следы, будто под весом тяжелого тела, глубоко уходили в снег.

Я как раз наклонился над одной из ямок, когда на плато появились носильщики. Кто-то из них бросил взгляд на следы и испустил вопль, который отдался эхом в горных пропастях вокруг нас. Не произнося больше ни слова, он повернулся и бросился прочь. За ним почти сразу последовали трое других. Я глянул вниз и увидел, что они в страхе скинули тюки и беспорядочно разбросали их по всему склону.

У меня не было времени стоять там и гадать, почему эти крепкие люди бежали с такой поспешностью. День клонился к закату; без четырех носильщиков нам будет нелегко разбить лагерь до темноты.

Брюс и один из *тигров* стали собирать разбросанные тюки, а все остальные начали разбивать лагерь. Только к вечеру, вымотанные до предела, мы собрались у очага за чаем.

Я попытался было разузнать у *тигров*, почему убежали другие носильщики, но они отвечали лишь невнятным бормотанием и опускали головы, словно боялись встретиться со мной взглядом.

Мы рано легли спать, хорошо зная, что отсутствие четырех носильщиков доставит нам на следующий день немало хлопот.

Мои надежды на отдых оказались тщетны. Ночью я проснулся. Сперва я подумал, что Брюс храпит громче обычного, но *сонение*, доносившееся снаружи, ничем не напоминало человеческий храп. Если бы дело происходило в Северной Америке, я рассудил бы, что там в поисках съестного возится медведь, но в этой местности никакие медведи не водились – во всяком случае, я о них не слыхал.

Я встал и выбрался из палатки. Шел снег, не очень густой, но скрывавший от меня источник шума. Я успел только мельком заметить темную тень, взбиравшуюся по склону. Когда я вернулся в палатку, все *тигры* повернулись ко мне, и снова я увидел страх в их глазах.

Утром мы заметили у палатки свежие следы.

Тигры наотрез отказались идти дальше и с дрожью ужаса смотрели на эти следы. По правде сказать, они спешили немедленно покинуть лагерь. Вспоминая об опыте 22-го, я не хотел их принуждать к подъему, и мы с Брюсом неохотно согласились отказаться от восхождения во имя общего блага. Мы позаботились о безопасности лагеря и припасов и начали спускаться. Лагерь VI придется разбивать другой команде.

Они сейчас наверху – Нортон и Сомервелл. По пути вниз мы пересеклись с ними. Они шли в гору. Я отвел Сомервелла в сторонку: зная, что у него при себе фотографический аппарат, я попросил его сфотографировать любые следы, которые им попадутся.

Добравшись до лагеря IV, я посмотрел вверх и увидел, что вторая команда уже миновала нашу отметку. Я счастлив, что новый штурм проходит успешно.

Но там, наверху, должен быть я.

Быть может, через несколько дней так и случится.

5 июня 1924 года

Нортон и Сомервелл потерпели неудачу. Да, Сомервелл только что вернулся в лагерь IV, едва уцелев. Он рассказывает удивительные вещи об этих кручах. До вершины он не добрался и все же, как мы считаем, поставил новый мировой рекорд высоты. Он говорит, что сделал самые поразительные фотографии горных вершин. Но он дорого за них заплатил — кашляя кровью, лишился всей выстилки горла и в процессе едва не задохнулся.

Следующая попытка за мной. Я выхожу утром с молодым Сэнди Ирвином. По праву идти со мной должен был бы Нортон, но последнее восхождение далось ему совсем тяжело. Ирвин в роли напарника меня не беспокоит. Парень силен, как бык, наделен редким рвением и стремится к победе.

Нортон и Сомервелл сумели разбить лагерь VI, но без происшествий не обошлось. Трое из их *тигров* впали в ту же непонятную панику, что и наши носильщики, и отказались идти дальше. Нортон говорил об углублениях в снегу; по его мнению, это пятна льда, который подтаял и после снова замерз, создавая впечатление следов большого животного. Мысль о том, что так высоко на горе может обитать крупное двуногое существо, он поднял на смех, а *тигров* презрительно назвал *суеверными крестьянами*.

Я же, со своей стороны, не собираюсь торопиться с выводами, пока не появятся новые свидетельства.

Как бы то ни было, это не важно.

Неведомые звери не заставят меня отступить от *моей* горы.

Я показал вам все это просто как *намек* на то, что последует дальше. Известно ли вам, что у Ирвина во время восхождения был с собой фотоаппарат? Представляете себе, что может быть на этой пленке?

А если я скажу вам, что в жестяной шкатулке, доставшейся мне от отца, имелся и помятый «Кодак»? Думаю, это значительно увеличит стоимость всего *пакета*.

Заднюю крышку аппарата я не пытался открывать, но пленка, похоже на то, все еще внутри. Я уверен, что с помощью современных технологий фотографии можно спасти. Учитывая продолжение дневника Мэллори, остается только гадать, какие чудеса запечатлелись на пленке.

Вперед – перейдем к главной части нашей истории.

Мэллори и Ирвин начали восхождение в 8.40 утра на следующий день. Ночь они провели в лагере V, а 7-го июня дошли до лагеря VI. Здесь была сделана очередная запись в дневнике.

7 июня 1924 года

Я рад, что мы захватили кислород, и рад вдвойне, что со мной Ирвин: он умело обращается с проклятыми баллонами, с которыми я еще не научился справляться. Несмотря на мои прежние сомнения, кислород пока что очень помогает в восхождении. Мы вышли к лагерю с меньшими усилиями и гораздо быстрее, чем мне представлялось возможным. Оделл также убедился в преимуществах кислорода. Сейчас он должен был уже добраться до лагеря V; там он найдет множество новых камней, описание которых надолго его займет. Я отправил к нему двух носильщиков с запиской, где просил следить с утра за нашим восхождением.

Признаюсь откровенно, подгонять носильщиков не понадобилось, так торопились они уйти.

Ночью было страшно холодно, ветер свистел и всей своей мощностью налетал на палатки – так что временами я боялся, что нас снесет с горы, как моряков смывают бушующие волны. Я очень плохо спал.

Около двух тридцати утра свист ветра упал до шепота.

И тогда я это услышал.

Могу сравнить этот звук лишь с воем волчьей стаи, который я как-то слышал в Канаде: тогда эти высокие, дикие завывания сопровождали выбор вожака. Но сейчас вой звучал так, словно исходил из горла одного-единственного животного, одаренного, правда, изумительным голосом. Ни-

когда еще ни один итальянский тенор не исторгал такие неземные, прекрасные звуки. Будто какой-то бог пел нам песню в самом высоком месте планеты.

Я не стал бы описывать этот полет воображения, однако ночная мелодия потрясла меня до глубины души, и чувства, поднявшиеся во мне, были почти религиозными.

Носильщиков, напротив, пение только ужаснуло. Один из них продолжал кричать, пока другие его не успокоили. Он постоянно повторял все те же два слова.

Метох-кангми.

Через несколько минут ветер поднялся снова и ярость его заглушила все остальное.

С немалым трудом я смог убедить одного из *тигров* рассказать о причине их страха. Легенда довольно характерна для отставших от цивилизации народов: демон мужского пола, что обитает высоко в горах и похищает зазевавшихся женщин и детей – создание хитрое и изобретательное, а главное, наделенное пугающей силой и свирепостью. Мне всегда казалось, что эти рассказы предназначены удерживать детей и подростков вблизи домашнего очага, и я не намерен думать иначе по причине ночного пения, будь оно каким угодно музыкальным.

Кроме того, носильщики говорят, что гора принадлежит этому зверю. Такого я не могу допустить.

Гора моя.

Это последняя запись перед финальным штурмом. Все носильщики ушли в лагерь IV, на склоне остались лишь мы с Ирвином. Сэнди возится с кислородными баллонами, проверяя, готово ли снаряжение к предстоящим нам испытаниям. Я чувствую знакомое волнение.

Небеса чисты, и моя гора ждет меня.

Не знаю, насколько вы знакомы с подробностями этого штурма. Пока что все описанное более или менее общеизвестно – точнее, вы узнали даже *больше*, чем было известно до сих пор. Самое интересное впереди, но прежде я хотел бы обратить ваше внимание на запись, которую я нашел в старых отчетах об экспедиции, так как она проливает свет на другую часть нашей истории.

Это дневниковая запись Оделла, геолога, о котором выше упоминал Мэллори. Он в самом деле добрался до лагеря V, где оказался 7-го июня. Здесь он встретил спускавшихся с горы носильщиков Мэллори и Ирвина; те передали ему следующую записку от Мэллори:

*Дорогой Ноэль,
вероятно, мы выйдем завтра (8-го) пораньше, чтобы воспользоваться ясной погодой. Часов с восьми утра Вы сможете отслеживать наше продвижение: мы будем пересекать скалистую полосу под вершинной пирамидой либо взбираться на гребень.*

*Искренне Ваш,
Д. Мэллори*

Вечером 8-го июня Оделл сделал запись в своем дневнике.

Полевой журнал Ноэля Оделла, 8 июня 1924 года

Опасаюсь худшего.

Утром я начал восхождение с целью продолжить геологические исследования. Ветер и туман, окутывавший гору, мешали мне разглядеть гребень, где должны были продвигаться Мэллори и Ирвин. Я дошел до двадцати шести тысяч футов и пересек небольшое обнажение, где задержался, чтобы изучить превосходную гранитную интрузию.

В 12.50, как только мой восторг, связанный с находкой первых неоспоримых окаменелостей на Эвересте, немного поутих, вокруг внезапно прояснилось, и я увидел весь гребень и сам пик вершины. Мои глаза приковала к себе крошечная черная точка, чей силуэт вырисовывался на маленьком снежном пятачке под скальным уступом гребня. Черная точка зашевелилась. Показалась вторая черная точка и пересекла пятачок, присоединившись к первой. Тогда первая направилась к большому уступу и вскоре очути-

лась на нем; за ней последовала вторая. Затем поразительное видение исчезло, снова скрытое облаками.

Я сильно обеспокоен: Мэллори и Ирвин, судя по всему, на пять часов отстают от графика и вряд ли сумеют сегодня добраться до вершины. Вижу также, что близится непогода. Я решил переместиться в лагерь VI, так как им могла понадобиться моя помощь.

В 1.45 дня я с двумя носильщиками достиг гребня, и стихия сразу же с яростью набросилась на нас. Укрыться было практически негде — с первого же взгляда стало ясно, что в лагере царит беспорядок. Кругом были разбросаны пайки и спальные мешки, точно их расшвыривал кто-то в припадке бешеной злобы. Мне показалось, что я вижу в снегу свежие следы, но в этот момент шквал обрушился прямо на гору, швыряя мне в глаза колючий снег, и мы вынуждены были спрятаться в единственной оставшейся стоять палатке.

Мы по очереди выходили наружу и звали Мэллори и Ирвина, надеясь, что они расслышат наши крики в реве бури и найдут обратную дорогу в лагерь. Ответа мы не дождались. Мы провели несколько поистине ужасных часов, прижимаясь друг к другу в этой палатке. В предвечерние часы ветер начал стихать. Мы стали осматривать склоны в поисках Мэллори и Ирвина, но никого не увидели.

Затишье позволило нам быстро спуститься в лагерь IV — ни один из нас не желал оставаться на ночь на такой высоте. Утром я твердо намерен выйти на поиски товарищей.

Я не оставлю их умирать на этой горе.

На этом теряется последний след Мэллори и Ирвина. Вы, вероятно, знаете, что останки Мэллори были найдены. В 1999 году экспедиция Симонсена обнаружила его тело на высоте примерно двадцати семи тысяч футов. Мы еще обратимся к вопросу, как тело оказалось там, но сначала я хотел бы напомнить, что именно я вам предлагаю. В 1924 году эта история была сенсацией. О восхождении писали все газеты мира. Мэллори и Ирвин стали националь-

ными героями. Один из внутренних дворов колледжа Магдалины в Кембридже, альма матер Мэллори, был переименован в его честь; там был установлен мемориальный камень, который можно видеть и сегодня. Другой памятник был установлен в Оксфорде, где учился Ирвин. В соборе св. Павла прошла поминальная служба по Мэллори. Присутствовал тогдашний премьер-министр Д. Рамсей Макдональд, кабинет министров в полном составе и королевская семья, включая короля Георга V. И все это — в те давние дни, когда средства массовой информации были лишь жалким подобием сегодняшних!

Способны ли вы представить, какие возможности для экранизаций, франшиз, изданий и перепечаток открывают мои документы?

А я ведь даже не упомянул о главном откровении.

Все это имеет историческое, глобальное значение. Смеею полагать, вы согласитесь со мной, когда прочтете последние записи в бумагах из жестяной шкатулки.

Для начала, еще одна запись Мэллори, датированная 9-м июня.

9 июня 1924

Приветствую всех с вершины мира!

Я пишу эти строки, греясь на солнце на самой вершине Эвереста. Ирвин поглощен фотографированием и старается сделать как можно больше снимков. Я водрузил на вершине маленький «Юнион Джек». Мы по очереди сфотографировались рядом с флагом; убежден, что по возвращении домой такой снимок наконец-то сделает меня героем газетных полос. Я поместил у флага портрет жены; фотография Рут была со мной на протяжении всего путешествия из Англии, и теперь часть ее, как и часть меня, навсегда останется там, на самой вершине моих достижений.

Мне не раз, особенно в течение последних тридцати часов, казалось, что нам снова придется отступить, что гора вновь одолеет меня. Но целеустремленность Ирвина, чело-

века по-настоящему стойкого, помогла нам преодолеть все преграды.

С первой из них мы встретились вчера, ранним утром. Вскоре после выхода из лагеря VI мы опять заметили на свежем снегу неизвестные следы, которые вели от лагеря в сторону пиков. Мы подняли глаза – и я тут же услышал зловещий грохот падающего снега где-то над нами. Кажется, я заметил на гребне бледную фигуру, но времени вглядываться пристальней не оставалось: к нам уже неотвратимо мчалась снежная стена.

Быстрая реакция Ирвина спасла мне жизнь. Он вонзил ледоруб в слежавшийся снег и мы скорчились под небольшим снежным козырьком, помешавшим лавине снести нас в пропасть. К счастью, лавина была незначительная, но я был потрясен ее внезапностью и несколько минут не мог прийти в себя.

Сложный подъем с траверсами взад и вперед по склону занял несколько часов; мы были вынуждены ступать со всей осторожностью из страха вызвать новый обвал и очень устали, добираясь до гребня – а ведь нам предстояло еще немало таких подъемов.

Мы прошли траверсом к глубокой впадине, ведущей к восточному подножию вершинной пирамиды. Нортон говорил мне, что во время восхождения они продвинулись чуть дальше этого места, и мы решили назвать его путь *кулуаром Нортон*.

В этой точке мы расстались с кулуаром Нортон и совершили диагональный траверс северного склона. Мы быстро пересекли крутое, покрытое фирном пространство с несколькими пятнами свежеснежавшего снега. Далеко слева, если не ошибаюсь, мы какое-то время видели следы Сомервелла, но вскоре миновали место, где он повернул назад.

Я попросил Ирвина на минутку остановиться и мы обменялись скромными поздравлениями – предельная высота, какую достигал когда-либо человек, осталась позади. Основание вершинной пирамиды находилось всего в двухстах футах над нами, и к нему вел нетрудный подъем.

Мы двинулись в путь, но только после полудня вышли к подножию утеса, который видели снизу, с большого расстояния; его называют *Второй ступенью*. Мы давно знали, что этот участок станет одной из труднейших составляющих *любого* восхождения.

Он оказался хуже, чем мы могли вообразить. Скала почти в сто футов возвышалась над нами массивным монолитом. Ирвина изрядно обескуражила громадность задачи, да и мне скала показалась непреодолимой; с такими я еще не сталкивался. Но это была *моя гора, моя судьба*.

Стиснув зубы, я полез на скалу.

Прежде я считал восхождение на Пиллар-Рок в Западных холмах самым сложным эпизодом в своей биографии альпиниста, но «Вторая ступень» оказалась еще сложнее. Долгие, нескончаемые часы я сражался с нею, а Ирвин осторожно полз следом, повторяя каждое мое движение. Я карабкался вверх, отступал, переходил вправо, влево. Нескольким раз мне пришлось возвращаться назад и менять направление.

Но я не готов был признать поражение. Уже близились сумерки, когда я перевалился через последний выступ, битый час не поддававшийся моим усилиям, и растянулся на спине, хватая ртом воздух, у подножия пирамиды.

Я помог Ирвину забраться наверх. В уходящем свете мы разглядели, что путь к вершине проходит по заснеженному склону с уклоном в сорок пять градусов, который ведет напрямик к вершинному гребню.

Нам пришлось заночевать на уступе; под нами, при свете звезд, словно раскинулось все мироздание. Спали мы по очереди и старались экономить кислород, так как утром нас ждали новые испытания.

Холод был адский, и я продрог до костей. Должно быть, мы до сих пор бы лежали там, спаянные с утесом в один мерзлый камень, если бы нас внезапно не разбудило то же высокое завывание, та же мелодия, что мы слышали минувшей ночью. Здесь, на вершине мира, она звучала как пение ангелов, и все же я со всей остротой сознавал, что звук раздавался над нами.

Какое бы ни находилось там существо, оно пряталось наверху, на вершине, на *моей* горе.

Мысль об этом заставила меня вскочить на ноги. Я провел предраассветные часы, расхаживая по узкой каменной полоске и пытаюсь разогреть мышцы; как только небо посветлело, я разбудил Ирвина и мы пошли на последний штурм.

Заснеженный склон мы преодолели сравнительно легко. Ирвин предоставил мне честь первым ступить на вершину, и я сперва довольно внимательно осмотрел ее, ожидая увидеть и здесь следы, так похожие на человеческие. Но снежный покров сиял нетронутой белизной — и в десять часов тридцать минут утра я взошел на вершину во имя своей страны и короля.

Я стою на вершине мира.

Понимаете, что это значит? Джордж Мэллори был *первым* человеком на Эвересте, и перед нами доказательство, причем запись сделана его собственной рукой. Некоторые современники всегда верили, что Мэллори удалось покорить вершину. Том Лонгстаф, один из спутников Мэллори в экспедиции 1922 года, позднее писал: «Для любого альпиниста очевидно, что они побывали на вершине».

Но до сих пор успех Мэллори *никогда* не был подтвержден. Оделл выполнил данное самому себе обещание и вернулся с двумя носильщиками на гору. Около 3.30 дня 9 июня они достигли лагеря V, где провели ночь. На следующий день Оделл в одиночку поднялся к лагерю VI, который по-прежнему оставался пустым. Затем он взобрался по склону, где Мэллори и Ирвин были застигнуты небольшой лавиной, но не обнаружил ни единого следа пропавших альпинистов. В лагере VI он расположил на снегу в форме буквы Т два спальных мешка, что являлось сигналом для базового лагеря: «Исчезли бесследно. Оставил всякую надежду. Жду указаний». После этого Оделл, оплакивая погибших друзей, спустился в лагерь IV.

Наутро участники экспедиции прекратили поиски и начали собираться в обратный путь. Судьба Сэнди Ирвина остается неизвестной.

Готов поспорить, вы уже решили, что в наших *переговорах* я слишком рано выложил козырную карту. Но я могу показать вам кое-что еще. Продолжение этой истории заставит содрогнуться весь мир, от впадин морских до вершины самого Эвереста.

Последние записи в дневнике принадлежат не Мэллори. Они сделаны дрожащей, неуверенной рукой, как если бы писавший был очень болен — и подписаны именем Сэнди Ирвина. Первая дата может вас немного удивить.

23 июля 1924 года

Я не совсем уверен, какое сегодня число, но точнее мне не определить. Здесь некому меня поправить — где бы ни было это «здесь». Знаю только, что это горная деревня и что никто в ней не понимает ни единого английского слова.

Я плохо помню, как попал сюда. Лихорадочный жар начинает спадать. По временам я думаю, что лучше мне было бы оставаться в беспомощности: я гляжу на свои ноги и понимаю, что без медицинской помощи долго не протяну. Моя хозяйка — маленькая высохшая женщина, которой можно дать и восемьдесят лет, и все сто — принесла мне вещи, что они нашли рядом со мной, и я с удивлением обнаружил, что дневник Мэллори уцелел. Надеюсь, эти записи отвлекут меня от боли... и ужаса.

С чего начать?

Наверное, с того, на чем остановился Мэллори, но в первую очередь я должен рассказать о восхождении на «Вторую ступень». Думаю, это достижение останется непревзойденным подвигом в истории альпинизма. Однажды я побывал на лекции Уинтропа-Янга, и его высказывание о Мэллори запечатлелось в моей памяти:

«Его движения при восхождении были уникальны. Они противоречили всем теориям. Он высоко поднимал ногу,

опираясь на любой уклон гладкой поверхности, пригибал плечо к колену и буквально перетекал вверх, распрямляясь в стремительном броске. Что бы ни происходило невидимо для глаз между ним и скалой... выглядело это всегда одинаково, и результат был таким же – единое волнообразное движение, такое быстрое и мощное, что скале, казалось, остается лишь уступить или исчезнуть».

Там, на «Второй ступени», я в этом убедился – Мэллори словно взял верх, навязав скалам свое тело и волю, и горе пришлось сдаться. Я был уверен, что он повернет назад, но эта мысль, думаю, даже не мелькала в его голове.

Я хотел передать невероятную *убежденность* в его взгляде, когда делал последний снимок на вершине. Мэллори сидел на камне рядом с маленьким флагом.

Он только что отложил дневник. Под ним будто раскинулся весь мир. Ради фотографии он снял кислородную маску, и по лицу его расплылась широкая, радостная улыбка. Я поднял аппарат и стал наводить объектив на резкость.

И тогда я увидел это существо.

Оно взлетело по склону стремительными прыжками, и сперва я заметил лишь размытую тень. Не успел я даже крикнуть, как существо нависло над Мэллори.

Оно было в полтора раза выше меня, размах плеч составлял около четырех футов. Под кожей бугрились и перекачивались твердые как камень мускулы. Все тело за исключением ладоней, где кожа была грубой и жесткой, почти черной, покрывала грязно-белая шерсть. С бедер свисали космы волос, напоминая толстый килт, доходивший чуть ли не до колен. От него исходила мускусная и прогорклая вонь, отдававшая запахом болотистой заводи в жаркие дни. Млечно-белые глаза уставились на Мэллори.

– Берегитесь! – наконец воскликнул я.

Зверь в недоумении закрыл уши руками толщиной с человеческую ладонь. Голова у него была овальной формы, а череп сзади слегка заострен. Здесь волос было больше, они свисали на широкую спину, подобно гриве. Существо раскрыло пасть, полную длинных желтых зубов, и завопило, выпрямившись во весь рост и колотя себя в грудь ладоня-

ми; эта быстрая барабанная дробь эхом разнеслась по всей горе.

Кажется, затвор аппарата *щелкнул* под моим пальцем, когда существо набросилось на Мэллори. Тот наполовину обернулся, и в этот миг зверь ударил его правой рукой по голове. Мэллори упал набок, сбив флаг. Ветер подхватил маленькое полотнище и вместе с фотографией жены Мэллори понес его вниз по склону.

Мэллори попытался приподняться. Зверь наклонился, схватил его за правую ногу и поднял в воздух. Он дважды прокрутил на головой тело Мэллори. Даже на расстоянии я слышал, как *хрустнула*, ломаясь, кость ноги. Существо снова раскрутило тело и швырнуло его прочь. Мэллори, размахивая руками, пролетел по воздуху ярдов двадцать, упал беспорядочной грудой и покатился по склону, кувыряясь и переворачиваясь, пока не застыл в облаке сухого снега, который быстро окрасился красным.

Зверь выпрямился на вершине во весь рост. Он поднял голову к небесам и завыл, вновь барабана ладонями по груди.

Затем, так же стремительно, как появилось, существо повернулось и исчезло.

У меня не было времени следовать за ним. Я с трудом стал спускаться с вершины, надеясь вопреки всему, что Мэллори еще жив.

24 июля 1924 года

Вчера мне пришлось прерваться. Записи утомляют меня, но дело даже не в этом: мысль о состоянии, в котором я нашел Мэллори, принесла тягостные воспоминания, и продолжать я не мог.

Мои недуги, хоть они и серьезны – ничто в сравнении с увечьями, нанесенными бедняге Мэллори. Когда я добрался до него, он был в сознании, но так страдал, что предпочтительней было бы милосердное забытие. Его правая нога была сломана по меньшей мере в трех местах, кости проткнули кожу и торчали под неестественными углами. Сама

нога, казалось, безвольно висела, словно была полностью вывернута из сустава. Его лицо было белым, как снег, и только на лбу темнела впадина — туда пришелся первый удар существа, вдавивший в мозг кости черепа.

— Оставьте меня, — прохрипел он сквозь боль.

Но я твердо знал одно: человека нельзя так просто бросать в беде, особенно друга, который нуждается в помощи. Я устроил его поудобней, насколько мог, и вернулся на вершину.

Погода начинала портиться, вокруг сгущался морозный туман, и мне нужно было действовать быстро, чтобы успеть найти дорогу назад, к Мэллори. Вещевые мешки, к счастью, были там же, где мы их оставили, и мне удалось вытащить из них два баллона с кислородом. Я понимал, что запас кислорода в них сильно сократился за время восхождения, но не позволял себе отчаиваться. Я хотел лишь как можно быстрее спустить Мэллори с горы.

Когда я уже собрался уходить, в глаза мне бросился дневник Мэллори, лежавший на земле. Я добавил его к своей ноше, подумав, что он доставит Мэллори некоторое утешение — если только он сможет когда-либо снова прочитать эти страницы.

Зверь не показывался и не издавал ни звука.

К своему удивлению, я застал Мэллори сидящим. На его лице было написано страдание, но он положил левую ногу на правую, защищая свои раны.

— Оставьте меня, — снова прошептал он.

— Ну уж нет, старина, — ответил я.

Общими усилиями мы кое-как связали его ноги вместе. Крики боли отдавались по всему склону, но сознания он не терял. Он даже предложил маршрут спуска, по которому мы должны были до наступления ночи вернуться в лагерь IV.

Я не считал, что он продержится так долго, но его неукротимая воля, казалось, превозмогала раны, что давно убили бы менее сильного человека. Он был не в силах нести мешок или баллон с кислородом, и при каждом вдохе жадно хватал ртом воздух.

Но когда он понял, что я не брошу его, он решительно настроился помочь мне со спуском. В связке мы медленно спустились по верхним склонам пирамиды, ни словом не упоминая о том, что лежало впереди — о крутом утесе, называемом «Второй ступенью».

К тому времени, как мы достигли края утеса, туман настолько сгустился, что не было видно ни вершины, ни подножия «ступени». Я хотел спускаться первым, но Мэллори ни за что не соглашался, и с его доводами трудно было спорить.

— Если вы сорветесь, я вас не удержу, — сказал он.

Он скользнул через край.

Я увидел самую поразительную демонстрацию искусства восхождения, какую только могу припомнить. Несмотря на адскую боль, терзавшую его тело, Мэллори спускался, используя одни пальцы и силу рук; он цеплялся за мельчайшие, незаметные для меня трещины в скале. Я крепко сжимал веревку, но ни разу мне не пришлось ее удерживать.

Я начинал уже думать, что нам удастся спуститься с горы живыми.

Мэллори был футом в двадцати от подножия, когда я услышал хруст снега под тяжелыми шагами в нескольких ярдах левее от себя.

Зверь вырос из тумана.

Я даже не успел отшатнуться. Существо схватило меня и подняло над головой, словно весил я не больше младенца. Я успел подумать, что оно собирается сбросить меня вниз, и мысленно, признаюсь, произнес не одну молитву, но оно лишь грубо отшвырнуло меня в сторону. Я упал головой вперед; в рот мне набился замерзший снег.

Обернувшись, я сразу понял, почему зверь *отделался* от меня. Он глядел прямо вниз с утеса. Я все еще был обвязан веревкой, но не чувствовал никакого натяжения. Только легкое подрагивание веревки говорило мне, что Мэллори все еще там, все еще спускается.

Но сколько это продлится?

Зверь наклонился, схватил веревку и начал ее вытягивать. Я услышал отдаленный крик Мэллори.

Я сделал единственное, что мне оставалось. Я взмахнул ледорубом и набросился на животное сзади.

25 июля 1924 года

Сожалею, что был вынужден бросить рассказ на полуслове. Боль становится невыносимой. Обе ноги почернели и продолжают гнить. От жуткого запаха кружится голова, однако крошечная хозяйка стойчески его терпит и все время смотрит на меня с печалью во взоре.

Мне осталось, я думаю, недолго.

К счастью, не так много осталось и рассказать.

Я ударил зверя ледорубом, угодив в нижнюю часть шеи. Клюв ледоруба глубоко ушел в мясо и зверь взвыл от боли. Он сжал веревку обеими руками и одним рывком разорвал связку, которая могла выдержать вес пяти человек.

Не помню, закричал ли перед гибелью Мэллори, так как зверь сразу же обратил внимание на меня. Я понимал, что стоит мне оставить выгодную позицию за его спиной, и я пропал. Я отчаянно вцепился в гриву животного и продолжал наносить удары ледорубом, пока вся моя рука и мех на его плечах не покрылись липкой струящейся кровью.

Существо попыталось схватить меня, но ему помешал мой мешок. Я успел бросить взгляд вниз, когда оно отскочило от края обрыва. Туман рассеялся, и я увидел внизу, у подножия, недвижимое тело Мэллори.

В следующий миг существо помчалось прочь огромными прыжками, словно пытаясь сбросить меня. Я держался за длинную гриву и торчавший из тела зверя ледоруб и скакал на животном, как на бешеном коне, а оно мчалось, будто не чувствуя под ногами снег.

Мы очутились на уступе. Не останавливаясь, существо ринулось в пропасть, показавшуюся мне бездонной.

Несколько секунд я боролся с удушьем, пока не осознал, что кислород на исходе... Я сделал глубокий вдох и сбросил с лица маску. Голову ожгло ветром и холодом, щеки секли льдинки. Я погрузил лицо в мех зверя и крепче схва-

тился за длинную шерсть. Дышать стало совсем трудно, и вскоре я потерял сознание.

Очнулся я лишь благодаря сильной судороге, которая прошла по всему телу животного и сбросила меня с его спины. Падая, я сжал рукоятку ледоруба; он остался у меня в руке, прочертив по спине существа длинный кровавый разрез. У меня кружилась голова, я не понимал, где нахожусь, и знал только одно — попытка к бегству закончится смертью.

Я обернулся и посмотрел существу в глаза. Оно тоже выглядело изможденным. Теперь я видел, что мой ледоруб нанес гораздо больший урон, чем могло бы показаться. Бок зверя был весь покрыт кровью, стекавшей на снег густыми каплями. Язык существа, мясистый и серый, похожий на старый камень, ворочался в неожиданно розовом рту. Оно дышало тяжело, как пес в жаркий летний день; с губ и из широких, раздувавшихся ноздрей текла пена.

Вспомнив, как повело себя существо при первом моем крике, я заревел. Думаю, кричал я даже громче, чем в университете, когда мы первыми пересекли финишную черту и выиграли лодочные гонки. Существо прижало к ушам кожистые ладони и застонало, как побитая собака.

Никогда еще я не ощущал такого жалкого страха. Собрав остатки мужества, я шагнул вперед, поднял ледоруб и завопил во весь голос.

К моему несказанному удивлению, существо бросилось наутек.

Я остался один на скалистом пятачке, нависавшем над длинной зеленеющей долиной. Дышать стало легче. Позади высилась гора. Зверь принес меня вниз, в сравнительно безопасное место.

Обессиленный, я упал на колени и заплакал.

26 июля 1924 года

Конец уже близок. Боль в ногах исчезла, сменившись холодным окоченением; я знаю, что это плохой признак. Я впадаю в бредовое состояние и снова прихожу в себя — то я снова оказываюсь лицом к лицу с обезумевшим зверем, то

вижу себя на вершине мира, и мне улыбается Мэллори, а маленький флаг гордо реет на ветру.

Не помню, как я спустился с того места, где оставил меня зверь; в памяти сохранились обрывки, отдельные картины, туманные, как полузабытый сон. Я пришел в себя уже здесь, в постели, не владея ногами: обморожение и гангрена зашли так далеко, что сегодня покончат со мной.

Моя хозяйка нашла жестяную коробку, куда я смогу положить свои вещи. Там будет храниться этот дневник – может, через много лет кто-нибудь найдет его и узнает, что мы достигли цели.

Фотографический аппарат также пережил спуск. Я долго крутил его в руках, вспоминая тот миг, когда существо впервые выросло за спиной Мэллори и мой палец лежал на рычажке.

Успел ли я нажать на него? Сделал ли снимок, который станет таким же знаменитым, как другие мои фотографии, снятые в тот же день?

К сожалению, я этого никогда не узнаю. Я оставляю аппарат вместе с дневником в надежде, что когда-нибудь на мой вопрос найдется ответ. Я положил в коробку и завершие ледоруба. Он проделал со мной весь путь. Кровь давно высохла, но на клюве ее еще много; возможно, придет день, когда сама кровь зверя станет подтверждением моего рассказа.

Не печальтесь. Я стоял на вершине мира рядом с величайшим альпинистом в истории.

Для меня этого более чем достаточно.

Ну, что скажете?

Можете получить дневники, фотоаппарат и окровавленный ледоруб.

Сойдемся на десяти миллионах долларов?

Комментарии

Э. Ф. Бенсон. Рог Ужаса

Рассказ, который считается одной из первых историй об «отвратительном снежном человеке», был опубликован в сборнике Бенсона «Visible and Invisible» («Видимое и невидимое», 1923) и удостоился высокой оценки Г. Ф. Лавкрафта (в эссе «Сверхъестественный ужас в литературе»).

Эдвард Ф. Бенсон (1867-1940) – сын архиепископа Кетерберийского Э. Бенсона, плодовитый английский писатель, автор многочисленных и популярных в свое время романов нравов, биографий, мемуаров и рассказов. В 1892-97 гг. занимался археологическими исследованиями в Египте и Греции. Сегодня наиболее известен как создатель сумрачных и загадочных, но порой юмористических либо сатирических рассказов о призраках.

С. 8. ...Альхубель – Искаж. Альпхубель (Alphubel), от назв. горы в швейцарских Пеннинских Альпах (4206 м).

С. 8. ...Энгадине – Энгадин – большая долина с горными курортами в швейцарском кантоне Граубюнден.

С. 8. ...начертить на льду лезвиями коньков – Автобиографическая деталь: Бенсон был отличным фигуристом и написал, в частности, книги «Английское фигурное катание» (1908) и «Зимний спорт в Швейцарии» (1913).

С. 9. ...они заметили на снегу следы босых человеческих ног – Во время совместной экспедиции Альпийского клуба и Королевского географического общества на Эверест в 1921 г. под руководством подполковника Ч. Говарда-Бюри участники экспедиции заметили в снегу на высоте 6400 м. следы, которые напоминали отпечатки босых человеческих ног. Позднее Говард-Бюри описывал данные следы как волчьи; тем не менее, сведения об этом открытии стали первоисточником многих современных представлений о снежном человеке.

С. 10. ...*Унгехойергорна* – Унгехойергорн (Ungeheuerhorn) – вымышленная гора, букв. «Рог чудовища» (нем.). «Рогом» называют острые вершины в горах альпийского типа.

С. 12. ...*Шрекгорна* – Шрекгорн (Schreckhorn) – гора в Бернских Альпах (4078 м), чье название как раз и означает «Рог Ужаса», «Рог Страха» (нем).

Александр Беляев. Белый дикарь

Впервые в журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 7. Публ. по этому изданию с исправлением ряда опечаток и устаревших особенностей орфографии и пунктуации. В редакц. предисловии опущена отсылка к газетному сообщению (см. ниже).

Рассказ виднейшего советского фантаста А. Р. Беляева (1884-1941) – первое в советской и достаточно раннее в рамках мировой фантастики произведение о снежном человеке, представленном здесь выжившим на гималайских высотах кроманьонцем. «Белый дикарь», согласно редакции журнала «Всемирный следопыт», был навеян газетной заметкой, которая была воспроизведена в № 6 журнала за 1926 г.:

Доволя здесь снимок с телеграммы, напечатанной в прошлом году в газете «Известия ЦИК СССР», редакции «Всемирного Следопыта» сообщает, что читатели нашего журнала, которые заинтересуются находкой человека неведомой расы и его дальнейшей судьбой, найдут в следующем номере нашего журнала

новый рассказ А. Беляева „Белый дикарь“.

Кирилл Станюкович. Человек, который его видел

Впервые в журн. «Вокруг света», 1958, №12, под псевд. «К. С.».

К. В. Станюкович (1911-1986) — советский геоботаник, географ, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент АН ТаджССР. Участник Второй мировой войны, множества экспедиций на Памир, Тянь-Шань, горный Казахстан и Сибирь, автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Написал ряд научно-фантастических рассказов и повестей, собранных в основном в авторском сб. «Тайну охраняет пламя» (1965). В 1958 г. возглавлял комплексную экспедицию АН СССР по поискам на Памире снежного человека, по результатам которой пришел к выводу, что это существо является легендой. Энтузиасты поисков снежного человека позднее обвиняли Станюковича в том, что экспедиция была в действительности нацелена на сбор недостающего материала для его главного труда «Атлас Таджикской ССР» (1968).

Кирилл Станюкович. Голуб-яван (К вопросу о жизни снежных людей на Памире)

Впервые в «Известиях Всесоюзного географического общества», 1957, т. 89, вып. 4, под назв. «Голуб-Яван: (Сведения о “снежном человеке” на Памире)». Публикуется по авторскому сб. «В заоблачных высях» (1980).

С. 79. ...*Рацек* — В. И. Рацек (1918-1980) — известный советский альпинист, военный топограф, автор многочисленных книг о горах и альпинизме, в том числе «Загадка снежного человека» (1962).

С. 80. ...Э. М. *Мурзаева* — Э. М. Мурзаев (1908-1998) — видный физикогеограф, топонимист, историк географической науки.

С. 84. ...*замечательная книга А. Н. Формозова* — Речь идет о книге биогеографа, зоолога, художника-анималиста и популяризатора А. Н. Формозова (1899-1973) «Спутник следопыта» (первое полное изд. 1936), выдержавшей множество переизданий.

Петроний Гай Аматауни. Встреча со «снежным человеком»

Впервые в журн. «Гражданская авиация» (Москва, 1961, № 7), позднее в ростовском журн. «Дон» (1964, № 10, под назв. «(«Тайна “снежного человека”»)), газ. «Кировская правда» (1975) и как часть «фантазии в эпистолах» «Голубой нуль» (1982). Печатается по первой публикации, откуда взята и заставка; рис. В. Силина даны по публикации в журн. «Дон».

П. Г. Аматауни (1916-1982) – прозаик, очеркист, фантаст, летчик-инструктор, пилот и командир корабля гражданской авиации. Участник второй мировой войны. Публиковаться начал в 1944 г. Наиболее известен фантастической трилогией «Гаяна» (1957-66).

В публикации в журн. «Дон», помимо мелких разночтений, после слов «в 347 километрах от цели» следует отрывок:

«Справа – гигантская дьявольская «расческа» из черно-серых скал, слева – глубокий запекшийся шрам в могучем теле хребта, а сверху сыплются на нас трескучие сухие снежинки, гонимые морозным дыханием гор.

Но вся эта прелесть, сам понимаешь, особенно хороша, когда ты видишь ее у себя под крылом, когда вместо ноющей тишины твой слух бодрит шум моторов и когда стрелки приборов не стоят мертво на нулях...

Клинк от души повозился в носу пилотской кабины и доложил нам обстановку. Крылатый разбойник таранил нас «в лоб» и буквально вывернул наизнанку все хозяйство включения зажигания, разомкнул контакты, оборвал проводники и выключил моторы.

И вот мы одни, под крышей мира, на самом чердаке...»

Василий Карпов. Высота 4100

Впервые: «Наука в Сибири». 1984. 26 января; также в журн. «Сибирские огни», 1985, № 12.

В. В. Карпов (р. 1952) – русский писатель-фантаст, автор нескольких научно-фантаст. произведений, публиковавшихся в периодике и сборниках конца 1980-х – нач. 1990-х гг.

С. 103. ...*снежник* – Скопление снега ниже снеговой линии в местах, защищенных от солнца и солнца; может сохраняться после стаивания окружающего снежного покрова или на протяжении всего года.

Йозеф Несвадба. По следам снежного человека

Рассказ был опубликован в авторском сб. «Мозг Эйнштейна» (1960), на русском – в одноименном авторском сб. (1965).

Й. Несвадба (1926-2005) – видный чешский фантаст, врач-психиатр, переводчик, автор многочисленных рассказов и романов. Возглавлял научно-фантастическую секцию СП Чехословакии. В 1956-1992 гг. работал психотерапевтом в психиатрическом отделении университетской клиники в Праге. Наряду с Л. Соучеком считается основным представителем чешской научно-фантастической литературы второй половины XX в.

С. 112. ...*Деменовая пещера* – Имеется в виду Деменовская пещера Свободы в Словакии со знаменитыми сталактитовыми образованиями, открытая в 1921 г.

С. 113. ...*my goodness!* – Господи! (англ.).

С. 113. ...«*Black and White... London*» – «Черное и Белое, особый сорт отборного старого виски Бьюкенена, Глазго и Лондон» (англ.).

С. 119. ...в *Альтамире* – Альтамира – пещера в Испании с наскальными росписями эпохи позднего палеолита (15-10-е тыс. до н. э.). Была открыта в 1879 г. и стала первой обнаруженной пещерой с каменной живописью. Споры о том, действительно ли эти наскальные росписи были сделаны первобытными людьми, продолжались более 20 лет.

С. 120. ...*experto crede* – Доверьтесь опыту (лат.).

С. 129. ...*Нанга-Парбат* – Также Нангапарбат, девятая по высоте гора в мире (8126 м), расположена в Кашмире на северо-западе Гималаев. Считается одним из опаснейших для восхождения восьмитысячников.

С. 140. ...*Мацоху* – Мацоха (букв. «Мачеха») – карстовая пещера-провал в Чехии к северу от Брно, глубиной 138.7 м.

С. 142. ...*батевских ботинках* – Ботинках производства «Батя» (Bata), ведущей чешской (ныне международной) обувной фирмы, основанной в 1894 г.

Андрей Дмитрук. Волосатый парень

Рассказ печатался в авторском сб. «Великая миссия цивилизаторов» (1967).

А. В. Дмитрук (р. 1947) – украинский писатель-фантаст, известный киносценарист, журналист. Автор нескольких изданных на украинском языке сборников рассказов, повестей и романов.

Айзек Азимов. Эверест

Впервые в журн. «Universe Science Fiction», 1953, декабрь.

Выдающийся мастер американской фантастики, биохимик и популяризатор науки А. Азимов (1920-1992) нередко упоминал этот рассказ как пример неудачного предсказания: он был написан в апреле 1953, но опубликован лишь в декабре, т. е. уже после того, как в мае 1953 г. Эверест был покорен.

Боб Шоу. Невероятный дубликат

Рассказ (1974) вошел в авторский сб. «Космический калейдоскоп» (1976).

Боб Шоу (1931-1996) – британский фантаст, уроженец Ирландии. Работал инженером, дизайнером, журналистом; с 1975 г. – профессиональный писатель. Автор почти трех десятков романов и

многочисленных повестей и рассказов, дважды лауреат премии «Хьюго» (1979, 1980) как лучший автор-фэн.

Георгий Реймерс. Горы хранят тайну

Повесть вошла в авторский сб. «Неземной талисман» (1964).

Г. К. Реймерс (1915-2005) – писатель-фантаст, пилот гражданской авиации. Участник Второй мировой войны, много лет работал пилотом в Казахстане, Сибири, Средней Азии. Писать начал в 45 лет, находясь в больнице после инфаркта; помимо научно-фантастических повестей и рассказов, опубликовал также документально-художественные книги, посвященные авиации, и сб. стихов.

С. 170. ...*Дхаулагири* – Горный массив в Непале длиной в 120 км, главная вершина которого вздымается на высоту 8167 м.

С. 179. ...*арчи* – Арча — тюркское название ряда крупных древовидных можжевельников.

Виктор Рожков. Плато черных деревьев

Повесть была опубликована в антологии «Зеленый поезд» (1976).

С. 194. ...*Балянд-су* – Намек на памирскую реку Балянд-Киик. Гидролог А. Пронин утверждал, что в 1957 г. видел в долине этой реки снежного человека; сообщение Пронина об этой встрече произвело сенсацию в СССР и привело к организации экспедиции АН СССР по поискам снежного человека (1958), возглавлявшейся К. Станюковичем (см. выше).

А. Шалимов. Призраки ледяной пустыни

Повесть вошла в авторский сб. «Тайна Тускароры» (1967).

А. И. Шалимов (1917-1991) – советский геолог, писатель-фантаст. Участник Второй мировой войны, а позднее многочисленных геологических экспедиций, автор и соавтор более 100 научных работ; научно-фантастические повести и рассказы, где встречаются различные природные загадки и феномены, объединены в 16 сборников.

Повесть имеет любопытную историю. В первом ее варианте («Призраки белого континента», 1962) действовали прилетевшие с Плутона за земным ураном инопланетяне; позднее они уступили место антарктическим «йети». В 1969 г. вышел и диафильм «Призраки белого континента» (сценарий А. Шалимова, худ. В. Шевченко), который вобрал в себя элементы обоих вариантов и стал одним из известных советских детских «ужастиков».

С. 290. ...*фумарол* – Т. е. трещин и отверстий в кратерах, на склонах и у подножий вулканов, сквозь которые выделяются горячие газы.

С. 291. ...*нунатаков* – Нунатак – окруженный со всех сторон пик или холм, выступающий над поверхностью ледникового покрова.

Уильям Мейкл. Отвратительный

У. Мейкл (Микл) – современный шотландский писатель, живущий в Канаде. Автор двух десятков романов (фантастика, ужасы, фэнтэзи и т.п.) и нескольких сотен рассказов; публикуется в основном в небольших издательствах.

В первой половине новеллы изложены действительные обстоятельства британской экспедиции 1924 г. на Эверест, включая гибель Джорджа Мэллори (1886-1924) и Эндрю («Сэнди») Ирвина (1902-1924), и приведены реальные имена ее участников. Отметим, что вопрос о том, дошли ли Мэллори и Ирвин до вершины, до сих пор остается открытым.

С. 323. ...*Северному седлу* – Имеется в виду покрытый льдом перевал с крутыми склонами, соединяющий Эверест и Чангзе, который в 1920-1930-е годы считался основным путем к вершине. В наши

дни под Северным седлом традиционно устанавливается первый базовый лагерь на горе.

С. 334. ...*Финч* *дошел до двадцати семи тысяч футов* – 23 мая 1922 г. участник британской экспедиции, ученый-химик и альпинист Д. Финч (1888-1970), используя кислород, достиг на Эвересте высоты в 27,300 футов (8,321 м).

С. 340. *Метох-кангми* – Тибетское наименование снежного человека, букв. «снежный человек-медведь».

С. 345. ...*Второй ступенью* – «Вторая ступень» расположена у подножия вершинной пирамиды Эвереста и является началом вершинного участка северо-восточного гребня: 40-метровый подъем считается крайне трудным, однако с 1975 г. многие альпинисты используют установленную здесь китайской командой лестницу.

С. 345. ...*восхождение Пиллар-Рок в Западных холмах* – В 1913 г. Мэллори в одиночку и по собственному маршруту совершил восхождение на г. Пиллар-Рок в Озерном краю Англии. Данный маршрут имеет высокую категорию сложности и сравним по трудности со «Второй ступенью» Эвереста.

С. 347 ...*Уинтропа-Янга* – Д. Уинтроп-Янг (1876-1958) – британский поэт, альпинист, активист физического воспитания, автор ряда известных книг о горных восхождениях.

Оглавление

Э. Ф. Бенсон. Рог ужаса. <i>Пер. М. Фоменко</i>	7
А. Беляев. Белый дикарь	23
К. Станюкович. Человек, который его видел	59
К. Станюкович. Голуб-яван (К вопросу о жизни снежных людей на Памире)	73
П. Г. Аматауни. Встреча со «снежным человеком»	90
В. Карпов. Высота 4100	101
Й. Несвадба. По следам снежного человека. <i>Пер. Р. Разумовой</i>	109
А. Дмитрук. Волосатый парень. <i>Пер. М. Фоменко</i>	146
А. Азимов. Эверест. <i>Пер. И. Гуровой</i>	151
Б. Шоу. Невероятный дубликат. <i>Пер. С. Силаковой</i>	156
Г. Реймерс. Горы хранят тайну	174
В. Рожков. Плато черных деревьев	204
А. Шалимов. Призраки ледяной пустыни	238
У. Мейкл. Отвратительный. <i>Пер. М. Фоменко</i>	332
Комментарии	355

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.